

**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
АРАБСКИХ СТРАН
В 1950-1970-Е ГОДЫ**

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԱՐԱՐԱԿԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՍՈՑԻԱԼ.-ԲԱՂԱՔԱԿԱՆ
ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ԲՆՈՐՈՇ ԳԾԵՐԸ
1950—1970-ԱԿԱՆ ԹՎԱԿԱՆՆԵՐԻՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1980

Р II
450 648

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ СТРАН
В 1950—1970-е ГОДЫ

4532-80

Редакционная коллегия:

Р. Н. АНДРЕАСЯН, Н. О. ОГАНЕСЯН, О. Г. ПЕРЕСЫПКИН

Ответственный редактор Н. О. ОГАНЕСЯН

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
кандидаты исторических наук
Р. П. КОНДАКЧЯН, ДЖ. ДЖАЛИЛЬ

Х 20 **Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950—1970-е гг.: [Сб. статей]/АН АрмССР, Ин-т востоковедения; Отв. ред. Н. О. Оганесян—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980.—207 с.**

Данный сборник является попыткой обобщить опыт общественно-политического и социально-экономического развития арабских стран за последние 20—30 лет. Коллектив авторов, состоящий из специалистов-арабистов Москвы, Ленинграда, Баку, Ташкента, Ашхабада и Еревана, рассматривает наиболее актуальные проблемы, имеющие важное значение для понимания общих закономерностей и специфических черт развития арабских стран. Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами Ближнего и Среднего Востока.

Х 0506000000
703(02)—80 28—80

327.25
ББК 66.2(07)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Арабские народы в своем историческом развитии прошли долгий и сложный путь. Еще в VII в. они создали свое государство— халифат, превратившийся в дальнейшем в одну из мощных империй средневековья и простиравшийся от Персидского залива до берегов Атлантического океана. Это была эпоха подъема арабов, становления и расцвета их культуры и науки.

Затем наступила эпоха спада. Ослабленный внутренними распрями халифат не выстоял перед чужеземными нашествиями и распался. Арабы потеряли свою государственную самостоятельность и с начала XVI в. подпали под господство османских завоевателей. Длившееся почти четыре века господство турок пагубно отразилось на всей социально-экономической и политической структуре, на культуре и науке арабов. Их развитие было приостановлено и отброшено назад. Это был период полного застоя и регресса. Арабы не раз пытались свергнуть варварскую турецкую тиранию, но каждый раз их выступления жестоко подавлялись в крови турецкими аскярами.

После первой мировой войны жестокое турецкое иго было заменено господством западноевропейских колонизаторов. Вместо старых хозяев пришли новые.

И лишь после второй мировой войны, когда укрепились позиции социализма и революционных, национально-освободительных сил, наступила эра освобождения арабских народов, как и других народов Азии и Африки, от иностранного господства. За это время, в течение почти четверти века, арабские народы один за другим низвергли колониальное иго империализма и создали свои самостоятельные, независимые государства. На политической карте мира появилось более двадцати независимых арабских государств. Тем самым был завершен процесс ликвидации колониального господства империализма на арабском регионе. Этот факт имеет исключительно важное историческое значение для арабских стран.

Вследствие завоевания политической независимости арабскими странами, создалась совершенно новая ситуация, возникли новые проблемы. Как развиваются арабские страны, в каком направлении они идут, что является типичным и характерным для

них на современном этапе? Известно, что арабские страны развиваются различными путями, неравномерно, в них господствуют неодинаковые условия, происходят сложные формационные процессы. Часть из них встала на путь социалистической ориентации. Некоторые арабские страны добились значительных успехов в преодолении социально-экономической и политической отсталости, другие все еще прозябают в нищете и отсталости.

Освещение этих вопросов имеет большое теоретическое и практическое значение. Однако их глубокое и всестороннее научное осмысление возможно только коллективными усилиями специалистов-востоковедов различного профиля—историков, экономистов, философов и т. д.

Вот это обстоятельство сделало необходимым созыв Всесоюзной конференции арабистов, которая состоялась 16—18 мая 1979 г. в Ереване. Она была посвящена обсуждению проблемы «Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 50—70-е гг.». В ее работе принимали участие арабисты из Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Ташкента, Ашхабада и Еревана.

Ереванская конференция была первой попыткой не только в отечественной, но и зарубежной арабистике обобщить опыт развития арабских стран в качестве самостоятельных государств за последние 20—25 лет, выявить закономерности, характерные черты, а также особенности их развития и, по возможности, наметить общие контуры и перспективы их развития в будущем.

Настоящий сборник составлен на основе докладов, прочитанных на вышеуказанной Всесоюзной конференции арабистов.

Внимательный читатель может здесь, как мы надеемся, найти ответы на многие волнующие его вопросы. Сборник поможет разобраться в различных проблемах, стоящих ныне перед арабскими странами. Он одновременно дает определенное представление о современном уровне развития советской арабистики.

проф. Н. О. ОГАНЕСЯН

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Н. АНДРЕАСЯН

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В АРАБСКИХ НЕФТЕЭКСПОРТИРУЮЩИХ СТРАНАХ

За последнюю четверть века в арабском мире произошли серьезные социально-политические сдвиги исторических масштабов. Все арабские страны добились политической независимости. Ряд этих государств избрал прогрессивный путь социалистической ориентации. Выросло и окрепло всестороннее сотрудничество между арабским миром и социалистическим содружеством во главе с Советским Союзом. В то же время некоторые арабские страны пошли по капиталистическому пути. Правящие круги Египта встали на путь предательства национальных интересов и интересов всех арабских народов.

Многие из этих социально-политических процессов и явлений в той или иной степени связаны с растущей ролью нефти—главного природного богатства ряда арабских стран. Как известно, место арабского мира в международном разделении труда определяется прежде всего нефтью. На этот регион приходится половина запасов и экспорта, а также две пятых добычи жидкого топлива капиталистического мира. В результате антинимпериалистической борьбы арабские страны ликвидировали господство иностранного монополистического капитала над своими нефтяными богатствами, установили полный или подавляющий государственный контроль над нефтяным хозяйством и вместе с другими участниками Организации стран—экспортеров нефти (ОПЕК) взяли в свои руки определение уровня цены на жидкое топливо на мировом рынке.

Нефтедобывающие страны достаточно представительны для арабского мира. Их 12—Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир, Катар, Египет, Оман, Сирия, Тунис, Бахрейн. На них приходится половина всех арабских стран и около 4/5 населения арабского мира. Семь стран—Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Ливия, Объединенные Араб-

ские Эмираты, Алжир и Катар—входят в ОПЕК, составляя ее ядро. Вместе с остальными членами этой группы «семерка» участвует в деятельности Организации арабских стран—экспортеров нефти, созданной в 1968 г. Нефтеэкспортирующие страны репрезентативны для арабского мира и по другим критериям. В указанную группу входят государства, различающиеся друг от друга по размерам территории и населения, уровням экономического развития, избранным путем исторического развития.

Если взять только «семерку», то и она достаточно представительна, поскольку на нее приходится треть членов Лиги арабских стран и населения арабского мира. Различия внутри «семерки» вполне укладываются в названные выше критерии. Общим для этой группы является превращение нефтяного хозяйства в становой хребет экономики, а доходов от нефти—в главный источник валового внутреннего продукта (ВВП), валютных поступлений, доходной части бюджетов и финансирования экономического развития. Четырехкратное повышение цен на нефть в 1973—1974 гг. сыграло поистине неопределимую роль в их современной истории, укрепило их особое место среди других арабских стран.

Доходы от нефти семи арабских стран—членов ОПЕК выросли в текущих ценах с 1972 г. по 1978 г. с 8,1 до 78,4 млрд. долл., т. е. почти в 10 раз, в том числе Ирака в 16 раз, Саудовской Аравии—12, Алжира—8, Ливии—6, Кувейта—5, а Абу-Даби даже в 32 раза. Соответственно возрос и ВВП на душу населения—Саудовской Аравии в 8 раз, Ирака, Ливии и Кувейта—в 3,6—3,8 раза, Алжира—в 2,3 раза. По этому показателю (в текущих ценах) нефтяные эмираты Аравийского полуострова значительно опередили все развитые капиталистические государства, хотя по фактической покупательной способности валют и в ценах 1970 г. все еще значительно отстают от них. В то же время малонаселенные страны—экспортеры нефти намного оторвались от остальных арабских стран, поскольку ВВП на душу населения самых бедных из них (АРЕ, Иордании, обоих Йеменов) в 8—10 раз ниже, чем у нефтяных эмиратов.

Огромные поступления от нефти позволили крупнейшим нефтеэкспортирующим странам фактически решить самую тяжелую для развивающегося мира проблему накопления, по крайней мере в стоимостной форме. В их руках оказались такие средства в твердой валюте, что они вполне достаточны для создания развитой экономики и значительного повышения жизненного уровня трудящихся, а также для помощи другим арабским странам. Все нефтеэкспортирующие страны пересмотрели свои планы экономического развития в сторону увеличения и смогли их финансировать в гораздо больших размерах, чем предыдущие. Саудовская Аравия, например, ассигновала на пятилетний план 1976—1980 гг.

142 млрд. долл. Если Ирак смог выделить на свой план развития 1970—1974 гг. всего 1,3 млрд. динаров, то на план 1976—1980 гг. было уже ассигновано 10 млрд. динаров.

Даже если не все планы выполняются полностью, следует признать, что они послужили серьезным стимулом для экономического и социального развития. Параллельно строительству многих крупных промышленных предприятий в арабских нефтеэкспортирующих странах отмечается значительный рост рабочего класса. Современный промышленный пролетариат появился и в аравийских монархиях. В Саудовской Аравии еще 6 лет назад насчитывалось около 500 тыс. рабочих, в том числе 70 тыс. квалифицированных, которые трудятся на крупных предприятиях. В Ираке число работников, занятых в промышленности и строительстве, с 1970 по 1977 гг. выросло с 243 до 375 тыс., в том числе на предприятиях с числом рабочих более 100, т. е. на крупных, в период 1968—1975 гг., с 63 до 105 тыс. В общем числе занятых в промышленности на долю фабрично-заводских рабочих приходится уже две трети. В Алжире численность занятых в промышленности со 100 тыс. в 1968 г. выросла до 327 тыс. в 1977 г., причем в общем числе занятых вне сельского хозяйства доля рабочих поднялась за это время с 11,6% до 36,6%.

Одновременно происходит развитие грамотности и подготовка квалифицированных кадров. В Ираке проводится общенациональная кампания по ликвидации неграмотности. В Алжире охват учебой детей школьного возраста увеличился с 55% в 1973 г. до 90% в 1979 г., число учащихся в начальной школе удвоилось, а в средней—выросло в 3,5 раза. В Ираке за 1968—1978 гг. число студентов удвоилось и достигло 85,4 тыс., а в Алжире за это же время выросло почти в 5 раз, причем наиболее высокими темпами увеличивается количество студентов в технических вузах. Растет число университетов и институтов в Ираке и Алжире, открыты первые университеты в Кувейте и Саудовской Аравии. Все больше студентов получает образование за границей, в том числе в социалистических государствах.

Намечается и определенное повышение жизненного уровня трудящихся, растет их реальная зарплата, улучшились их жилищные условия. В первую очередь это относится к коренным жителям аравийских стран и работникам, занятым в нефтяном хозяйстве.

Следует подчеркнуть, что ни в одном случае доходы от нефти сами по себе не послужили стимулом для перехода тех или иных стран на различные пути исторического развития. Ко времени быстрого увеличения доходов выбор пути развития уже произошел. В то же время большие доходы от нефти несомненно способствуют развитию по избранному пути, укрепляют силы, которые

олицетворяют и направляют историческое движение, а также борются против этого пути, в аравийских монархиях слева, а в странах некапиталистического развития—справа.

Переход нефтяных монархий Аравийского полуострова от феодализма к капитализму представляет собой феномен, не имеющий, пожалуй, аналогов в истории, как с точки зрения динамики процесса обуржуазивания, так и с точки зрения ряда качественных особенностей.

В первую очередь здесь привлекают внимание высокие темпы экономического развития и трансформации феодального общества в капиталистическое. За четверть века в Кувейте и на Бахрейне, за 15—17 лет в Саудовской Аравии, за 5—6 лет—в Абу-Даби, Дибее и Катаре были сделаны шаги по созданию основ современной экономической и социальной инфраструктуры, построены крупные промышленные предприятия. Кочевое скотоводство, отсталое оазисное земледелие и кустарные промыслы уже не определяют хозяйственный облик этих стран. Под покровом и при сохранении феодально-монархической власти экономический базис претерпел значительные (хотя и далеко еще не завершённые) изменения.

Важнейшим формационным фактором стали огромные, невиданные в истории доходы от нефти, с которыми не идут в сравнение даже потоки золота из Нового Света, доходы от колоний и работорговли, хлынувшие в средневековую Европу. На шесть миллионов коренных жителей нефтяных монархий Аравийского полуострова приходится 60 млрд. долл. в год.

В Европе становление капиталистического способа производства сопровождалось революционными потрясениями, вооружёнными выступлениями буржуазии против феодальной надстройки. Здесь же этот процесс протекает сравнительно спокойно, при сохранении почти неограниченной власти верхушки родо-племенной аристократии. Власть монархии здесь зиждется не только на могуществе репрессивного аппарата, но и на отсталости массы населения. Значительная часть народа находится в плену традиционных бедуинских и исламских представлений, родо-племенных традиций. Эта масса не знакома, как правило, ни с какими парламентарно-демократическими формами власти, воспринимает как должное теократический монархический режим и сильный аппарат подавления. Кроме Кувейта и Бахрейна, ни в одной из нефтяных монархий нет даже конституции, это абсолютные монархии. Эти режимы пользуются всесторонней поддержкой нефтяных монополий и стоящих за их спиной западных государств.

К тому же, существующая власть не только не препятствует обуржуазиванию, но и всячески содействует этому процессу, поощряет создание и развитие частнокапиталистического уклада.

Феодално-монархическая надстройка в данном случае не мешает, а помогает сверху развитию капиталистического способа производства. Многие из самих носителей феодального уклада превращаются в буржуа и нуждаются в деловой хватке, образованности и опыте местных торговцев и финансистов. Вместе с королевскими семьями, высшим мусульманским духовенством, богатыми землевладельцами и шейхами главных бедуинских племен крупная торгово-банковская буржуазия вошла в правящую элиту аравийских монархий. Ее представителей привлекают к управлению государственными делами, назначают министрами, позволяют им создавать, самостоятельно или на паях с государством, торговые, финансовые и промышленные компании, различные предприятия. Так, абсолютная монархия по своему социальному содержанию приобретает тенденцию к постепенному перерастанию в буржуазную, выражающую интересы различных эксплуататорских классов.

Неродовитых капиталистов устраивает вращение нового частично-капиталистического уклада в существующую социальную структуру. Они надеются на постепенное изменение, модификацию государственной власти в интересах развития капитализма.

Что же касается нижних слоев, то, как ни мала выделяемая им доля от нефтяных доходов, в абсолютном выражении она достаточна для того, чтобы правящие круги и эксплуататорские классы могли до определенного времени «откупаться», гасить недовольство рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции, вызываемое их политическим бесправием. В нефтяных государствах Аравийского полуострова растет прослойка рабочей аристократии, чей жизненный уровень резко отличается от условий труда и быта рабочих в других арабских или иных развивающихся странах, а тем более рабочих-иммигрантов, на которых не распространяется даже куцее трудовое законодательство. В этой ситуации первому поколению местного пролетариата нелегко выработать классовое самосознание.

Социальная стратегия правящих кругов состоит в привлечении иностранной рабочей силы. И не только из-за нехватки своей собственной (хотя и это обстоятельство имеет значение в связи с малочисленностью и отсталостью населения аравийских стран), но это делается и для того, чтобы создать социальный, имущественный и правовой контраст между местными и иностранными рабочими, давить на внутренний рынок труда, переводить социальные конфликты из «вертикальной» плоскости в «горизонтальную», выносить их из «своего» общества.

Важная особенность капиталистической трансформации общества арабских нефтяных монархий состоит в том, что оно, не пройдя стадии частнокапиталистического развития, сразу вступи-

ло в фазу государственно-монополистического капитализма. Такой скачок и такая спрессованность во времени отражает не просто поразительный динамизм исторического развития в наше время, но и конкретные пути становления капиталистической формации в арабских монархиях.

Здесь привлекает внимание огромный масштаб государственного сектора и его практическая принадлежность правящим монархическим кланам, которые по размерам своих совокупных личных состояний оставили далеко позади семейства Рокфеллеров, Морганов, Меллонов, Ротшильдов. Дом Саудитов насчитывает четыре-пять тысяч членов, дома Сабахов в Кувейте, Халифа на Бахрейне, Тани в Катаре, Нахайнов в Абу-Даби—примерно по тысяче человек, которые с полным основанием могут сказать: «Государство—это мы, государственный сектор—это наше семейное владение, наша монополия». Многочисленность правящих кланов, объясняющаяся многоженством, происхождение и характер родственных связей, сложные взаимоотношения внутри кланов, нередко отмеченные жестокими и даже кровавыми раздорами, социально-психологический стереотип мышления и поведения родо-племенной аристократии, религиозная оболочка монархий, сам тип и характер монархической власти—все это яркие признаки феодального строя с примесью дофеодальных отношений. Средства же для получения огромных доходов, способы их использования становятся все более капиталистическими.

В этом смысле можно утверждать, что государственный сектор приобрел капиталистический характер, хотя и не утратил определенных докапиталистических черт. Он сформировался не вследствие обычных процессов концентрации производства и централизации капитала, типичных для развитых капиталистических государств, а был создан обуржуазившимися феодально-монархическими режимами. В нефтяных монархиях Аравийского полуострова складывается своеобразный государственный феодально-монополистический капитализм, теснейшим образом связанный с государственно-монополистическим капиталом империалистических держав и местным частным капиталом через совместное владение различными хозяйственными объектами.

Члены правящей элиты нефтяных монархий Аравийского полуострова вместе с торгово-финансовой буржуазией образовали некую нефтекратию—одну из самых реакционных сил современности.

Будучи не в состоянии производительно использовать накопленные богатства, нефтекратия экспортирует их в виде ссудного капитала на Запад. Правящие силы монархических государств Аравийского полуострова превращаются в союзников международного финансового капитала.

Своеобразен генезис местной неродовитой буржуазии и рабочего класса как элементов капиталистического общества, возникших в связи с развитием иностранной нефтяной концессионной промышленности. Первые капиталисты вышли из купцов, контрабандистов, хозяев рыболовного и жемчужного промыслов, ростовщиков. Они начали обслуживать иностранные монополии как подрядчики в сфере услуг, в области создания небольших предприятий по производству различных необходимых материалов. Так стала расти неоконпрдорская буржуазия. Строительство городов и коммуникаций обогатило владельцев земли—шейхов оседлых бедуинских племен, помещиков, именитых граждан. Источником обогащения послужило и законодательство, обязывающее иностранца создавать предприятия только смешанного типа путем уступки большинства акций местному жителю. В результате в местном частнокапиталистическом предпринимательстве основные позиции занимает не производительная буржуазия, а торговая, спекулятивная.

Местный рабочий класс формируется преимущественно из разорившихся мелких товаропроизводителей-ремесленников и торговцев, а также из рыбаков, ловцов жемчуга, феллахов, бедуинов, посланных шейхами на заработки, и т. д. На Бахрейне рабочие составляют уже почти 3/4 работающих по найму.

Довольно быстро идет разложение докапиталистических укладов. Все меньше становится бедуинов-кочевников. Пришли в упадок традиционные отрасли хозяйства—судостроение, рыболовство, ловля жемчуга, ткачество, гончарное и кожевенное дело. Быстро растут городские средние слои—служащие, офицерство, студенчество, национальная интеллигенция, особенно в Кувейте и на Бахрейне.

Аравийское общество остается многоукладным, в большей степени в Саудовской Аравии, Катаре и ОАЭ, в меньшей степени—в Кувейте и на Бахрейне, где капиталистический уклад, вероятно, уже становится системообразующим.

Капиталистические производственные отношения в нефтяных монархиях еще в значительной степени отягощены феодальными и даже дофеодальными пережитками. Здесь немало раннекапиталистических форм хозяйства, есть социальные слои и группы переходного, промежуточного типа. Торговец, банкир и даже промышленник связан множеством родственных и социальных нитей с кочующими либо оседлыми племенами. Его положение в обществе зависит от происхождения и принадлежности к тому или иному роду и племени («благородному» или «неблагородному»). Население нефтяных монархий живет как бы в двух мирах—старом—феодальном и новом—капиталистическом. Можно, видимо, предполагать, что переходное от феодализма к капитализму современ-

ное общество аравийских нефтяных монархий—это симбиоз многоукладного базиса (с быстро растущим капитализмом и сохраняющимися докапиталистическими укладами) и феодальной политической надстройки, нечто вроде «феодального капитализма».

В этих странах вызревают и революционные силы. Представители левой оппозиции есть среди рабочих, служащих, интеллигенции, армии. Однако все их выступления жестоко подавляются.

Пока что следует признать, что нефтеэкспортирующие аравийские страны оказались на обочине мирового революционного процесса. То, что именно в их недрах сосредоточены уникальные запасы нефти, не более, чем каприз природы. Но как бы то ни было именно они выиграли больше всех от антиимпериалистической борьбы против нефтяных монополий Запада. Такова диалектика этой борьбы, ее побочный, негативный результат, исторический парадокс.

Тем не менее, противоречия, существующие между базисом, быстро трансформирующимся в капиталистический, и архаичной надстройкой, между объективными потребностями модернизации общественных отношений и феодально-религиозным мракобесием столь остры, что они не могут, в конечном счете, не найти своего разрешения, хотя бы частичного. Вопрос о том, как они будут разрешены—эволюционным или революционным путем—остается пока открытым.

Трансформация общества аравийских монархий демонстрирует известные возможности социально-экономического развития отсталых стран по капиталистическому пути, то есть свидетельствует о том, что капитализм как общественная система еще располагает там определенными резервами для выживания. «Золотой дождь» доходов от нефти способен на время несколько притушить социальные противоречия. Но как показывает опыт Ирана—бывшей феодально-буржуазной монархии, где народная антиимпериалистическая революция свергла деспотический режим, возможности социального маневрирования правящих кругов даже в условиях «нефтяного процветания» достаточно ограничены.

Своеобразным феноменом является и развитие нефтеэкспортирующих стран некапиталистического типа, и не только потому, что в них, как и в ряде других подобных государств, имеет место определенный социальный прогресс, но и потому, что богатые Алжир, Ирак и Ливия представляют собой исключение из числа бедных стран этой группы. Если последним трудно продемонстрировать успехи экономики и повышение жизненного уровня трудящихся, то названные три страны могут при правильном расходовании средств и соответствующей политике послужить достойным примером тех возможностей, которые открывает перед развивающимися странами переход на прогрессивный путь исторического

развития. Здесь социальный прогресс дополняется и подкрепляется материальным, он тесно связан с антиимпериалистической политикой и развитием дружественного сотрудничества с социалистическими странами.

Алжир, Ирак и Ливия идут в авангарде антиимпериалистической борьбы и входят в радикальную группу арабских государств. Они были застрельщиками решительных мер по отстаиванию законных интересов развивающихся стран от посягательств нефтяных монополий, первыми национализировали иностранные нефтяные концессии и добиваются повышения цен на жидкое горючее. На эти три страны приходится самый большой объем экономического сотрудничества Советского Союза и других стран — членов СЭВ в арабском мире. По многим международным вопросам их внешнеполитическая линия совпадает с советской либо близка к ней.

Несмотря на существенные различия в политическом устройстве между тремя странами, в каждой из них предпринимаются меры по улучшению положения трудящихся. Государство осуществляет аграрные реформы, берет на себя значительные расходы по их проведению и финансированию кооперативов, снабжению их необходимыми материалами и машинами. В Ираке правительство неоднократно увеличивало зарплату рабочим и служащим, что позволяет в какой-то мере противостоять быстрорастущей инфляции. В то же время следует отметить, что улучшение условий труда и быта рабочих происходит здесь не в результате острой классовой борьбы с местной буржуазией, а достигается вследствие успешного наступления мелкобуржуазного государства на внешнего врага — империализм. Это обстоятельство, по нашему мнению, сдерживает развитие у рабочих классового самосознания и затрудняет распространение в их среде марксистской идеологии.

Существующая в трех странах мелкобуржуазная по своей социальной природе власть ограничивает объем и развитие социальных преобразований. Правящие круги содействуют развитию частного сектора в городе и деревне. Мелкая и средняя торговля, небольшие и средние промышленные предприятия, строительные фирмы — все это принадлежит частнику и кредитруется государством на льготных условиях. Быстро развивается кулачество, оно захватывает власть в ряде кооперативов, подчиняет их своим корыстным интересам. Если в Алжире существуют довольно жесткие официальные ограничения на рост частного сектора, то в Ираке быстро растет число миллионеров.

Процесс обогащения и обуржуазивания затрагивает некоторую часть партийного и государственного аппарата. Она становится на путь коррупции, приобретает частную собственность, вступает в родственные отношения с местными капиталистами. Для нее

социальная справедливость достигнута, социализм в ее понимании построен, дальше углублять социальные преобразования она не хочет. Эти силы становятся противниками стремления рабочего класса к подлинному социальному освобождению и реальному участию в управлении страной, растет их враждебность к научному социализму и деятельности коммунистических партий. В нефтеэкспортирующих странах существует и усиливается опасность перерождения государства социалистической ориентации в государство капиталистического пути развития.

С другой стороны, процесс развития буржуазии неизбежно порождает стремление искренних демократов следовать по избранному пути, углублять социально-политические преобразования. Таким образом, впереди—классовая борьба между подлинными сторонниками социализма и буржуазными перерожденцами. Нельзя исключать как египетский вариант, так и перерастание национально-демократических государств в народно-демократические. В обоих случаях использование огромных доходов от нефти будет играть активную роль.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РЕЖИМОВ НА ПРОЦЕСС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ СТРАН

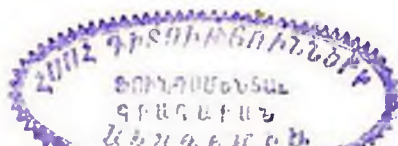
По характеру социально-политической системы общества арабские страны в настоящее время включают как прогрессивные режимы социалистической ориентации (НДРЙ, АНДР, Ирак, САР), умеренные и реакционные феодально-монархические режимы (Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт, Марокко, ОАЭ, Бахрейн, Катар, Оман), так и различные вариации мелкобуржуазных режимов либо с претензиями на строительство своего, национального социализма (Ливия), либо быстро продвигающиеся по пути развития капитализма, но сохраняющие еще в вылощенном виде лозунги национального социализма в программных документах правящих партий (Тунис, Судан).

Наличие у власти в арабских странах различных политических партий и организаций, лидеров и политических деятелей, т. е. субъективный фактор, в значительной мере определяет выбор ими дальнейших путей своего развития, их внешне- и внутривнутриполитические программы.

Субъективные факторы социально-политической ориентации каждой из арабских стран при всем их своеобразии воздействуют, на наш взгляд, на процесс развития страны в переходный период к социализму или к капитализму в гораздо большей степени, чем объективные экономические закономерности, хотя и те и другие находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Быстрая и неоднократная смена социально-политической ориентации арабских стран на протяжении короткого исторического периода существования многих из них как независимых государств объясняется преобладанием субъективных факторов над объективными закономерностями развития их на современном этапе.

Возьмем, например, период деятельности в Тунисе Бен Салаха во второй половине 60-х гг. Бен Салах сосредоточил в своих руках огромную власть. Он был членом политбюро Социалистической дустуровской партии, одновременно возглавлял министерства финансов, планирования, национальной экономики и народ-

ного образования. Поэтому не без оснований он считался вторым человеком в государстве. Под его руководством и при его участии в Тунисе активно проводился курс на внедрение кооперирования в экономику, в частности, в сельское хозяйство. Кооперативы рассматривались как одна из основ так называемого дустуровского социализма. К началу 1969 г. кооперативами было охвачено около 1 млн. га земель. В январе 1969 г. Бен Салах принял решение за семь следующих месяцев распространить кооперативную систему еще на 4,6 млн. га, т. е. охватить ею всю сельскохозяйственную площадь страны. С января по конец августа 1969 г. на этих землях было образовано из частных хозяйств 1,6 тыс. кооперативов.

Новые кооперативы создавались без какой-либо подготовительной разъяснительной работы, зачастую в административном порядке. Сплошь и рядом нарушался принцип добровольности вступления в кооперативы. Кооперацию всего сельского хозяйства предполагалось завершить к съезду, СДП, который должен был состояться в октябре 1969 г.

Летом 1969 г. Бен Салах разработал законопроект, согласно которому кооперативы объявлялись единственной возможной формой ведения сельского хозяйства. Если какой-либо собственник—мелкий или крупный—отказывался в нем участвовать, его земля должна была быть конфискована.

Ранее же Бен Салах и его окружение выступали за «смешанную» экономику, в которой могли бы мирно ужиться крупное частное предпринимательство и кооперативное мелкое производство. Причиной перелома во взглядах Бен Салаха давались различные толкования. Но наиболее вероятным остается предположение, что тунисская действительность привела его к осознанию бесперспективности попыток разрешения экономических проблем страны без изменения основ отношений собственности, в частности, в сельском хозяйстве.

Законопроект Бен Салаха резко усилил нараставшее недовольство кооперацией в различных слоях населения, оппозицию к кооперативному движению в правительстве и партии. Посягнув на позиции крупных земельных собственников, Бен Салах оказался в политической изоляции.

В различных районах страны начались беспорядки, стихийные выступления против местных властей, выполнявших директивы о форсировании кооперации. Оживились и подняли голову отстраненные от политической жизни правые элементы, выступавшие против кооперирования сельского хозяйства.

Серьезное влияние на ход событий в Тунисе оказала позиция иностранного капитала, а также стихийные бедствия—засухи и наводнения.

В августе 1969 г. президент страны Х. Бургиба отказался подписать указ о передаче кооперативам еще 500 тыс. га земли, принадлежавшей крупным собственникам. Этот отказ означал на деле лишение доверия Бен Салаха.

Впоследствии Бен Салах за провал политики кооперирования, был обвинен в государственной измене и приговорен к 10-ти годам каторги.

В сентябре 1969 г. был принят закон об аграрной реформе, в соответствии с которым провозглашалось создание трех секторов в сельском хозяйстве—государственного, кооперативного и частного. Организованные в 1969 г. кооперативы ликвидировались, а земли, скот, машины и оборудование возвращались прежним владельцам.

В иных условиях, в случае опоры Бен Салаха на прогрессивные силы, на широкие народные массы, расправившиеся под воздействием объективных и субъективных трудностей кооперативы могли стать для Туниса базой для более глубоких социально-экономических преобразований на селе, реальным путем модернизации традиционного сектора и создания крупных высокотоварных хозяйств.

Развал же кооперативов означал на деле возрождение в тунисской деревне традиционного отсталого сектора в лице тысяч мелких крестьянских хозяйств.

На другом конце арабского мира аналогичный пример субъективного воздействия на процесс экономического развития можно обнаружить в деятельности бывшего вице-президента, заместителя председателя Совета министров, министра иностранных дел, министра экономики и природных ресурсов ЙАР и заместителя главнокомандующего йеменской армии Абдуррахмана аль-Бейдани в первые месяцы после победы в Йемене революции 26 сентября 1962 г.

До победы революции А. аль-Бейдани был идеологом большой группы интеллигенции, офицеров, некоторых слоев городской мелкой буржуазии, которая выступала за свержение монархии и тайно поддерживала движение арабских националистов. А. аль-Бейдани в 1961—1962 гг. в серии своих политических выступлений в эмиграции выдвинул программу революционных преобразований в Йемене из восьми пунктов.

Новое государственное устройство, по его мнению, должно было базироваться на «истинном шариятском праве», которое имамы предали забвению. Предусматривалось создать в стране республику на основе арабского национализма, «добиться социальной справедливости, развивать экономику и уничтожить любые формы притеснения».

Заняв после победы революции 26 сентября 1962 г. важные государственные посты, А. аль-Бейдани в первый период существования республики во многом способствовал проведению принципиальных прогрессивных преобразований в стране.

В первом программном заявлении правительства ЙАР от 1 октября 1962 г. говорилось, что оно намерено коренным образом перестроить экономику страны посредством поощрения национального капитала, стимулирования реэмиграции с целью использования средств и опыта йеменцев, проживающих за границей, в интересах подъема национальной экономики.

3 октября 1962 г. было объявлено о конфискации всего движимого и недвижимого имущества королевской семьи и врагов революции. Для учета и использования этого имущества были созданы специальные комитеты. Часть конфискованных земель правительство ЙАР намеревалось распределить между малоземельными крестьянами бесплатно или на условиях долгосрочного выкупа; на другой части предполагалось создание государственных хозяйств.

25—27 октября 1962 г. в ЙАР состоялась I экономическая конференция, в резолюциях которой нашла отражение хозяйственная политика первого республиканского правительства. Под влиянием революционного подъема, царившего в стране, в тексты резолюций были включены пункты о проведении в республике «социалистических» преобразований и создании условий, при которых государственный сектор должен получить ведущую роль в развитии народного хозяйства. На конференции было решено создать Йеменский банк строительства и реконструкции (ИБСР) в качестве государственного органа, контролирующего частный сектор. Доля правительства в капитале банка составила 51%, а частного капитала—49%.

Шагом, продемонстрировавшим намерение правительства претворять выработанную политику в жизнь, явилось его решение о повышении пошлин на импортируемые товары.

Торговая буржуазия, будучи на том этапе наиболее активной силой общества, оказала резкое противодействие этому мероприятию правительства, наносившему серьезный удар по ее классовым интересам.

Правительство ЙАР, не видя иного выхода из создавшейся ситуации, было вынуждено пойти на уступки купечеству, обеспечивавшему основные поступления средств в государственную казну. Уже в декабре 1962 г. было опубликовано специальное заявление, гласившее, что впредь правительство не будет вмешиваться в хозяйственные проблемы частного сектора и оказывать на него какое-либо давление, а вопросы взаимоотношений двух секторов будут решаться по обоюдному согласию.

Наиболее отчетливой вехой на пути эволюции социально-политической ориентации республики была II экономическая конференция, состоявшаяся в конце декабря 1962 г. В ее документах был провозглашен отказ от приоритета государственного сектора перед частным в вопросах хозяйственного строительства.

Последующие годы продемонстрировали, что подобная тенденция в экономической политике республики сохраняется. Развитие государственного сектора экономики осуществляется не в ущерб интересам частного, а параллельно ему. А. аль-Бейдани, который в своих попытках проведения прогрессивных преобразований опирался не на широкие общественные слои и социальные группы, а на кучку прежних единомышленников, был объявлен империалистическим агентом, обвинен в других грехах и лишен йеменского гражданства. Так йеменская буржуазия и крупные землевладельцы расправились еще с одним крупным деятелем, посмеявшимся посягнуть на ее интересы.

Наконец, наиболее ярким примером воздействия субъективного социально-политического фактора на процесс экономического развития была деятельность президента Египта Гамаля Абделя Насера в Египте. Его уход и последовавшая за этим социально-политическая переориентация египетского режима со всей очевидностью подтвердили исключительную важность роли личности в условиях развивающихся арабских стран, где окончательно не утвердилось господство какого-либо одного класса и его организаций.

Влияние при этом социально-политической ориентации на процесс экономического развития этих стран находит свое проявление в степени результативности экономической политики, принимаемых программ и планов развития, в реальности их осуществления.

В Судане в результате переворота 25 мая 1969 г., осуществленного демократически настроенными военными при поддержке других прогрессивных слоев суданского общества, к власти в стране пришли революционно-демократические силы.

Новое руководство страны сразу объявило о том, что его целью является прогрессивное социально-экономическое развитие и борьба с империализмом. Оно заявило о своем намерении решать основные проблемы нации на пути социалистического преобразования суданского общества, а программа его действий носила явный антиимпериалистический характер.

Дальнейшее развитие событий до 19 июля 1971 г. показало, что руководство Судана не только на словах, но и на деле принялось проводить в жизнь важные политические и социально-экономические преобразования.

С помощью советских экспертов-плановиков был разработан пятилетний план экономического и социального развития страны на 1970/71—1974/75 гг. В этом плане нашла отражение социально-политическая ориентация нового режима. Ее основа и исходные предпосылки были сформулированы по инициативе и при непосредственном участии суданских коммунистов и провозглашены в первых заявлениях членов Революционного совета и правительства ДРС. В обобщенном виде эти основы содержали следующие положения: выбор страной некапиталистического пути развития, ведущего к строительству социализма; создание независимой национальной экономики и осуществление планового руководства ею; обеспечение ведущей роли государственного сектора в экономике и сотрудничество с частным сектором, в частности в промышленности, с целью вытеснения из этой отрасли иностранного капитала.

Новый пятилетний план ставил перед слабо развитым суданским обществом конкретные и реальные задачи, отражая подход режима социалистической ориентации к разработке стратегии социально-экономического развития страны, находившейся в недавнем прошлом в колониальной зависимости. Итоги выполнения первых двух лет пятилетки подтвердили научную обоснованность методологии и практическую выполнимость этого плана, разработанного советскими экспертами-плановиками.

В случае его полного выполнения в Судане были бы созданы условия для осуществления новых более глубоких преобразований социалистического характера. Однако, отражая половичатость и политическую неустойчивость, присущую мелкой буржуазии, руководство нового режима проявляло в каждом конкретном случае колебания и непоследовательность, шло на паллиативное решение многих практических вопросов, вызывая недовольство не только реакции, но и наиболее последовательных выразителей интересов суданского народа, в первую очередь суданских коммунистов. Так, например, радикализм намеченных преобразований в области сельского хозяйства сводился до минимума из-за того, что частное землевладение оставалось вне сферы их действия, а требование о повышении доходов арендаторов и наемных рабочих в частных хозяйствах не получало силы закона и поэтому игнорировалось их владельцами. Таким образом, прогрессивные преобразования как в сельском хозяйстве, так и в других областях экономики и социальных отношений не подрывали полностью политические и экономические позиции феодально-племенной верхушки, а также крупной национальной торговой буржуазии и оставляли им базу для активности, для развертывания действий в будущем при возникновении благоприятной для них ситуации.

Такая ситуация действительно возникла после известных событий в июле 1971 г., когда на компартию и другие прогрессивные силы обрушилась волна жестоких репрессий.

В социально-экономической сфере политика режима быстро и заметно регрессирует. Замедлились или приостановились совсем социально-экономические преобразования. Десятки национализированных в 1970 г. предприятий были возвращены их прежним иностранным и национальным частным владельцам. Действие пятилетнего плана было приостановлено и практически сорвано. В августе 1972 г. был принят новый закон о капиталовложениях, которым среди прочих мероприятий предусматривались меры по ограждению инвестиций от конфискации и национализации.

Наметившаяся еще до июльских событий 1971 г. тенденция к сближению правящей мелкобуржуазной группировки с национальной буржуазией и ее представителями в государственном аппарате проявилась в полную силу, и начался вполне реальный процесс формирования политического союза между этими социально-политическими силами.

В итоге всех этих акций и процессов отступление революционно-демократических, национально-патриотических сил в 1971 г. означало победу реакции и империализма, сумевших повернуть суданскую национально-демократическую революцию с пути социалистической ориентации на путь буржуазной эволюции.

Определилась и социально-экономическая политика режима, сделавшего ставку на привлечение инвестиций из богатых нефтяных арабских стран, западных империалистических держав и маоистского Китая, а также на активизацию национального капитала внутри страны. Только за один 1973 г. частные фирмы получили лицензии на строительство ста пятидесяти предприятий легкой и пищевой промышленности. При этом относительно слабый суданский капитал активно использовал свои связи с иностранными монополиями и фактически выступил в роли проводника их политического и экономического влияния.

Интересы суданских трудящихся при этом отступили на задний план. Это не могло не вызвать выступлений различных слоев суданского общества против политики режима.

В отличие от Судана, действия арабских стран социалистической ориентации, направленные на проведение в жизнь планов развития, создание независимой национальной экономики и поддерживаемые социалистическими государствами, носят прогрессивный политический характер. По своему содержанию этот процесс представляет собой ломку уродливой системы капиталистического международного разделения труда, вследствие чего обостряется кризис капиталистического способа производства, кото-

рый лежит в основе общего кризиса капитализма, и укрепляются позиции антиимпериалистических сил.

Ярким примером наибольшей степени радикальности в проведении экономической политики в арабских странах под влиянием социально-политической ориентации режима в современных условиях является, по нашему мнению, НДРЙ.

Республиканский режим в этой стране поставил ее во главе прогрессивных арабских государств, проводящих в жизнь важные социальные преобразования в интересах трудящихся и активную антиимпериалистическую политику на международной арене.

Национально-освободительная революция на юге Аравии не закончилась переходом государственной власти из рук эксплуататорских классов метрополии в руки местных феодалов и национальной буржуазии, как это произошло в ряде других арабских стран, а переросла в дальнейшем в национально-демократическую революцию и привела к образованию государства социалистической ориентации.

Факты свидетельствуют, что трудности и противоречия, возникающие на этапе развития национально-демократической революции в НДРЙ, руководство страны и Йеменской социалистической партии стремится решать не реформистским, а революционным путем. В этом проявляется влияние марксистско-ленинской теории и практики социалистического строительства на национальную демократию молодых государств, вставших на путь самостоятельного развития.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ И СТРАНЫ ОПЕК

Развитие мирового капиталистического хозяйства в 70-х гг. нашего столетия убедительно подтвердило сформулированное В. И. Лениным положение о том, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»¹.

Одна из характерных черт неравномерности экономического развития в эпоху империализма—усиление влияния внешних факторов на дифференциацию развивающихся стран. Сильное воздействие на разрыв в уровне развития различных частей периферии мирового хозяйства как в колониальный, так и послеколониальный периоды, оказывал вывоз капитала из империалистических стран в районы наиболее прибыльного его приложения. «Финансовый капитал и тресты,—писал Ленин,—не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства»².

В условиях борьбы двух мировых систем и усиления антиимпериалистических и антикапиталистических тенденций в развивающемся мире всевозрастающую роль в определении направления и объема вывоза капитала начали играть социально-политические факторы. Империалистические кредиторы стремились всемерно укреплять капиталистические отношения там, где это возможно. Наиболее активными участниками этого процесса стали крупнейшие международные монополии, которые, как правило, массированно внедрялись в страны, идущие по капиталистическому пути развития. В качестве наиболее типичных примеров в арабском мире здесь можно привести Марокко, Тунис, Ливан.

Однако это далеко не единственный фактор усиления неравномерности. Он сосуществует и переплетается с другими причинами, многие из которых также имеют внешний характер. В

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

² Там же, т. 27, стр. 394.

послевоенный период в развивающемся мире относительно высокие темпы роста наблюдались в странах, форсирующих вывоз дефицитного сырья, а также в районах, где сравнительно длительный период капиталистического развития, наличие более или менее квалифицированной и одновременно дешевой рабочей силы обусловили создание экспортно-ориентированных отраслей обрабатывающей промышленности.

Новым и исключительно своеобразным явлением, обусловившим усиление воздействия внешнеэкономической сферы на дифференциацию развивающихся государств, стала борьба стран — экспортеров нефти за равноправное участие в капиталистическом топливно-энергетическом рынке³. Обострение проблемы ограниченности нефтяных ресурсов и ломка прежней колониально-монополистической системы эксплуатации привели к известному перераспределению части мирового продукта в пользу нефтеэкспортеров. Так, доходы стран ОПЕК от нефти выросли с 23 млрд. долл. в 1972 г. почти до 110 млрд. в 1974 г. и 128,4 млрд. в 1977 г.⁴.

На страны — члены ОПЕК приходится всего 14—15% населения развивающегося мира, однако экспорт этой группы превышает вывоз всех остальных развивающихся государств, а ее импорт составляет треть их общего ввоза.

В результате некоторые арабские нефтеэкспортирующие страны — члены ОПЕК за сравнительно короткий срок, видимо, смогут осуществить значительную перестройку экономики и модернизацию традиционных укладов. Что же касается других арабских стран, то внешние условия развития оказали весьма негативное воздействие на перспективы роста и перестройку их народных хозяйств.

В период 1971—1975 гг. доход на душу населения в нефтедобывающих странах увеличился в среднем на 4% в год, в остальном развивающемся мире — на 2,6%. За тот же период реальный рост ВВП нефтедобывающих стран (6,9%) опережал, хотя и в меньшей степени, темпы роста ВВП (5,3%) других развивающихся государств. При этом следует заметить, что среди последних темпы роста стран со средним и относительно более высоким уровнем дохода оказались почти вдвое выше, чем в государствах с низким уровнем дохода на душу населения⁵.

Темпы реального увеличения масштабов материального про-

---

³ Под «нефтеэкспортирующими странами» подразумеваются главным образом участники ОПЕК.

⁴ "Annual Statistical Bulletin 1976", OPEC, Wien, 1977; "Petroleum Economist", July, 1978, p. 285.

⁵ "Changing Development Perceptions", New York, 1977, p. 4—6.

изводства (промышленность и сельское хозяйство) и ВВП арабских нефтеэкспортеров также превышали аналогичные показатели других стран этого региона. Большие различия в размерах прироста ВВП на душу населения в 1973—1975 гг. отражали главным образом существенное изменение ценовых пропорций в пользу нефтеэкспортеров в 1973—1974 гг.

Как правило, при сопоставлении экономического положения различных стран основным критерием служит показатель душевого дохода. Последний лежит в основе классификации развивающихся стран, применяемой в публикациях ООН и некоторых других научных центров. В детализированном виде эта классификация охватывает следующие группы стран:

- 1) нефтеэкспортирующие страны (общее население—193 млн. человек, среднедушевой доход—620 долл. в 1975 г.)⁶;
- 2) страны с относительно высоким уровнем среднедушевого дохода и быстрорастущим экспортом готовых изделий (общее население—107 млн., среднедушевой доход—1010 долл.);
- 3) страны с доходом на душу населения 400 долл. и выше;
- 4) страны с доходом на душу населения 200—400 долл.;
- 5) крупные страны с доходом на душу населения менее 200 долл.;
- 6) наименее развитые страны.

Если условно распределить арабские страны по этой схеме, то, очевидно, в первой группе окажутся Алжир, Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия. Ливан и Тунис, видимо, займут промежуточное между второй и третьей группой место. В третью и четвертую группу войдут Марокко, Сирия и отчасти Иордания. В шестую—Египет. Замыкающая же группа будет включать в себя такие страны, как НДРГ, ЙАР, Мавритания, Судан.

Классификация ООН позволяет в целом составить представление о степени «включенности» различных групп в мировое капиталистическое хозяйство. При этом оказывается, что, например, внешнеторговая квота в ВВП у верхних групп выше, чем у нижних.

Следует заметить и то, что на основании приведенной здесь классификации невозможно составить представление о социальной ориентации и характере политической надстройки стран, входящих в одни и те же группы. В известной мере это объясняется несовпадением их экономического и политического развития.

Объединение стран по принципу уровней дохода на душу населения не отражает также роль и место некоторых крупнейших развивающихся стран в мировой экономике.

---

⁶ Сюда входят, в основном, члены ОПЕК.

И, наконец, в различных классификационных схемах каждая группа развивающихся стран в значительной степени неоднородна и подвижна. Страны могут перемещаться из одной группы в другую на основании иерархии критериев и в зависимости от конкретных задач, поставленных тем или иным исследованием. Стремление же дать широкую и подвижную схему градации на «все случаи жизни» представляется задачей сложной и трудной.

Приведенная выше классификация стран полно отражает влияние происшедших в 70-х гг. изменений в мировом хозяйстве и дает веские основания выделить нефтеэкспортирующие страны в отдельную группу и показать в динамике процесс ускорения их экономического развития.

Арабские страны — члены ОПЕК объединены лишь по принципу получения крупных доходов от экспорта нефти и поэтому представляют собой крайне неоднородную группу. Эта неоднородность проявляется при использовании любого критерия сравнения указанных стран.

Во-первых, по запасам, добыче нефти и доходам от нее участники ОПЕК весьма разнятся друг от друга. Наиболее крупным экспортером является Саудовская Аравия. В 1977 г. ее выручка от продажи нефти составила 37,8 млрд. долл., в то время как, например, Алжир в том же году получил 5,6 млрд. долл. Во-вторых, сюда входят как относительно крупные (Алжир, Ирак), так и малые страны (Катар, ОАЭ, Кувейт). В-третьих, арабские государства — члены ОПЕК находятся на разных уровнях экономического развития. При этом для данной группы критерий душевого дохода не может служить мерилom степени развития производительных сил. Своеобразие ситуации здесь состоит в том, что наиболее высокий уровень дохода на душу населения зафиксирован как раз в малонаселенных странах Персидского залива (ОАЭ, Катар), которые значительно отстают от большинства развивающихся стран по другим параметрам экономического развития.

Такова экономическая специфика, не говоря уже о кардинальных отличиях этих стран по социально-политическим признакам. В то время как большинство арабских нефтедобывающих стран Персидского залива развиваются по капиталистическому пути, три государства — Алжир, Ливия, Ирак — придерживаются социалистической ориентации. Ограниченные абсорбционные возможности экономики приводят к тому, что почти все указанные страны вывозят значительную часть своих нефтяных доходов. Экспорт капитала применительно к этой группе — тенденция долгосрочная.

Стремление некоторых арабских стран — членов ОПЕК (Кувейта, ОАЭ, Катара, Ливии и Саудовской Аравии) к скорейшему

использованию доходов от нефти, что во многом объясняется инфляционным обесценением огромных валютных запасов, а также неуверенностью в сохранении своего положения в будущем, привели в ряде случаев к принятию амбициозных программ развития и резкой активизации инвестиционной деятельности. Низкий исходный уровень развития обусловил очень высокие темпы (10—20%) их экономического роста. Однако следует отметить, что планы развития выполняются, как правило, на уровне 50—60%.

Основная часть инвестиций направляется на создание развитой инфраструктуры—необходимой базы для развертывания экономического роста. Обращает на себя внимание достаточно высокий удельный вес ассигнований на социальную инфраструктуру (образование, здравоохранение, различные виды социального обеспечения). Стратегия экономического развития большинства стран этой подгруппы в целом направлена на повышение степени переработки жидкого топлива. Здесь концентрируются также энерго-капиталоемкие производства некоторых базовых отраслей черной и цветной металлургии, в основном ориентирующиеся на экспорт.

В следующую группу (со средними показателями дохода на душу населения) входят страны, которые заметно продвинулись по пути индустриального развития и располагают относительно емким внутренним рынком. Сюда входят Алжир и Ирак. Они способны широко использовать доходы от нефти и направить их на совершенствование отраслевой структуры экономики, создать индустриально-аграрные комплексы с частичным, а иногда и полным циклом воспроизводства на национальной основе. В отличие от первой группы здесь в целом не наблюдается «перенакпления» капитала, хотя финансовое положение этих стран в значительной степени различается.

Для обеих стран нефть—основной источник иностранной валюты. На нее приходится значительная часть их национального фонда накопления. В программах индустриализации указанных стран наряду с расширением добычи и переработки нефти и газа делается упор на широкое развитие отраслей черной и цветной металлургии, некоторых видов машиностроения, в том числе транспортного, производство потребительских товаров длительного пользования (автомобили, бытовые приборы и др.). Однако этим странам, в силу научно-технической отсталости, видимо, еще трудно наладить производство инвестиционных товаров, хотя некоторые из развивающихся государств становятся активными покупателями патентов и лицензий. Намечается также быстрый рост легкой и пищевой промышленности на основе строительства новых и модернизации старых предприятий. Большое внимание уделяет-

ся развитию сельского хозяйства—наиболее отсталой отрасли их народного хозяйства. Решение продовольственной проблемы и обеспечения сырьем промышленности рассматривается в указанных странах как важнейшее условие создания многоотраслевой и современной экономики.

Сравнительные характеристики арабских стран—членов ОПЕК показывают наиболее существенные различия в их экономическом положении. Именно эти различия наряду с конъюнктурой на мировом рынке предопределяют основные объективные моменты экономической политики указанных государств. Вместе с тем для понимания конкретных шагов нефтеэкспортирующих государств, а тем более для прогнозирования их акций, например, в таких важнейших вопросах, как уровень добычи нефти, цены на нее, внешнеэкономическая деятельность этих государств и др., необходим учет и других факторов, влияющих на формирование экономической политики. К ним относятся характер политической надстройки, способы принятия решений, воздействие внешних связей или зависимость от империалистических центров и т. д. В целом однотипные по структуре экономики, количеству населения и значению нефтяной промышленности страны первой группы значительно различаются по своей политике в области добычи жидкого топлива. Если Ливия и Кувейт ориентируются на ограничение добычи нефти и постоянно выступают за повышение цен на нее, то Саудовская Аравия и ОАЭ стремятся ограничить рост цен на нефть.

Таким образом, самое предварительное сопоставление экономического положения арабских стран—членов ОПЕК как с другими развивающимися государствами, так и внутри данной группы показывает, что наряду с сохранением (правда, во многих случаях частичным) экономической зависимости, многоукладности, технико-экономической отсталости и некоторых других экономико-политических критериев 70-е гг. характеризовались усилением процесса экономической дифференциации освободившихся государств. Падение роли одних из них в мировой экономике сопровождается усилением позиций других. Вполне обоснована поэтому мысль, высказанная учеными-марксистами Е. М. Примаковым и Т. Сентешем, о существовании «асимметричной зависимости», которая удачно характеризует долгосрочные явления в отношениях между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства и, в частности, между капиталистическими и нефтедобывающими странами⁷.

---

⁷ См. «МЭ и МО», 1978, № 8, стр. 100.

Если изменение экономического положения и дальнейшее развитие производительных сил большинства освободившихся стран во многом обуславливались их положением в мировом капиталистическом хозяйстве, то социальная ориентация отражает, главным образом, сложный процесс размежевания классовых сил и политических группировок (имеющих зачастую весьма нестрый социальный состав).

Сущность взаимосвязи процесса экономической дифференциации и социальной ориентации требует серьезного специального рассмотрения. Здесь следует лишь отметить, что в настоящее время опыт некапиталистического пути развития обогащается практикой как некоторых стран — экспортеров нефти (Алжир, Ирак, Ливия), где прогрессивные социально-экономические преобразования осуществляются в условиях нефтедолларового бума и высоких темпов роста, так и государств, где слабое развитие промышленности и крайне ограниченный национальный фонд накопления (НДРГ) осложняют проблему подтягивания базиса под новую надстройку революционно-демократического типа. Многое здесь зависит от решимости и последовательности руководящих политических сил, осуществляющих прогрессивные социально-экономические реформы. Важное значение также приобретает многогранная помощь и поддержка, которую оказывают этим странам СССР и другие государства социалистического содружества.

Неравномерность развития с неумолимой последовательностью будет способствовать дальнейшей экономической и социально-политической дифференциации развивающихся стран. Пока трудно сказать, каковы будут его отдаленные результаты. Вполне возможно, что некоторые развивающиеся страны смогут добиться значительных экономических успехов. Однако представляется нереальным, что даже немногие из них сумеют догнать пыненине индустриальные центры капитализма. Дело в том, что критерии развитости все более усложняются. Уже сейчас они определяются уровнем развития национальной науки и техники, масштабами и мобильностью наукоемких отраслей промышленности. Это обстоятельство будет действовать в сторону сохранения неравноправного и зависимого положения в системе мирового капиталистического хозяйства даже наиболее развитых из освободившихся стран. Несмотря на растущий разрыв между различными группами молодых национальных государств, сохранится нечто общее между ними, а именно их положение объекта империалистической эксплуатации. Вместе с тем среди субъектов этой эксплуатации могут быть и наиболее «экономически сильные» представители развивающегося мира.

По мере усиления неравномерности экономического и политического развития огромной периферии мирового капиталистического хозяйства и динамического изменения роли и места различных групп и подгрупп развивающихся стран в международном разделении труда актуальность изучения процесса экономической дифференциации и ее последствий будет все более возрастать.

АРАБСКИЕ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИЕ СТРАНЫ И «НОВАЯ»
СТРАТЕГИЯ США (70-е гг.)

Своеобразие нынешнего этапа, переживаемого развивающимися странами, перспектив их развития состоит в том, что, с одной стороны, империализм уже не может по-старому проводить свою экспансионистскую политику в молодых суверенных государствах, он вынужден маневрировать, менять формы и методы этой политики, идти на сотрудничество с этими государствами.

С другой стороны, развивающиеся страны пока еще не в состоянии осуществить перестройку своих социально-экономических структур. Поэтому, продолжая оставаться в системе мирового капиталистического хозяйства в качестве зависимых, неравноправных партнеров, они не могут рассчитывать на ликвидацию эксплуатации полностью. Речь может идти либо об изменениях форм этой зависимости, либо о снижении норм эксплуатации. И даже факт достижения ими определенных успехов в противоборстве с империализмом не снимает, на наш взгляд, положения о том, что преждевременно говорить о преодолении ими этой зависимости. Сказанное непосредственно относится и к нефтедобывающим странам Арабского Востока.

Арабские нефтедобывающие страны обладают известными преимуществами по сравнению с другими развивающимися государствами в том смысле, что они располагают ныне достаточной финансовой базой — огромными доходами от нефти. Будут ли эти средства использованы в целях подлинного социально-экономического прогресса или же способствовать дальнейшему интегрированию этих государств в воспроизводственный процесс Запада — решение этих вопросов лежит в плоскости выбора стратегии развития, которая, в свою очередь, зависит от характера политического строя и социально-политической ориентации данного государства. Поэтому нет и не может быть среди арабских государств единого подхода к вопросу о путях и перспективах развития нефтяного сектора.

Путь подлинной национализации, обеспечивающей государству действительный контроль над природными ресурсами, избрали Ирак и Алжир. Эти государства стремятся использовать нефть как отправную точку в своем развитии—на базе использования нефтяных доходов они осуществляют постепенную диверсификацию своей экономики с тем, чтобы после окончания «нефтяного века» она могла бы успешно функционировать и без доходов от нефти.

Другие страны (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар) предпочли политику постепенного выкупа иностранных концессий. Такая политика, являясь, правда, в известном смысле, шагом вперед по сравнению с безраздельным господством монополий, тем не менее, не имеет ничего общего с подлинной национализацией. Даже если речь идет о приобретении 100% акций компании, это означает лишь частичное установление контроля над деятельностью межнациональных корпораций (МНК), да и то главным образом в сфере добычи нефти.

Зависимое и неравноправное положение арабских нефтедобывающих стран в системе мирового капиталистического хозяйства предопределяется рядом факторов, позволяющих Западу в лице МНК продолжать оказывать на них свое влияние в различных сферах:

а. Несмотря на преобладающее положение нефтедобывающих стран в мировой капиталистической добыче нефти, остальные звенья нефтяной цепи по-прежнему находятся в руках МНК. Иными словами, большая часть добываемой в этих странах нефти сбывается по каналам, принадлежащим МНК.

В конечном итоге это дает нефтяным монополиям возможность фактически осуществлять контроль (а в известной мере и воздействовать на состояние и перспективы развития нефтяного сектора этих государств), несмотря на то, что нефтедобывающие страны завоевали право определять уровень добычи нефти и цены на нее. Строго говоря, если раньше нефтяные компании занимали монопольное положение во всех звеньях нефтяной цепи, то теперь они потеснены в сфере добычи. Изменились, таким образом, юридические формы взаимоотношений этих стран с МНК, зависимое же положение арабских стран в капиталистическом мире (разумеется, в новой форме) сохранилось. Все это создает условия для дальнейшей их эксплуатации со стороны Запада.

Вот почему ныне основное внимание арабских стран обращено на создание собственной нефтеперерабатывающей промышленности и прямой выход со своей продукцией на мировой рынок.

б. Большинство арабских нефтедобывающих государств в силу их ограниченных инвестиционных возможностей, отсталых

социально-политических структур и т. д. (Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ) не в состоянии производительно освоить свои нефтяные доходы. Отсюда значительные «избыточные» средства экспортируются главным образом в развитые капиталистические страны, а также международные организации и в другие развивающиеся государства в виде помощи. Казалось бы, арабские страны обладают мощным фактором—огромными доходами от нефти. Но весь парадокс заключается в том, что значительная часть этих средств используется не внутри этих стран, а за их пределами. Это обуславливает все большее втягивание этой группы государств в орбиту мирового капиталистического хозяйства: их капиталы, в конечном счете, служат источником финансирования воспроизводственных процессов в странах Запада, а появление так называемых «треугольных соглашений», в рамках которых развитые страны капитализма и арабские монархические государства сотрудничают в области экспорта капитала в развивающиеся страны, является, на наш взгляд, еще одним каналом привязки «нефтяных» государств к странам развитого капитализма, способствуя в то же время проникновению западных монополий под арабской вывеской на рынки молодых государств. Более того, за счет арабских капиталов осуществляется финансирование реакционных переворотов.

В. Будучи зависимыми от состояния и тенденций развития мировой капиталистической валютно-финансовой системы нефтедобывающие страны несут огромные потери от девальвации валют развитых капиталистических стран, мировой инфляции и т. п.

* * *

Арабский Восток занимает особое место во внешнеэкономической и политической стратегии США. Это не случайно, ибо нефть продолжает оставаться главным стержнем всего клубка ближневосточных политических проблем и ахиллесовой пятой энергобаланса США. Испытывая чувствительную зависимость от импорта арабской нефти и стремясь удержать в своих руках контроль над арабскими энергоресурсами, США вынуждены приспосабливаться к новым условиям. В этом плане все большее распространение получает политика, сходная с политикой «наведения мостов». В арсенале ее средств следует отметить: экономическое и техническое сотрудничество во всех формах; «помощь»; продажу оружия; прямую военную поддержку реакционных режимов.

Главным объектом этой политики стали в последние годы те страны, которые играют все большую роль в снабжении США энергоресурсами, а также те, где особенно тесно переплетаются

их политические и экономические интересы (Египет, Саудовская Аравия). При этом преследуется цель: вовлечь нефтяные государства в западную экономику и найти среди них союзников, на которых можно было бы опереться в проведении своей политики. Результаты последней начинают сказываться на внешнеэкономическом и внешнеполитическом курсе таких стран, как Египет, Саудовская Аравия.

В то же время в целом отношения США с арабскими странами остаются напряженными и во многом антагонистическими. В этих условиях США вынуждены порой идти на известное приспособление своей политики к запросам своих партнеров и в определенной мере отказываться от первоначальных планов сохранения этих стран в качестве только сырьевых придатков империалистических держав. Современная внешнеэкономическая и политическая стратегия США допускает и даже предполагает создание в таких странах в рамках частнокапиталистической системы хозяйства и предпочтительно силами МНК ряда отраслей промышленности, ориентированных на мировой капиталистический рынок. Это подтверждается, в частности, практикой создания на основе соглашений между США и арабскими странами смешанных комиссий по экономическому сотрудничеству. Такие комиссии были созданы в АРЕ, Иордании, Саудовской Аравии. В последней одновременно была создана и смешанная комиссия по модернизации вооруженных сил этой страны.

Индустриализация такого характера объективно ведет к усилению косвенной зависимости арабских государств от развитых капиталистических стран, от их научно-технического потенциала, так как хозяйственные планы стран — производителей нефти (в рамках которых интенсивно развиваются нефтеперерабатывающая, металлургическая, химическая и др. отрасли промышленности) зависят от поставок товаров производственного назначения, технологии из развитых капиталистических стран. Усиливающаяся зависимость арабских стран от этого импорта делает их экономику наиболее уязвимой и используется империалистическими государствами в качестве средства давления (в частности, для сохранения привилегированного режима для западных монополий на рынках этих стран). В американских правящих кругах развивается идея использовать эту зависимость для обеспечения США нефтью на выгодных условиях, поставлять товары и технологию в арабские страны на бартерных условиях — в обмен на нефть.

Вместе с тем США все больше делают ставку на упрочение капиталистических отношений в арабских странах, понимая, что лишь ценою некоторых уступок правящим классам таких государств, путем налаживания с ними сотрудничества можно добиться

ся их политической лояльности и удержат эти страны в рамках мирового капиталистического хозяйства. При этом политика США становится все более дифференцированной. В центре внимания, как уже отмечалось, находятся страны, с которыми тесно переплетаются интересы США.

Правящие круги США в условиях растущей зависимости арабских стран от импорта зерна и продовольствия (за счет импорта удовлетворяется 50% потребностей в продовольствии) рассчитывают использовать эту зависимость в качестве весьма действенного фактора в укреплении позиций империализма в этих странах. Об этом свидетельствует тот факт, что исследованием стратегических аспектов этого так называемого «нового оружия» занялась ЦРУ.

Важным средством усиления влияния США на экономику и политику арабских государств стали поставки американского оружия, от которых в значительной степени зависят планы милитаризации ряда стран Арабского Востока. Играя на острой военной и политической ситуации в этом районе, правительство США резко расширило экспорт оружия и военных услуг, причем теперь оружие поставляется либо в кредит, либо за наличные. Главными получателями американского оружия являются Египет и Саудовская Аравия. Через последнюю оружие поступает в другие развивающиеся страны. Вслед за американской военной техникой в этих странах появляются и американские военные специалисты. Возникает, таким образом, сложная сеть связей и зависимостей, которая не может не отразиться на сфере экономических и социально-политических отношений.

Вооружая арабские государства, США таким образом пытаются добиться их лояльности в энергетических вопросах. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что «такие аспекты зависимости стран — производителей нефти от США, как продовольствие, оружие, техника и технология, могут быть использованы для влияния на принятие арабами решений относительно объема добычи и цен на нефть». Растущая зависимость США от арабской нефти дает основание полагать, что в ближайшей перспективе будет наблюдаться дальнейшая активизация политики США в этом районе.

В заключение следует сказать следующее.

Перед нефтедобывающими странами Арабского Востока открываются определенные перспективы роста при капитализме. Однако следует иметь в виду, что и в этих странах возможность варианта ускоренного капиталистического развития далеко не решает многих проблем развития. Реализация подобного варианта чревата усилением социальной, политической и экономической напряженности, обострением классовой борьбы. Это движение осу-

и осуществляется, на наш взгляд, при сохранении их зависимого положения в новых формах: ослабление прямой зависимости и усиление зависимости косвенной.

Дело в том, что империализм продолжает сохранять господствующие позиции в отношении практически всех внешних факторов экономического и социального прогресса этих стран (импорт товаров производственного назначения, техники, технологии, продовольствия, от которых неуклонно растет зависимость арабов).

Неспособность ряда стран Арабского Востока освоить своими силами доходы от нефти повлечет за собой их дальнейшее интегрирование в экономическую, финансовую и политическую структуру Запада. Характерно при этом, что в отношении западных стран с отдельными нефтедобывающими странами (например, Саудовской Аравией) вносится больший элемент взаимозависимости. Уместно привести высказывание Е. М. Примакова, что «в условиях полного неравенства «партнеров» по уровню экономического развития, по способности использовать достижения научно-технического прогресса, такая большая взаимозависимость оборачивается более глубокой вовлеченностью таких развивающихся стран не только в мировое капиталистическое хозяйство, но и в структуру империалистической политики»¹.

---

¹ «Коммунист», 1978, № 11.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРАБСКИХ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

1. Причины и предпосылки возникновения в арабском мире группы стран, провозгласивших своей целью создание социалистического общества, связаны с развитием антиимпериалистического национализма, который видит свою задачу в политическом и экономическом освобождении, модернизации и строительстве современного экономически развитого государства. Попытки достичь этого с помощью Запада потерпели неудачу ввиду враждебной позиции империалистических держав по отношению к прогрессивным арабским режимам (Суэцкий кризис, интервенция 1958 г., доктрина Эйзенхауэра и т. д.). Надежды на местный капитал как на двигатель промышленного развития не оправдались вследствие слабости и непронзводительного характера национальной буржуазии, ее эгоизма и нежелания глубоких социальных перемен. Отсюда — рост дирижистских, этатистских тенденций, концепция государства как лидера и агента экономического развития, переход к централизованной планируемой экономике, идея примата общенациональных, общегосударственных интересов. В понимании молодых антиимпериалистически настроенных мелкобуржуазных националистов все это вместе взятое и означало отрицание капитализма и ориентацию на социализм, открывало путь для сотрудничества по большинству вопросов с марксистами. Следствием этого явился блок революционных демократов (Насер, Бен Белла, левые баасисты) с коммунистами на антиимпериалистической, антифеодальной и частично антикапиталистической платформе. Во внешней политике данная тенденция выразилась в сближении с социалистическими странами, сотрудничестве с СССР в плане борьбы с империалистической и сионистской агрессией и на попрание экономического сотрудничества.

2. Развитие указанных тенденций привело к образованию «государства национальной демократии». В основе экономической системы этого государства находится госкапитализм особого рода, отличающийся как от государственно-монополистического капита-

лизма, так и от системы использования и привлечения частного капитала диктатурой пролетариата, но в более или менее отдаленной перспективе имеющий тенденции приближения либо к тому, либо к другому — в зависимости от характера политической власти. Суть его — в смешанной экономике при параллельном существовании государственного (ведущего) и частного (среднего и мелкого) секторов, причем частный сектор преобладает в сельском хозяйстве, торговле, строительстве, сфере услуг. В социальном плане новый режим характеризуется небывалым усилением роли госаппарата и возникновением новых привилегированных слоев общества (сельская, посредническая, несокомпрадорская буржуазия) при определенном улучшении положения трудовых классов. В идеологическом плане характерно сочетание отдельных элементов социалистического мировоззрения с националистическими, религиозными, традиционными представлениями, стремление нащупать «третий путь», отличающийся от научного социализма с его интернационализмом, атеизмом и идеей диктатуры пролетариата, от реального социализма с его ликвидацией частной собственности на средства производства, но также и от капитализма в его исторически известном варианте, ведущем к государственно-монополистическому капитализму. В сфере международной политики адекватным выражением тенденций, присущих данному типу государства, стало движение неприсоединения как проявление антиимпериалистической солидарности эксплуатируемых наций и в то же время как фактор, учитывающий «особые интересы третьего мира».

3. Главным внешним противоречием социалистической ориентации стало противоречие между стремлением правящих кругов вести страну по некапиталистическому пути и сохранением ее в рамках системы капиталистического мирового хозяйства, что определяет ограниченность воздействия такого фактора, как «помощь пролетариата передовых стран», который В. И. Ленин считал одним из условий перехода к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Главным внутренним противоречием является противоречие между необходимостью «подвести» общество к социализму путем внедрения уже не капиталистических общественных отношений и тем фактом, что сохраняющийся и имеющий непременно тенденцию к расширению частный сектор становится распространителем буржуазных общественных отношений. Отсутствие диктатуры пролетариата или руководства со стороны авангардной партии, усваивающей марксистскую идеологию, крайне затрудняет процесс «перехода к советскому строю», что, согласно ленинской концепции, также является условием некапиталистического развития. Не было развертывания массовой революции «снизу», развития

самостоятельности масс путем создания народных советов и комитетов, распространения коллективистской, антибуржуазной идеологии. В этой обстановке не произошло и перерастания революции из национально-демократической в народно-демократическую стадию. Новые привилегированные слои, создав нужную им «модель» государства, не имеют стимулов для углубления революции в интересах трудящихся классов. Стали развиваться тенденции буржуазного перерождения, достигшие своего апогея и затем одержавшие победу в Египте после смерти Насера. Тем самым был продемонстрирован один из возможных вариантов эволюции государства национальной демократии: давление новобуржуазных, кулацких, бюрократических элементов привело к резкому сдвигу классового стержня режима вправо.

Данная тенденция имеет место и в некоторых других арабских странах социалистической ориентации, но ее победа не может считаться фатально предопределенной. Действует и другая тенденция, представленная левым крылом партий Баас в Сирии и Ираке, ФНО в Алжире и опирающаяся на растущий рабочий класс, на трудовое крестьянство, передовую интеллигенцию, в значительной мере и на часть мелкой буржуазии. Это — тенденция к ограничению влияния частного хозяйственного капитализма и эксплуатации, к развитию кооперации, особенно в сельском хозяйстве, к постепенному усвоению основных положений марксистской теории, к переходу на этап народно-демократической революции. В борьбе этих тенденций будет решаться судьба стран социалистической ориентации.

4. Особым путем идет общественное развитие в Народной Демократической Республике Йемен — единственной из арабских стран социалистической ориентации, где разворачивается массовая, низовая народно-демократическая революция, и у власти находится авангардная партия, в основе идеологии которой лежит марксизм-ленинизм. Уникальный характер йеменской революции объясняется как специфическими особенностями колонии Аден, в том числе недостаточной укорененностью буржуазных и вообще собственных классовых отношений, так и наличием с самого начала революции сильного марксистского ядра в революционном лагере.

5. Большим своеобразием отличается социалистическая ориентация в Ливии, где прогрессивные социально-экономические мероприятия проводятся под знаменем «исламского социализма». Религия и национализм здесь призваны стать барьером на пути распространения западной идеологии и буржуазных общественных отношений. Очевидна, однако, и обратная сторона «исламского социализма», старательно отмежевывающегося от научного социализма. Перспективы развития Ливии пока что выглядят весьма неопределенно.

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКИХ СТРАН (50—70-е гг.)

Изучение истории арабских стран за последние 25—30 лет позволяет выявить ряд характерных черт и закономерностей их развития. Среди них особо следует выделить неравномерное развитие арабских стран, которое нашло свое выражение как в социально-экономической, так и политико-государственной жизни. Даже самое беглое ознакомление с историей арабских стран послевоенного периода показывает, что они развиваются неравномерно и находятся на различных стадиях развития.

К сожалению, невозможно, учитывая рамки статьи, остановиться на причинах неравномерного развития. Но тем не менее, хотелось бы отметить, что неравномерное развитие обусловлено рядом факторов, среди которых следует указать весь тот комплекс социально-экономических отношений, который получило данное арабское государство в качестве исторического наследства в момент завоевания политической независимости, степень классовой дифференциации, расстановку классовых сил, влияние империализма и его колониальной системы, роль метрополии и т. д.

Неравномерность развития проявилась прежде всего в факте завоевания политической независимости арабскими странами. Им не удалось сразу, всем вместе добиться ликвидации колониального господства и образования независимых государств. Они этого достигли в разное время в течение почти четверти века—с 1946 г., когда Сирия первой среди арабских стран стала независимой, по 1971 г.—до образования Объединенных Арабских Эмиратов.

В результате этого перед арабскими странами в течение последних тридцати лет фактически стояли разные задачи, они решали разные проблемы. В то время, когда страна, уже завоевавшая политическую независимость, решала проблему укрепления своей государственности, завоевания экономической независимости, создания независимой национальной экономики и выбора пути дальнейшего развития, другая страна, все еще находившаяся под колониальным игом, стремилась к решению проблемы иного

характера, а именно—ликвидации колониального господства и установления независимого государства.

Такое положение способствовало не сокращению, а, наоборот, увеличению дистанции между отдельными арабскими странами и углублению неравномерности в развитии различных арабских стран.

Известно, что арабские идеологи, политические и религиозные деятели долгое время—как до первой мировой войны, так и после нее—лелеяли надежду о единовременном освобождении арабов и создании единого арабского государства, которое объединило бы если не все, то подавляющее большинство арабских территорий.

Но реальность оказалась сильнее мечты. Вместо одного арабского государства за последние тридцать лет возникло более двадцати государств, что привело к обилию различных государственных форм. Сегодня в арабском мире представлены почти все государственные формы как монархические, так и республиканские, со всеми своими оттенками, что само по себе является не чем иным как выражение закономерности неравномерного развития.

Монархическая форма представлена в виде абсолютной теократической монархии (Саудовская Аравия, а до 1962 г.—Йеменская Арабская Республика), абсолютной монархии (Оман, Катар) и конституционной монархии (Бахрейн, Иордания, Кувейт, Марокко).

Республиканская форма правления также имеет свои оттенки и разновидности. Арабские страны с республиканским режимом делятся на типичные, или классические, буржуазно-республиканские (Ливан, а также Тунис), республиканские с недоразвитыми формами, а порою и диктаторскими режимами—ЙАР, Мавритания, Судан. Фактически к этой группе принадлежали Египет и Ирак после свержения монархии и до 60-х гг.

Неравномерное развитие привело к возникновению республиканских форм правления с прогрессивными режимами. В эту группу государств входят Алжир, Ирак, Сирия и НДРП. К ним принадлежал и Египет в 60-х и начале 70-х гг. К этой группе можно, с некоторой оговоркой, причислить и Ливию.

При нормальном развитии государства последней группы могут преобразоваться в государства национальной демократии.

Арабские страны отличаются разнообразием общественно-экономических формаций. Здесь фактически существуют почти все известные человечеству формации и уклады. В одной группе арабских стран господствуют родо-племенные и феодальные отношения (Саудовская Аравия, ЙАР, ОАЭ, Катар), во второй—сильные пережитки феодальных отношений с зачатками капиталистических отношений (Иордания, Кувейт, Марокко, Судан), а в

третьей—капиталистические (Ливан, Тунис). К этой группе принадлежали и Египет (до 1961 г.), Ирак и Сирия (до середины 60-х гг.).

Экономическая и политическая неравномерность развития привела к тому, что в середине 60-х гг. образовалась новая группа государств—государств социалистической ориентации, где проводятся антикапиталистические мероприятия. В эту группу входят Алжир, Ирак, Сирия и НДРЙ.

Положение этой группы государств в арабском мире весьма неустойчивое. Они переживают этап национально-демократической революции, который является переходным. В зависимости от различных внутренних и внешних факторов они могут развиваться дальше, сделать шаг вперед или же наоборот—отступить, сделать шаг назад. Сегодняшний арабский мир дает примеры и первого и второго вариантов. Примером первого варианта служит НДРЙ, а второго—Египет.

Таким образом, неравномерное развитие арабских стран привело к сложной ситуации и создало своеобразную мозаику с точки зрения социально-политической, экономической и государственной структуры.

Из вышесказанного следует:

Первое. В результате неравномерного развития, наличия различных общественно-политических формаций, образования многочисленных государств и укрепления принципа суверенитета в каждом из них, сегодня, по нашему мнению, происходит не сближение, а, наоборот, отдаление арабских стран друг от друга.

При сохранении общего чувства принадлежности к арабской нации, тем не менее, каждый араб в конкретных случаях, индивидуально или в государственном масштабе, выступает как алжирец, иракец, тунисец, сириец, египтянин и т. д. и т. п. При этом понятие алжирец, сириец, ливанец, саудовец и т. д. воспринимается как нечто отличное друг от друга. Араб живет в определенной социально-политической и экономической среде, в определенной атмосфере, которые отличны от аналогичных условий другой арабской страны. И именно эти условия предопределяют круг его интересов и его деятельность. Сегодня понятие суверенитета каждой арабской страны настолько укрепилось, что арабы очень ревниво относятся к нему не только во взаимоотношениях с неарабскими государствами, но и с арабскими государствами. Границы каждой страны строго охраняются, не допускаются нарушения, территориальные изменения и т. д. Именно выражением этого нового положения, наверное, следует считать то обстоятельство, что между арабскими странами возникают вооруженные конфликты по территориальным вопросам, как это бывало между Алжиром и Марокко, Ираком и Кувейтом, или же угроза применения оружия,

связанная с идеологическими и экономическими разногласиями, примером чему может служить конфликт между Ираком и Сирией несколько лет назад из-за использования вод реки Евфрат. Известно, что этот конфликт привел к разрыву дипломатических отношений между Ираком и Сирией. Оба государства сосредоточили свои вооруженные силы на границе готовые пустить их в ход.

Военные конфликты или столкновения происходили и между другими арабскими странами—Египтом и Ливией, ИДРИ и ЙАР, хотя причины этих конфликтов отличаются от предыдущих. Нам кажется, что эта тенденция, т. е. отдаление арабских стран друг от друга по мере укрепления государственности и упрочения суверенитета каждой арабской страны и создания национальной экономики, в будущем еще усилится.

Второе. Закономерность неравномерного развития вынуждает нас по-новому подойти к проблеме арабского единства. При неравномерном развитии, когда арабские страны находятся на различных стадиях, когда в них установились различные политические и экономические структуры и когда они решают различные социально-экономические и политические задачи, осуществление арабского единства, конечной и главной целью которого провозглашено создание единого арабского государства, не предвидится возможным хотя бы в ближайшее время.

Следует отметить, что в некоторых арабских странах хорошо осознают это. Так, например, в иракских официальных документах четко зафиксировано, что арабское единство должно быть осуществлено на демократических и социалистических принципах и объединение со странами с тоталитарными, феодальными и буржуазными режимами нелогично.

Объединение арабов в единое государство не реально. И сейчас, как нам кажется, под арабским единством следует подразумевать скорее единство действий, солидарность, согласование решений, чем стремление к созданию единого государства.

Третье. Неравномерное развитие является одной из причин наличия разногласий между арабскими странами и раскола арабского мира. Оно дает ключ к пониманию этих противоречий и возникновению той или иной группировки и политической комбинации в современном арабском мире.

Четвертое. Оно дает также ключ к пониманию характера отношений арабских стран с социалистическими и западными странами.

Таковы некоторые выводы, вытекающие из закономерности неравномерного развития арабских стран.

УСИЛЕНИЕ ПРАВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В АРАБСКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ (конец 60-х начало 70-х гг.)

После достижения арабскими государствами политической независимости более чем 25-летний опыт правления крупной национальной буржуазии и крупных землевладельцев показал, что они не только не в состоянии решать новые социально-экономические и политические задачи, но и являются препятствием на пути общественного прогресса.

Политическая власть в Египте, Сирии и Ираке постепенно переходит к мелкой и средней буржуазии, а также, в результате осуществления военных переворотов,—в руки военных.

Одной из отличительных черт арабского национально-освободительного движения в 60-е гг. является переход мелкобуржуазных партий на позиции национальной демократии и выбор некапиталистического пути развития.

Уже само принятие арабскими революционными демократами социалистического мировоззрения является положительным явлением. Однако они руководствуются так называемым «арабским социализмом», который на деле не отходит от позиций правого крыла социал-демократии, сторонники которого «отрицают существование антагонистических классов и классовой борьбы»¹. Стоящие у власти мелкобуржуазные революционные демократы отрицают старые формы управления, однако в то же время и иногда в той же мере они отрицают и революционные методы.

Они, говоря словами В. И. Ленина, «неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры»².

---

¹ Программа КПСС. М., 1962, стр. 67.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 59.

Принимая за основу этот классовый принцип, мы можем сказать, что это является одной из основных причин, которая приводит к распространению антидемократических, антикоммунистических и антисоветских настроений в арабском мире.

Установление прогрессивных режимов в 60-е гг. в Объединенной Арабской Республике (ОАР) и Ираке явилось крупной победой арабского национально-освободительного движения.

За этот период мы наблюдаем усиление прогрессивных тенденций в арабском национально-освободительном движении, которое вызвало большую тревогу в лагере империализма, сионизма и внутренней реакции. Империализм пытается изнутри подорвать арабские прогрессивные режимы, в частности в ОАР и Сирии. Одновременно усиливаются и провокации израильских агрессивных кругов против арабских стран и, в первую очередь, против прогрессивных режимов в Сирии и Египте.

Целью израильской империалистической агрессии 1967 г. было нанесение смертельного удара по усиливающемуся арабскому национально-освободительному движению, свержение утвердившихся в Египте и Сирии прогрессивных режимов и восстановление потерянного империализмом влияния в арабском мире.

Израильская агрессия еще больше обострила ближневосточный кризис. Однако этот факт не исключает определенной вины и авангарда арабского освободительного движения—руководства прогрессивных режимов—в ухудшении положения на Ближнем Востоке.

В самом деле, достижения арабских прогрессивных режимов в социально-экономической и политической областях очевидны и всегда удаивались понимания и поддержки со стороны арабских коммунистических партий и прогрессивных сил.

Следует отметить, однако, что арабские коммунистические партии являются единственной силой, которая с позиций дружеской критики раскрыла и продолжает раскрывать недостатки и ошибки, совершенные этими режимами.

Касаясь этого вопроса, конференция арабских коммунистических и рабочих партий 1968 г. отмечает, что «национальная ограниченность мелкобуржуазного руководства, классовая шаткость, несущественность социально-экономических реформ, ограниченность или полное отсутствие демократии, усиление новой военной и политической бюрократии вследствие своекорыстия и злоупотреблений, подозрительность по отношению к СССР и другим социалистическим странам и другие недостатки представляют собой основную причину поражения»³.

³ «Ан-Нида». Бейрут, 4.VIII.1968.

Отсутствие правильного решения главных задач—устранения последствий израильской агрессии, решения палестинской проблемы, усиления прогрессивных арабских режимов и других вопросов—представляет собой настоящую причину кризиса руководства арабского освободительного движения.

9 июня 1967 г., когда Насер взял на себя всю ответственность за поражение и подал в отставку, народные массы вышли на улицы и потребовали, чтобы он отказался от своего намерения. Поступая так, они были уверены, что если арабы и проиграли на поле битвы, то настоящей задачей стала защита и углубление достигнутых прогрессивных перемен. «Народные массы Египта, отдавая власть Насеру, требовали провести коренные реформы»⁴.

В 1968 г. Насер провозгласил «Программу 30-го марта», которая предусматривала реорганизацию единственной в стране политической организации—Арабского Социалистического Союза (АСС). Однако, к сожалению, он рассматривал ее «как единственную гарантию избежать кровопролития классовых борьбы»⁵.

Следует отметить, что режим Насера в период 1967—1970 гг., если и продолжал национальный антиимпериалистический курс, то уже «не был в состоянии решить поставленные перед ним социально-экономические и национальные вопросы, поскольку он переживал период отступления»⁶.

Этого нельзя сказать о другой прогрессивной стране—Сирии. Правда, здесь руководящая партия Баас страдала от внутривластных классовых разногласий левого и правого крыла, однако наличие в Сирии многопартийной системы и компартии создало более реальные возможности для подъема освободительной борьбы, ярким примером которой явилось «исправительное движение» 16 ноября 1970 г., движение, которое, «вооружившись программой революционно-демократических реформ, ведет страну по некапиталистическому пути»⁷.

Арабское освободительное движение получило новый импульс и в Ираке, когда там 17 июля 1968 г. был установлен новый прогрессивный режим.

Таким образом, как мы видим, на одном из полюсов национально-освободительного движения—в Египте—уже происходил период спада, а на другом—в Сирии и Ираке—период подъема.

Подробно анализируя вопросы арабского освободительного движения, генеральный секретарь Ливанской компартии Н. Шаун

⁴ «Аль-Ихдас аль-ахир фи-Миср ва мухيمات ас-саура аль-арабийина фи-ль мархала ар-рахина», Багдад, 1971, стр. 23.

⁵ «Ан-Нида», 31. III. 1968.

⁶ «Аль-хизб аш-шуйуни аль-мисри. Аль-авда ар-рахина фи Миср» (б. г., б. м.), стр. 2.

⁷ Г. И. Мирский, Третий мир, М., 1976, стр. 333.

в своей статье «Ленинизм и некоторые вопросы революционного движения арабских стран» пишет: «Прогрессивные режимы стоят перед крутым поворотом. Стало невозможным продолжение процесса общественного развития, его углубление и продвижение экспериментальными и устаревшими, совершаемыми сверху мероприятиями, которые не учитывают объективных закономерностей общественного развития. Продолжение этого положения представляет собой прямую опасность прогрессивным режимам»⁸.

Кризис в арабском национально-освободительном движении наступил в 1967 г. и обострился после смерти Насера. С этого периода усиливаются правые тенденции.

Египет занимает в арабском мире определяющее положение, и перемены, которые в нем происходят, положительные или отрицательные, в той или иной мере отражаются на всем арабском освободительном движении. И поскольку буржуазно-помещичий класс в Египте был более силен, чем в любой другой арабской стране, поскольку каким бы разрушительным ударом он не подвергался во времена Насера, его представители подняли голову после 1967 г., когда насеровское египетское правительство стало проводить «политику отступления во всех социально-экономических областях, был ликвидирован целый ряд прогрессивных достижений и активизировались контрреволюционные силы»⁹.

Ликвидировав в 1971 г. так называемых «левых насеристов» — группу Али Сабри, которая представляла собой горячего защитника государственного сектора, кулачество, средняя буржуазия и недобитые буржуазно-помещичьи слои, освободившись от контроля, заняли господствующие позиции в единственной в стране политической организации — АСС, а затем и в Народном собрании. Они составляли прослойку, «которую совершенно не интересует государственный сектор и которая поощряет частный сектор»¹⁰, — пишет Мухаммед Шахди.

После переворота 15 мая 1971 г. в Египте произошел совершенно определенный сдвиг вправо в области как внутренней, так и внешней политики.

Октябрьская война 1973 г. могла бы закончиться в пользу арабов, если бы не ошибочная тактика Садата. Египтяне форсировали Суэцкий канал, но не продолжали наступления на имеющие стратегическое значение горные перевалы, в то время как «египетские войска были в состоянии захватить их»¹¹. Он поспешил на-

⁸ «Ат-Тарик», Бейрут (адад хас), 1970, № 4—5, стр. 17.

⁹ «Аль-авда ар-рахика фи Миср», стр. 9.

¹⁰ М. Ф. Шахди, Аль-йасар аль-мисри ва мавкифаху мин харакат аль-ах-дас — «Касюн ас-Сакафи». Дамаск, 1973, стр. 39.

¹¹ «Аль-авда ар-рахина фи Миср», стр. 3.

чать переговоры с США—главным оплотом империализма, и, идя им навстречу, начал осуществление политики уступок и отступления, представляя США единственной силой, «способной» разрешить ближневосточную проблему.

Режим Садата, отказавшись от социально-экономических реформ, начал осуществлять экономическую политику «открытых дверей» и проводить антидемократический, антикоммунистический, антисоветский курс, вступив в союз с наиболее реакционными арабскими режимами.

Используя это обстоятельство, реакционные арабские государства с помощью своих союзников, в странах с прогрессивными режимами, в лице еще сохранившихся феодалов, крупных землевладельцев и буржуазии различных прослоек, пытались лишить смысла прогрессивную арабскую национально-освободительную борьбу, утвердить свое влияние в странах с прогрессивными режимами, стремились к сближению с международным империализмом с целью проведения антикоммунистической и антисоветской политики.

За указанный период в арабском мире усиливаются также роль и влияние реакционных государств—Саудовской Аравии, Кувейта, эмиратов Персидского залива. Правящие круги этих стран, опираясь на международный империализм и на свои огромные финансовые ресурсы, начали повсюду поддерживать правые силы, пытаясь диктовать свой политический курс и тем странам, в которых установились прогрессивные режимы.

Руководящие круги Саудовской Аравии развернули активную деятельность во всем арабском мире. Казалось, что Ар-Риад вот-вот займет место Каира, а его министр иностранных дел ас-Саккаф станет официальным представителем арабской дипломатии в международных организациях. Саудовская Аравия начала играть решающую роль в Лиге арабских стран; выступила в роли примирителя в деле решения конфликта между ПДС и Иорданией; организовала заговор против прогрессивного режима НДРЙ и освободительного движения в районе Персидского залива; выступила в роли посредника и подготовила сближение садатовского режима с США, которое увенчалось заключением «мирного» договора между Египтом и Израилем.

Король Иордании Хусейн, подталкиваемый американским империализмом, объявил о своей программе создания «Арабского Объединенного Королевства», в случае осуществления которой палестинский вопрос был бы ликвидирован.

Ливанские правые силы, поддерживаемые арабской реакцией и империалистическими кругами, объявили крестовый поход против ПДС и ливанского патриотического движения, в результате которого в Ливане вспыхнула гражданская война.

После окончания октябрьской войны 1973 г. правящие круги вышеуказанных стран под воздействием массовой волны протеста, прошедшей по всем арабским странам, были вынуждены употребить нефть в качестве оружия против империализма.

Мы уже отмечали, что национально-освободительное движение в Сирии и Ираке имеет свою специфику, обусловленную наличием прогрессивных режимов, фронтов и партий в этих странах. Прогрессивные национально-патриотические фронты, созданные в этих странах, одновременно «направлены против империализма, сионизма и реакции и способствуют национальному развитию и социальному прогрессу»¹².

В политическом развитии этих двух стран прослеживается антиимпериалистическая направленность, проводится курс социально-экономических преобразований, успешно развивается сотрудничество с СССР и другими странами социалистического лагеря.

Нынешние политические режимы Сирии и Ирака основываются на принципах национальной демократии. По этому поводу в Программе ЦК КПСС сказано, что они представляют «блок всех прогрессивных, патриотических сил, борющихся за полную национальную независимость, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодалной, демократической революции»¹³.

В этих странах власть в основном сконцентрирована в руках мелкобуржуазной революционно-демократической партии Баас, в рядах которой представлены следующие мелкобуржуазные слои:

- 1) прогрессивная мелкобуржуазная прослойка, которая составляет ядро революционной демократии и постепенно приближается к позициям рабочего класса;
- 2) правая мелкобуржуазная прослойка, которая перешла на позиции национальной буржуазии и представляет собой консервативно-бюрократическое крыло партии.

Характеризуя новосозданную бюрократию и ее роль в обществе. Программа Ливанской компартии подчеркивает, что «появление правых тенденций тесно связано с возникновением новой бюрократии, стоящей во главе власти, и которая уже не представляет широкие слои мелкой буржуазии и пытается повернуть политический курс страны вправо»¹⁴;

- 3) мелкобуржуазная колеблющаяся прослойка, которая при-

---

¹² «Аль-Ахбар», Бейрут, № 113, 5. IV. 1975, стр. 20.

¹³ Программа КПСС, стр. 55.

¹⁴ «Аль-Васанк аль-камила лиль-му' тамар ас-салис лиль-хизб аш-шуйуний аль-лубнани», Бейрут, 1972, стр. 145.

лижается то к позициям национальной буржуазии, то к позициям пролетариата.

Арабские коммунисты при разработке правильной тактики руководствуются ленинским принципом «уступок тем элементам тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату—наряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии»¹⁵.

Возникает вопрос, как реагируют общественные классы на социально-экономическое развитие страны? Ясно, что рабочий класс и его авангард—коммунистические партии поддерживают госсектор, буржуазия—частный сектор, а Баас—мелкотоварное производство. Поскольку в этих странах в основном преобладает мелкобуржуазное производство, то трудно предопределить, каким образом будет протекать дальнейшее развитие в этих странах.

Судьба данного прогрессивного режима обусловлена направлением классовой борьбы.

Таким образом, одной из характерных черт арабского мира является усиление противоречий между охватывающим все прогрессивные силы арабским национально-освободительным движением, с одной стороны, и империализмом, сионизмом и арабской реакцией—с другой.

На нынешнем этапе наблюдается усиление правых тенденций.

Арабское национально-освободительное движение развивается в трудной и сложной обстановке. Империализму и реакции удалось развернуть подрывную деятельность против арабских стран. Все это создает такое впечатление, что арабское национально-освободительное движение стоит перед тупиком.

Безусловно, усиление правых тенденций представляет опасность для прогрессивных режимов, в частности, и арабского национально-освободительного движения—в общем. Тем не менее, арабские прогрессивно-патриотические силы более чем когда-либо уверены в том, что наряду с трудностями существуют также объективные предпосылки преодоления этих правых тенденций.

Прогрессивные силы арабских стран считают первоочередными следующие задачи: 1) разоблачение и ликвидация правого крыла в арабском национально-освободительном движении; 2) повышение бдительности арабских прогрессивных революционных сил и усиление классовой борьбы; 3) борьба за освобождение арабских оккупированных земель и всеобщее урегулирование ближневосточной проблемы; 4) укрепление достижений арабских прогрессивных режимов в политической и социально-экономической областях; 5) укрепление арабо-советской дружбы и сотрудничества¹⁶.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 59.

¹⁶ «Нидаль аш-шааб», Дамаск, декабрь, 1976.

II. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Ш. Ч. АШИРЯН

ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

Проблема внутренней миграции и урбанизации в Иракском Курдистане слабо изучена.

Для Ирака и его курдских районов, где в настоящее время происходят важные политические и социально-экономические изменения, анализ данной проблемы представляет большой научный и практический интерес. Внутренняя миграция и урбанизация была и остается одной из важнейших и сложных проблем общественной жизни. Она оказывает определенное воздействие на динамику роста и состав населения, территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов, на степень занятости, изменения культурных и социальных потребностей, всей демографической ситуации населения.

Ускорение или замедление темпов и масштабов внутренней миграции и урбанизации зависят от тех конкретных исторических условий и факторов, в рамках которых происходят социально-экономические, следовательно и демографические процессы. Эти процессы, как учит марксистско-ленинская наука о народонаселении, определяются особенностями общественного строя, уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений.

В Иракском Курдистане господствует частная собственность на средства производства. Промышленность почти не развита. Основная масса трудящихся занята в сельском хозяйстве. Процесс проникновения и развития капиталистических производственных отношений в курдской деревне усилился, в частности, после второй мировой войны в связи с ростом товарного производства в сельском хозяйстве и специализацией сельскохозяйственных культур, главным образом, технических. Расширились фруктовые и овощные плантации, вокруг городов возникли молочные хозяйства, вла-

дельцы которых мигрировали из сельских районов. Отдельные курдские помещики начали вкладывать большую сумму в сооружение сельскохозяйственных объектов.

Это способствовало разложению натурального хозяйства в курдской деревне, разрушению патриархальных, родо-племенных институтов и привело к массовому обезземелению крестьянства, к росту арендаторов и переселению безземельных крестьян. В Иракском Курдистане, где земледельческий капитализм развивался в самых отсталых формах из-за сохранения в экономике многочисленных и сильных пережитков архаических производственных отношений, образование относительной перенаселенности происходило в условиях усиливающегося обнищания крестьянства.

В отличие от других областей Ирака, в Курдистане росту аграрного перенаселения, расширению масштабов внутренней миграции и урбанизации в большой степени способствует преобладание мелкокрестьянского землевладения. Систематические переделы и без того мизерных крестьянских землевладений между умножающимися наследниками ускоряют процесс парцелляции обрабатываемых земель. Экономическая отсталость в сочетании с высоким естественным приростом населения отразились на характере аграрного перенаселения, делая его особенно тяжелым и побуждая крестьянство к миграции. По данным иракского экономиста Мухамеда Салмана Хасана, скрытое аграрное перенаселение в дореформенной (до 1958 г.) деревне составляло 30% всего самодеятельного населения на селе¹. Одной из главных причин роста аграрного перенаселения, бегства крестьян из деревни в город, является широкое применение в частнособственнических хозяйствах сельскохозяйственных машин. Поскольку Иракский Курдистан является главным районом возделывания зерновых культур в Ираке, здесь тракторов и комбайнов применялось больше, чем в других районах Ирака. Например, из 1096 импортированных тракторов и 253 комбайнов в 1961 г. 581 трактор и 243 комбайна использовались в Иракском Курдистане².

По мере механизации сельского хозяйства трудоспособные силы сельского населения все больше и больше выбрасываются из сферы производства. Начинается поток переселенцев из отсталых в развитые районы и города. «Бегство крестьянства в город,— указывает В. И. Ленин,—неизбежно предшествует его разорению»³.

¹ Мухамед Салман Хасан, *Ат-Тадур аль-иктисади филь-Ирак, 1864—1958*, Бейрут, 1965, стр. 79.

² "Statistical Abstract, 1962", Baghdad, 1963, p. 77.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 60.

Начиная с конца 40-х и в начале 50-х гг. процесс внутренней миграции в Ираке повсюду усиливается. Мухамед Салман Хасан отмечает, что только в ливе Киркук в течение одного года 8,1% общего числа населения провинции из сельских мест мигрировала в город. В результате этого из года в год удельный вес сельского населения уменьшается.

В некоторых сельских районах Иракского Курдистана население не только не растет, но наоборот, в период между двумя последними переписями оно в значительной мере сократилось: в казе Дохук—на 55,1, Захо—53,4, Амадия—37,5%⁴. Эта тенденция продолжается и в настоящее время. После последней переписи сельское население в ливе Киркук сократилось на 8, а в ливе Мосул—на 6%⁵. Такая картина наблюдается и в казах Шаклава и Махмур. И если проследить за убылью сельского населения, то она сопровождается ростом числа мужчин. Около 80% мигрантов принадлежат к работоспособной возрастной группе. При этом среди сельских мигрантов в городе резко преобладают мужчины. Мужское сельское население, по сравнению с женским, в период между двумя последними переписями, т. е. в течение 8 лет, сократилось: в казе Захо—на 35, Дохук—28,4, Амадия—17%⁶.

Уход трудоспособных людей (главным образом молодежи) из сельских районов ведет к увеличению доли городского населения в общем числе населения страны.

В период между двумя последними переписями в Иракском Курдистане процент городского населения увеличился на 36, а сельского—лишь на 9,3%. По масштабу всего Ирака—соответственно на 50 и 6%⁷. За последние 10 лет после переписи 1965 г. общий прирост населения Иракского Курдистана составлял 31, а сельского—7%. По остальным районам Ирака—соответственно 40 и 0,3%. По отдельным ливам этот рост происходил по-разному. В ливе Сулеймания, например, население увеличилось на 39, Эрбил—38, Киркук—27, Мосул—22%, а городское население—соответственно на 88,79, 56 и 52%⁸. Данные показывают, что темпы среднего роста городского населения по масштабу всего Ирака на 14% превышают темпы среднего роста городского населения курдских районов. Это объясняется тем, что в силу ряда политических и социально-экономических причин процесс урбанизации в цент-

---

⁴ „Statistical Abstract 1957“, Baghdad, 1958, p. 5—12; „Annual Abstract of Statistics 1969“, Baghdad, 1970, p. 48—50.

⁵ „Annual Abstract of Statistics 1975“, p. 34, 48, 49.

⁶ „Annual Abstract of Statistics 1970“, p. 44—46.

⁷ Там же, стр. 44—49, 59.

⁸ „Annual Abstract of Statistics 1975“, p. 34, 48.

ральных и южных районах Ирака происходит сильнее, чем на севере страны.

Рост городского населения в Иракском Курдистане происходит как за счет сельских мигрантов, так и путем естественного роста жителей города. Это не только способствует увеличению численности городского населения, но и в значительной степени омолаживает состав жителей города. Процент женщин и мужчин фертильного возраста от 15 до 49 лет в общем числе населения Курдистана составляет 45, а в остальных частях Ирака—40. В городе население в возрасте от 15 до 45 лет в общем числе людей трудоспособного возраста составляет примерно 82%. В возрасте от 15 до 40 лет процент людей, вступающих в брак, в общем числе городского населения составляет 54, а среди сельского населения—46%⁹. Преобладание городского населения фертильного возраста до 40 лет, с одной стороны, связано с созданием в Ираке национальной промышленности, с другой—объясняется тем, что в настоящее время молодежь стремится жить в городе, все больше приобщаться к городскому образу жизни, не говоря уже о том, что сельская молодежь, получая образование в городе, создает там свою семью и больше не желает возвращаться в деревню.

Наши исследования показывают, что 82,3% девушек фертильного возраста моложе 40 лет, из них 60% выходят замуж до 19 лет¹⁰. Такое соотношение сохраняется и среди мужчин. Раннее вступление в брак увеличивает плодовитость женщин. В курдской семье замужняя женщина в возрасте 25 лет имеет не менее 5 детей. Одним из элементов внутреннего движения населения является усиление процесса перехода кочевых хозяйств к оседлому образу жизни в развитых экономических районах и городах. Начиная с конца 50-х гг. в Ираке в массовом порядке разрушается кочевой уклад хозяйств. Этот переход является результатом тех социально-экономических изменений, которые произошли в жизни кочевых хозяйств.

На процесс переселения, внутренней миграции и урбанизации населения и всю демографическую ситуацию Иракского Курдистана свой тяжелый отпечаток оставила война в Курдистане, развязанная военными властями Ирака в 60-х гг. Война была причиной не только многочисленных человеческих жертв, но и причиной насильственного переселения мирного гражданского населения курдских районов. Десятки курдских деревень, расположенных вокруг городов Киркук и Мосул, были разрушены правительственными войсками, а их жители насильственно переселены в южные районы Ирака. Поэтому в Ираке процесс внутренней миграции и урба-

⁹ Annual Abstract of Statistics 1970*, p. 62—65.

¹⁰ Там же, стр. 64—65.

низации в различных частях страны происходит по-разному. Если в арабской части Ирака рост городского населения связан с созданием промышленных объектов, то в Иракском Курдистане приток сельского населения в город является не столько результатом стремления сельских жителей в город, сколько результатом вынужденного ухода из деревни. Притом основной приток мигрантов направляется в крупные города, главным образом в Багдад, Мосул, Киркук, Эрбил, Сулейманию. В результате резко увеличивается население этих городов. Так, в период между двумя последними переписями городское население в Эрбиле увеличилось на 156, Сулеймании—69, Киркуке—56, Мосуле—44 %¹¹.

На состояние внутреннего движения населения огромное влияние оказали антимпериалистическая и антифеодалная июльская революция 1958 г., а затем прогрессивные преобразования, которые стали проводиться с 1968 г. Прогрессивные мероприятия республиканского правительства, внутренние социально-экономические сдвиги явились той мощной силой, которая привела в движение самые широкие слои застойного деревенского населения, включив эти слои в миграционные процессы. Национально-освободительное движение курдского народа, борьба курдов Ирака за национальную автономию вырывает сотни тысяч людей из «идиотизма деревенской жизни», из векового рутинного образа существования, при котором социальное и национальное самосознание курдского народа было замкнуто в рамках религиозной и старой, традиционной идеологии, а общественный кругозор ограничивался узкими интересами феодально-племенной жизни. Расшатывая патриархальные устои сельских общин, их социальные предубеждения и ограниченность, национально-освободительная борьба курдов открыла новые перспективы для сельского населения, особенно для молодежи, которая долгое время испытывала неудовлетворение, ненависть к старым порядкам, стремилась и стремится изменить их, получить образование, жить в городе.

Таким образом, из анализа официальной статистики Иракской республики приходим к выводу, что процесс внутренней миграции и урбанизации в Иракском Курдистане продолжает усиливаться, что является прямым результатом социально-экономических и политических сдвигов в жизни Иракской республики.

---

¹¹ „Statistical Abstract 1957“, Baghdad 1958, p. 5—12; „Annual Abstract of Statistics 1969“, Baghdad, 1970, p. 44—49.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ АЛЖИРА И РОЛЬ ИСЛАМА

Политическое положение в Алжире во второй половине 70-х гг. до некоторой степени стабилизировалось после всенародного обсуждения и принятия программных документов—Национальной хартии и Конституции республики и проведения серии мероприятий по упорядочению и реорганизации органов государственной власти. Эти мероприятия, заложив основу новой системы государственного устройства АНДР, способствовали дальнейшему совершенствованию демократических принципов в жизни республики. Они позволили алжирскому руководству укрепить власть в центре и на местах и способствовали изоляции буржуазно-помещичьей оппозиции, которая таким образом в известной степени потеряла влияние в массах и лишилась веса в политической жизни страны.

Тем не менее ряд острых политических проблем в стране сохраняется. Сложившееся в АНДР соотношение политических и классовых сил и трудности переходного периода не исключают обострения классового антагонизма и борьбы отдельных социальных групп и группировок за власть, за сохранение своих привилегий. Трудящиеся массы продолжают борьбу за улучшение своего материального положения. В этом отношении весьма показательным является рост забастовочного движения в Алжире летом 1977 г., который вызвал беспокойство в алжирских правящих кругах.

Несмотря на известную эволюцию алжирского общества, социальные корни оппозиции в Алжире еще не ликвидированы. Оппозиция режиму представлена не только справа—консервативными кругами, выступающими против демократических реформ или во всяком случае за более умеренные преобразования в стране, за более прочные связи с западными странами. Они проявляются и слева, в лице определенной части интеллигенции, технократов, а также студенчества, рабочего класса и крестьянства, выражающих недовольство относительно низким жизненным уровнем в стране.

острой нехваткой жилья, безработицей, безземельем среди части крестьянства, засильем бюрократии.

С целью нейтрализации оппозиции в массах и повышения своей популярности, а также предотвращения возможности использования ее недовольства другими классами и группировками алжирское руководство предприняло ряд мер социального, политического и экономического характера.

Проводимые правительством АНДР политические и экономические мероприятия по укреплению режима, реализации программ строительства современного государства на национально-демократических началах с развитой экономикой и соответствующими такому государству социально-экономическими и общественно-правовыми нормами и категориями не создали пока благоприятных политических условий, которые могли бы обеспечить движение страны по избранному пути социалистической ориентации. Трудности переходного периода, в значительной степени имеющие не только политический и экономический, но и психологический характер, вызывают в некоторых слоях населения скептическое отношение к проводимой перестройке общества; их недовольство пытаются использовать в своих узкоклассовых интересах консервативные круги.

С другой стороны, радикальные социально-экономические преобразования, проведенные в Алжире в последнее время, в частности, почти полная национализация иностранной собственности, изъятие излишков земли у крупных землевладельцев, ограничение политических прав буржуазно-помещичьих слоев населения, вызвали сопротивление внешней и внутренней реакции, которая пытается ставить под сомнение жизнеспособность алжирской революции. В этих условиях алжирское руководство предприняло усилия для предупреждения действий оппозиции, в частности, путем укрепления органов власти, предоставления государственных постов сторонникам социалистической ориентации, а также форсирования программ экономического развития.

С этой же целью были предприняты меры по созданию действительно массовой политической партии—опоры режима, для усиления ее руководящей роли в политической, экономической и общественной жизни страны. В начале 1979 г. был созван съезд Фронта национального освобождения (ФНО), который определил новые принципы работы и организационную структуру партии. В процессе подготовки съезда был обновлен ее состав, расширено представительство в ней рабоче-крестьянской прослойки. Этот шаг был вызван тем обстоятельством, что некоторая часть членов ФНО—выходцев из средних слоев, далеких от идеалов революции и не заинтересованных в ее углублении, рассматривала членство в партии только как способ продвижения по служебной лестнице.

Поэтому алжирское руководство ввело в практику принцип, в соответствии с которым на государственные посты могут быть назначены лица, отвечающие требованиям компетентности, бескорыстия и преданности.

Отвергая капиталистический путь развития, алжирское руководство делает акцент на том, что исторический путь алжирского народа был, по его мнению, освящен исламом, а социалистические начала в стране существовали издавна и являются вековой традицией народа.

Известно, что ислам занимает видное место в учении об «алжирском социализме». Это объясняется тем, что религиозный аспект борьбы за национальное освобождение в Алжире имел большее значение, чем в других странах Магриба. Поэтому руководство ФНО часто обращалось к религиозным чувствам народа под девизом: «Ислам—моя религия, арабский—мой родной язык, Алжир—моя родина». Разумеется, что борьба ФНО была борьбой политической, а не религиозной. Однако ислам умело использовался в практических целях и в период борьбы против колониализма и в послевоенное время. Статья 2 Конституции АНДР гласит: «Ислам является государственной религией».

Учитывая приверженность подавляющей части коренного населения страны к принципам ислама и большое значение религиозного аспекта в борьбе алжирцев за национальное освобождение, руководство ФНО стремится совместить их с программой развития по пути социалистической ориентации и таким образом приспособить некоторые его положения к политическим целям. Один из видных деятелей алжирского руководства бывший министр информации и культуры Ахмед Талерб говорил: «Я хотел бы включить мусульманство в современный мир и сохранить в нем его живое семя, а его принципы приблизить к уровню проблем, которые ставит техническая цивилизация»¹. Обвиняя некоторых представителей элиты стран Магриба в забвении исламских принципов, он с сожалением констатировал, что ее атеизм является «импортным атеизмом» и имеет характер «подражательства», а это, по его словам, «означает отказ от нашего прошлого и от всего, что с ним связано»².

Пытаясь обосновать целесообразность использования ислама в политических целях и его совместимость с социализмом, ответственный работник министерства хабусов Теджини заявил: «Многие люди хотят найти противоречие между исламом и социализмом. Это предвзято мыслящие люди, которые весьма узко интерпретируют ислам как религию, либо дают особое толкование

¹ «Maghreb», 1971, № 47, p. 35.

² Там же.

социализму и таким образом ставят надуманную проблему... Учитывая способность ислама к адаптации и наличие множества вариантов социализма, между ними, на наш взгляд, нет никакого противоречия»³.

Отдавая отчет в том, что постоянный подвод ислама к социализму не всегда соответствует логике и истине, еще Бен Бела пытался дать классовое определение исламу. «Мы,—говорил он,—являемся одновременно социалистами и мусульманами. Наш ислам—это воинствующий ислам, но не буржуазный... Воинствующий ислам выступает против привилегий и ведет борьбу за справедливость. Такой ислам, естественно, совместим с социализмом, и вот почему алжирский социализм является мусульманским социализмом»⁴.

Следует отметить, что исламские принципы в политике, как и в идеологии, интерпретировались по-новому и приобретали, следовательно, иное содержание, сохраняя первоначальную форму как символ преданности традиции и религии. Стремясь приспособить ислам к своим политическим задачам, алжирское руководство было вынуждено все более отдаляться от религиозных догм. В самом деле, уже в первые годы независимости политическая система, возникавшая в Алжире, выходила далеко за пределы сущности исламских принципов, она, фактически, пришла в противоречие с ортодоксальными течениями ислама, поскольку они шли вразрез с целями, которые ставила алжирская революция. Не случайно, алжирское руководство с недоверием относилось к движению сторонников ортодоксального ислама, которые выступали за неукоснительное соблюдение религиозных догм. Позже их организации были запрещены постановлением правительства.

В этом плане интересно общественное мнение в среде интеллигенции. Еще в 1968 г. выборочный опрос студентов в Алжирском университете показал, что 58% опрошенных выразили приверженность к арабо-исламской цивилизации и высказались за повышение ее роли в общественной жизни страны, 41—за соблюдение религиозной обрядности, 17%—за создание государства, управляемого в соответствии с положениями ислама. Зато 81% студентов одобрили персонализацию алжирской национальной принадлежности, 68—выступили за полную ликвидацию старых отживших структур, 28—за восстановление арабских культурных и исламских ценностей и только 9%—за соблюдение чистоты ислама в его первоначальном виде⁵.

³ „Le Peuple“, 22 avril. 1964.

⁴ Цит. по: „Maghreb“, 1971, № 47, p. 36.

⁵ Jean Leca, Jean-Claude Vatin, L'Algérie. Politique institution et regime, Paris, 1975, p. 307.

Эти данные опроса показательны в том отношении, что ортодоксальный ислам не имеет сколько-нибудь серьезных позиций в стране. Большинство студентов высказалось за модернизацию ислама, за использование его принципов в соответствии с нуждами общественного развития. Относительно высокий процент сторонников соблюдения религиозной обрядности объясняется их стремлением сохранить национальные традиции, верность арабо-исламской цивилизации. Проведенный опрос студентов показал также, что большинство опрошенных воспринимают те аспекты арабо-исламских моральных и культурных ценностей, которые соответствуют проводимому в стране политическому курсу и имеют для нее практическое значение.

Проводимые в Алжире в послевоенный период прогрессивные социально-экономические мероприятия практически не вызвали оппозиции со стороны большинства служителей религиозного культа. В известной мере это можно объяснить тем, что алжирское руководство при каждом удобном случае делало акцент на том, что проводимый в стране курс в экономической и социальной области не противоречит принципам ислама, а такие акции правительства, как аграрная реформа и мероприятия по борьбе с коррупцией и незаконным обогащением, осуществляются в соответствии с положениями корана и отвечают чаяниям трудящихся масс.

Важно отметить, что алжирское руководство не ограничивается использованием в политических целях только содержания исламского учения. Оно стремится придать политической власти символический оттенок исполнителя священной воли, которая оказывает определенное воздействие на сознание значительной части населения, ассоциируя в ее представлении предписания властей с каноническими установлениями, подлежащими строгому соблюдению. Синтезируя божественное начало с мирскими проблемами, такая власть в представлении этой части населения превращалась в силу, дающую работу безработным, землю безземельным, возможность получить образование и повысить жизненный уровень, а следовательно, алжирский социализм, построения которого она добивается, имеет благородные цели.

Таким образом, алжирское руководство пытается совместить ислам с социалистическими идеями в его трактовке и, опираясь на некоторые положения мусульманской религии, создать соответствующие общественные структуры, которые становятся базой новых норм и категорий в социально-политической жизни страны.

Что касается алжирских коммунистов, то они тоже не могли игнорировать роль ислама при оценке социально-политической обстановки в стране и должны были учитывать складывающиеся обстоятельства в своей практической деятельности. Не случайно

бывший Генеральный секретарь Коммунистической партии Алжира Башир Хадж Али высказал такую мысль: «Можно идти к социализму с «Капиталом» в одной руке и с Кораном в другой». Разумеется, что речь могла идти лишь о тактике момента, а не о принципиальной позиции коммунистов в отношении религии.

Профсоюзы, в которых до 1970 г. марксисты имели довольно сильные позиции, придерживались в этом вопросе аналогичных взглядов. В передовице газеты «Революсьон э травай»—центрального органа алжирских профсоюзов, говорилось: «Мы неустанно пишем о нашей приверженности исламу, исламу, который отменил рабство, отменил эксплуатацию человека человеком. Ислам не реакционен, он не «опиум для народа». Следовательно, ислам может только содействовать социализму».

Разумеется, алжирские революционеры лучше, чем кто-либо другой знают традиции, обычаи и духовный склад своего народа. Они отдают себе отчет в том, что мобилизовать трудящихся на построение нового общества и игнорировать при этом укоренившуюся в их сознании религиозность, а тем более отвергать ее, значит не видеть существующей реальности. На определенном этапе развития апелляция к тем нравственным принципам ислама, которые в известной степени можно трактовать как общедемократические, в такой стране, как Алжир, видимо становится неизбежной, а в политическом отношении—даже целесообразно, в частности, в борьбе с использованием религии феодально-буржуазной реакцией. Однако между мелкобуржуазным и марксистским отношением к религии существует принципиальное различие. Революционные демократы, в том числе алжирские, нередко воспринимают ее как составную часть теории и практики переустройства общества на новых началах. Марксисты же глубоко убеждены, что подлинно социалистическое общество можно построить только на основе теории диалектического и исторического материализма. Отделяя религию от государства, социалистическое государство, при этом, предоставляет верующим гражданам свободу совести и направления религиозного культа.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ИРАКСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

В настоящее время туркмены составляют значительную этническую группу населения Иракской республики. Но, к сожалению, сведения об истории и культуре этого самобытного народа еще очень скудны.

В советской исторической литературе не имеется специальных исследований, посвященных истории туркмен Ирака. Встречаются лишь отрывочные сведения в работах по истории Армении, Азербайджана, Турции и Ирана.

На территории Иракской республики туркмены расселены, главным образом, в северо-восточных и, частично, в центральных ее провинциях. Их поселения встречаются в ливах Киркук, Мосул, Сулеймания, Эрбил, Дияла, Хилла и Багдад. Они проживают по своего рода длинному коридору, который на севере начинается с деревень Шыбык и Рашидия и проходит через города Тель-Афар, Эрбил, Киркук, поселки Алтун-копру, Тазе Хурмату, Дакук, Туз Хурмату, частично охватывая Баят, Кифри, Кара Тепе, Кызыл Рабат, Ханекин, Шахрибан, ал-Мансурня, Дели Аббас, Казанья и кончается в кази Мендели.

Примечательно, что данная линия одновременно служит этнической границей между арабским и курдским районами Ирака.

О численности туркменского населения Ирака до сих пор не имеется достоверных официальных данных. Называются разные цифры, причем часто противоречивые, весьма далекие друг от друга.

Например, согласно справочнику «Современный Ирак»¹ и книге О. А. Дементьева, их численность составляет 140 тыс.², в справочнике «Население мира» — 90 тыс.³, а в монографии С. Г. Го-

¹ «Современный Ирак», М., 1966, стр. 13.

² О. А. Дементьев. Иракская республика, М., 1961, стр. 19.

³ «Население мира», М., 1965, стр. 266.

реликова «Ирак»—лишь 15 тыс. человек⁴. Турецкий автор Осман Туран приближает численность туркмен Ирака к миллиону человек⁵, что на наш взгляд является слишком преувеличенным и не соответствующим действительности. По данным переписи населения 1957 г., в Ираке насчитывалось около 250 тыс. человек туркменского населения⁶. Между тем иракский автор Абдал Латыф Бендер Оглу считает эту цифру заниженной и, с учетом естественного роста туркменского населения за прошедший со времени переписи период, предполагает его численность в настоящее время около полумиллиона человек (450—500 тысяч)⁷. Довольно поверхностны также наши знания об этнической истории туркмен Ирака. Судя по историческим источникам, можно полагать, что первый массовый приток огузо-туркменских кочевых племен в Ирак связан с сельджукидскими завоеваниями стран Западной Азии, хотя хорошо известно, что иммиграция отдельных тюркских группировок в Ирак имела место при Халифате и даже раньше. Однако в дальнейшем, в силу сложного исторического процесса и географических факторов, основная масса туркменских кочевников сменялась с другими народами и участвовала в формировании новых этнических компонентов.

Следует отметить, что ушедшие далеко на Запад туркменские группы со временем оказались совершенно изолированными и оторванными от своих среднеазиатских сородичей в этническом, экономическом, культурном и даже языковом отношении. В результате на сегодняшний день мы имеем дело с двумя давно сегментировавшимися и поэтому совершенно разными народами под одним и тем же этническим названием.

По образу жизни туркмены Ирака оседлые, и их подавляющая часть занята в сфере сельского хозяйства возделыванием различных культур и разведением отгонно-пастбищного скотоводства. Проведение железной дороги Багдад-Мосул и ввод в действие крупных нефтепромыслов в районе Киркука способствовали формированию первых рабочих кадров туркмен Ирака. Среди них также достаточно развиты традиционные ремесла.

Туркменский народ Ирака бок о бок с другими народами этой страны прошел длинный путь борьбы против иноземных поработителей и местной реакции за свободу и независимость страны. Это нашло свое яркое отражение в художественной литературе и произведениях народного творчества.

⁴ С. Г. Гореликов. Ирак, М., 1963, стр. 49.

⁵ Osman Turan. Sencuklar ve islamiyet, Istanbul, 1971, стр. 200.

⁶ Абдал Латыф Бендер Оглу. Ат-туркоман филь Ирак ас-саура, Багдад, 1973, стр. 19.

⁷ Там же.

Становление и развитие туркменской культуры в Ираке протекало при непосредственном взаимовлиянии с культурами соседних народов—прежде всего арабского и курдского. Будучи составной частью общенракской, культура туркмен Ирака в то же время имела свои особенности и традиции. Базируясь на фундаменте бессмертных произведений устного народного творчества, она прошла длинный и трудный путь, преодолевала чуждые ей по духу реакционные догмы, развивалась в борьбе с реакционными и прогрессивными направлениями.

Еще в XIX в. под влиянием революционных событий в Европе в Ирак стали проникать идеи свободы и реформизма. Это с особой остротой отразилось в настроении передовой части интеллигенции, которая решительно выступала за переустройство общественной и культурной жизни.

Реформаторы поняли необходимость преодоления традиционной ограниченности и оторванности художественной литературы и искусства от реальной жизни народа, стремились связать их с насущными задачами, стоящими перед страной.

В 1872 г. в Ираке начал издаваться журнал «Ан-Наджима» («Звезда») на туркменском языке. Журнал выпускался в Киркуке. Главное место на своих страницах он отводил материалам, рассказывающим о жизни и чаяниях туркмен Ирака, публиковал стихотворения туркменских поэтов. Журнал широко освещал тяжелое, бесправное положение трудовых слоев, критиковал произвол и насилие властей.

Известный поэт и просветитель Ирака Абдуллах Сафи (1828—1898) составил первый словарь туркменского языка. По его замыслу словарь должен был служить переходу к единому литературному языку⁸. К актуальным вопросам своего времени обратились в своем творчестве также поэты Шейх Риза Табибоглу, Абдурахман Халис, Фанз, Мухаммад Михри, Мухнаддин Кабил и др.

Многовековое господство чужеземцев и произвол феодально-монархической клики безусловно отбросили развитие культуры народов Ирака на многие годы назад. Однако, несмотря на жестокий террор и преследования, общественная мысль продолжала развиваться. Развивалось, в первую очередь, народное творчество, отражавшее интересы широких слоев эксплуатируемых масс.

В 1930 г. в Киркуке начался выпуск газеты «Киркук газетасы». К тому же времени относится начало издания журналов «ал-Афак» («Горизонт»), «ал-Башир» («Вестник радости»), «ал-Аха» («Братство»), «Магарыф» («Просвещение»). Несмотря на то, что эти из-

---

⁸ Ibrahim Dakuki. Irak türkmenleri, Ankara, 1970. s. 40

дания выпускались с перерывами, они вели активную пропаганду за просвещение широких народных масс, за социальный прогресс и независимость, призывали народ к единству в борьбе против правящих реакционных кругов, державших народ в темноте, невежестве и нищете.

Значительные сдвиги в деле изучения истории и культуры туркмен Ирака произошли после победы июльской революции 1958 г. Широкие массы туркменского населения проявили верность идеалам революции и выступали за утверждение принципов равенства, единства, сплоченности рядов революционных сил и братства.

С этого времени в культурной жизни туркмен Ирака на первый план выступают прогрессивные течения, основными носителями которых являются представители молодежи, ставившие перед собой задачу возрождения истинно народных и революционных традиций в литературе и искусстве.

В этой связи уместно отметить значение постановления Верховного революционного командования Иракской республики от 24 января 1970 г. о предоставлении туркменам Ирака некоторых национальных прав в области культуры⁹.

В частности, этим постановлением предусматривалось введение преподавания туркменского языка в начальных школах и обеспечение школ, изучающих туркменский язык, учебно-методическими пособиями (в районах с туркменским населением). Для реализации этих мероприятий при министерствах воспитания и просвещения учреждался туркменский департамент. Далее этим постановлением туркменским литераторам, поэтам и писателям разрешалось создавать свое правление писателей и подписывалось помочь им издавать свои произведения и объединить их в Союз писателей Ирака.

Под руководством министерств культуры и общественных дел был создан специальный комитет по культуре туркмен.

Постановлением предусматривалось также издание еженедельной газеты и ежемесячного журнала на туркменском языке, расширение туркменской программы киркукского телевидения.

Печатные издания иракских туркмен — газета «Юрд» и журнал «Бирлик сеси» («Голос единства») в течение ряда лет поступают в библиотеки СССР. Следует подчеркнуть, что эти издания по главным вопросам придерживаются антиимпериалистических, демократических концепций. В частности, на их страницах публикуются материалы, рассказывающие об участии туркмен Ирака в освободительной борьбе иракского народа, они также информируют своих читателей об экономической и культурной жизни нашей страны.

---

⁹ «Саут аль-иттихад», Багдад, 1970, № 1.

Таким образом, период после свержения монархии в Ираке можно назвать периодом возрождения самобытной культуры туркмен Ирака.

За эти годы вышли в свет ряд сборников по туркменской литературе, а также работы Абдал Латыфа Бендер Оглу, Шакир Сабира, Ибрахима Дакуки, Ата Тарзыбаш и др. по истории, литературе, языку, искусству и народному творчеству туркмен Ирака.

В нынешних условиях возросшие духовные запросы общест-венности выдвинули перед творческой интеллигенцией Ирака задачу создания высококачественных и жизненных произведений. Творчество передовых поэтов и писателей туркмен Ирака формируется на основе глубокого изучения общественной жизни своего народа, на основе понимания тех процессов, которые происходят в конкретной действительности.

Туркмены Ирака создали замечательные произведения устного народного творчества, в которых нашли отражение многовековые мечты народа о свободе, счастье, вере в светлое будущее, борьба против чужеземных угнетателей и многие другие вопросы жизни.

Туркменское народное творчество богато своими жанрами— это героические, лирические, исторические поэмы, народные песни, сказки, пословицы и поговорки, различные обрядовые притчи, анекдоты, шутки, загадки и т. д.

В числе бессмертных произведений народного творчества широкой популярностью пользуется эпос «Короглы», «Арзы-Ганбар», «Аслы-Керем», «Лейли и Меджнун» и многие другие.

Народное творчество туркмен Ирака многообразно по своим формам и идейному содержанию.

Одним из наиболее распространенных видов поэтического устного народного творчества иракских туркмен являются «Хуриняты».

В хуринятах народные массы выразили свои сокровенные мечты, желания о светлом будущем. В них заложены чувства патриотизма, преданности родине, каноны по воспитанию молодого поколения и другие вопросы социальной и общественной жизни. Хуриняты и по сей день являются наиболее распространенным видом народного творчества, которые можно слышать на различных праздниках, семейных торжествах и театрализованных представлениях.

Празднично-театрализованные представления у туркмен Ирака носят характер выступления отдельных групп певцов, чтецов на традиционных праздниках и семейных торжествах.

Просветители туркмен Ирака с большим уважением относи-

лись к народному творчеству и стремились сохранить и довести до широкого читателя духовные ценности своего народа.

В этом отношении многое было сделано туркменским поэтом Сейидом Арфа, который еще в 1851 г. опубликовал большую часть туркменских хуриятов. Более фундаментальная публикация была выполнена Мухаммадом Хабибом в 1950 г. под названием «Киркукские народные песни и хурияты».

Заслуживает уважения публикация туркменского писателя Мулла Сабира «Отрывки из Киркукских хуриятов» в трех томах, а также большой сборник киркукских хуриятов и песен под редакцией Ата Тарзибаша.

Следует отметить, что главными собирателями и распространителями туркменского устного народного творчества были поэты-ашуги.

Одним из крупных деятелей туркменской литературы конца XIX—первой половины XX вв. является Хиджри Дэде (1877—1957). В его творчестве прослеживается большое влияние устного народного творчества, делающее его произведения наиболее доступными и близкими народу. Х. Дэде прекрасно использовал красочные возможности языка туркмен Ирака для создания выразительных образов. Прекрасное знание арабского, персидского и курдского языков сделало его популярным на всем Среднем Востоке.

Х. Дэде был не только поэтом, но большим знатоком и распространителем произведений литературы, истории и языкознания. Его воспоминания «Ядыгэр Хиджри» взяты непосредственно из жизни народов Ирака. Его перу принадлежат «Рубаи», «Живые слова», «История Киркука» и многие другие произведения.

Другой видный общественный деятель туркмен Ирака Саид Мухаммад Джавад (1892-1960) был лидером прогрессивной туркменской интеллигенции и являлся крупным поэтом и просветителем. В годы правления клики Фейсаля—Нури Саида он выпускал журнал «Просвещение», который несмотря на преследования и террор вел большую работу за просвещение широких народных масс, за независимость и социальный прогресс страны.

После установления в Ираке республиканского строя, в результате проведения значительных социально-политических мероприятий, перед туркменами этой страны открылись определенные возможности для более всестороннего квалифицированного изучения своих культурных памятников.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАКА ПОСЛЕ 1968 г.

После прихода Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) к власти в Ираке в 1968 г. было возобновлено осуществление задач этапа национально-демократической революции, начатое с победы революции 14 июля 1958 г., расширено и углублено ее социально-политическое содержание.

Проводимый иракским правительством антиимпериалистический внешнеполитический курс, развитие всесторонних отношений с СССР, которые вступили в качественно новый этап после заключения Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, поддержка народов Азии, Африки и Латинской Америки, борющихся за свою свободу и независимость, упрочили международный престиж Ирака, что создало, в свою очередь, благоприятные условия для осуществления прогрессивных преобразований внутри страны.

ПАСВ в принципе отвергла капиталистический путь развития. Перед страной открылись широкие возможности социально-политического и экономического развития. По определению бывшего генерального секретаря регионального руководства ПАСВ, президента Иракской республики А. Х. аль-Бакра, страна вступила в этап «дальнейшего осуществления национальных, общеарабских и демократических задач развития по пути социального прогресса... и создания предпосылок для перехода к социализму»¹. Исходя из этих целей была намечена обширная программа прогрессивных социально-экономических преобразований. Осуществление такой программы требовало от правительства принятия мер для нормализации внутривнутриполитической атмосферы в стране, мобилизации широких народных масс в деле реализации намеченных задач. Для этого первостепенное значение приобретало улучшение отно-

¹ Ахмед Хасан аль-Бакр. Революция на пути прогресса, Багдад, 1977, стр. 30. (на араб. яз.).

шений между различными национальными силами, отягощенных «бременем отрицательных факторов и прежних столкновений». «Гнет прошлых столкновений,—как отмечалось в политическом отчете восьмого регионального съезда ПАСВ Ирака,—тяжким грузом давил на политическую жизнь в стране, на партии, на их руководство, рядовых членов и сочувствующих, на народные массы в целом»².

Хартия национальных действий, опубликованная ПАСВ в 1971 г., вызвала положительную реакцию у прогрессивных сил страны. Иракская коммунистическая партия (ИКП), учитывая, что «проект Хартии по своему содержанию и основным направлениям является антиимпериалистическим... намечает программу прогрессивных социально-экономических преобразований и в принципе отвергает капиталистический путь развития»³, сочла Хартию в целом приемлемой для «национального сотрудничества», несмотря на все ее недостатки. После подписания ПАСВ и ИКП Хартии национальных действий и принципов деятельности в рамках единого фронта, в июле 1973 г. был создан Прогрессивный национально-патриотический фронт, который призван был явиться прочной основой для успешного решения задач, стоящих перед страной в деле укрепления своей политической и экономической независимости. «Образование Фронта и претворение в жизнь его революционно-демократической программы — Хартии национальных действий,—говорится в программе ИКП,—создают объективные условия для мобилизации патриотических сил и широких масс нашего народа... в реализации революционных задач»⁴.

Предпринятые правительством конструктивные шаги на пути мирного и демократического решения курдского вопроса на основе предоставления курдскому народу автономии в рамках Иракской республики сыграли положительную роль в нормализации внутриполитического положения в стране. Мартовское соглашение 1970 г. создало благоприятную возможность для осуществления прогрессивных социально-экономических преобразований в курдских районах страны, а закон об осуществлении автономии курдского народа, принятый правительством 11 марта 1974 г., юридически зафиксировал право курдского народа на автономию и заложил основу для претворения в жизнь заветной мечты курдского народа — национальной автономии.

Национализация нефтяной промышленности в результате ре-

---

² «Политический отчет VIII регионального съезда ПАСВ Ирака», Хельсинки, 1975, стр. 68.

³ «Ас-Сакафа аль-джадида», ноябрь—декабрь, 1971, Багдад (на араб. яз.).

⁴ «Программа и устав ИКП», Багдад, 1976, стр. 24 (на араб. яз.).

шительных мер иракского правительства в 1972—1975 гг., при полной и активной поддержке всех прогрессивных сил и широких народных масс страны, а также помощи СССР и других социалистических стран, имела огромное значение не только для экономической, но и политической и социальной жизни Ирака. Страна вырвала свое основное национальное богатство — нефть из рук иностранных нефтяных монополий, которые не только грабили нефтяные богатства Ирака, но и вынашивали и осуществляли заговоры против национальной независимости страны, искусственно создавали препятствия на пути ее прогрессивного развития, потому что «интересы нефтяных монополий, — как это отмечалось на восьмом съезде ПАСВ, — тесно переплетаются со стратегическими интересами империализма, с его международными позициями, с его политикой»⁵.

Одной из основных целей национализации нефтяной промышленности было создание и развитие национальной нефтяной промышленности, способной сыграть эффективную роль в деле укрепления экономической независимости Ирака, всестороннего развития национальной экономики. До национализации решения в области нефтяной политики принимались, в целом, руководством иностранных нефтяных компаний в соответствии с их интересами. Таким образом, развитие этой важнейшей экономической отрасли шло изолированно от развития других отраслей национальной экономики страны. Национализация нефтяной промышленности позволила включить эту отрасль в сферу развития национальной экономики, подчинить ее интересам социально-экономического развития страны, что сыграло важную роль в осуществлении намеченной правительством программы социально-экономических преобразований. Учитывая, что производство и экспорт только сырой нефти дает 35—40% всех поступлений в государственный бюджет, 85—90% всех доходов экономического плана, около 90% всей стоимости иракского экспорта, 70—75% всех поступлений иностранной валюты страны⁶, можно определить то большое место, которое занимает нефть и поступления от ее реализации в экономике страны. В результате национализации нефтяной промышленности и роста цен на нефть на мировом рынке резко возросли поступления от ее продажи. Национальный доход уже в 1975 г. составил около 3751 млн. динаров, что более чем в 5,5 раза превышает уровень 1965 г., а в 1976 г. — уже 4479 млн. динаров⁷.

⁵ «Политический отчет VIII регионального съезда ПАСВ Ирака», стр. 57.

⁶ Аль-Нассери Акил М. Дж., Социально-экономические проблемы регулирования зарплат рабочих промышленности развивающихся стран на примере Ирака (автореф.), М., 1978, стр. 4.

⁷ «Ас-сакафа аль-джадид», апрель, 1978, стр. 125.

Рост национального дохода позволил выделить соответствующие средства для изменения уродливо однобокой специализации экономики, которую стремились навязать Ираку иностранные монополии, пытаясь отвести ей лишь роль сырьевого придатка. Наряду с развитием нефтедобывающей промышленности, началось строительство нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов, предприятий газовой промышленности, нефтепроводов, причалов, создание национального танкерного флота и т. д. Быстрыми темпами осуществлялось строительство промышленных, энергетических и сельскохозяйственных объектов. Большую помощь в осуществлении строительства этих объектов в Ираке оказывает Советский Союз, а также другие социалистические страны.

Государственный сектор, который уже с 1964 г. был преобладающим сектором в промышленности, стал после национализации нефтяной промышленности ведущим сектором национальной экономики и играет решающую роль в социально-экономическом развитии Ирака. Добыча нефти и других полезных ископаемых, банки, страховые операции, железнодорожный и воздушный транспорт, порты, нефтеочистительные предприятия, связь, радио и телевидение, пригационные объекты и др. полностью находятся под контролем государства. Доля государственного сектора во внешней торговле составляет 94% по сравнению с 43% до 1968 г. Из 4583 млн. динаров стоимости валового национального производства в 1976 г. 3392 млн. динаров, т. е. 74%, относились к производству государственного сектора⁸.

Меры правительства, направленные на развитие государственного сектора и укрепление его ведущей роли в экономике страны, создание относительно крупных промышленных, энергетических и сельскохозяйственных объектов, осуществление прогрессивных аграрных преобразований, принятие ряда законов социального характера в пользу рабочих и других трудящихся слоев населения, создали ряд необходимых предпосылок для развития Ирака по пути социалистической ориентации, внесли значительные изменения в социальную структуру иракского общества.

Рабочий класс Ирака заинтересован больше, чем какая-нибудь другая социальная сила иракского общества, в осуществлении прогрессивных социально-экономических преобразований в стране, в углублении социального содержания национально-демократической революции. Растет роль и место рабочего класса в выполнении этих задач. Повышение уровня промышленного развития Ирака способствовало росту численности и классового сознания рабочих. В 1974 г. число рабочих, зарегистрированных в Генеральной федерации профсоюзов Ирака составляло более 600 тыс.

⁸ Там же, стр. 128.

человек, из которых около 48% работали на предприятиях государственного сектора⁹. Несмотря на это, рабочий класс Ирака продолжает оставаться немногочисленным и его удельный вес в общей численности населения страны составляет около 5%. Наблюдается тенденция к концентрации рабочего класса. Наряду с нефтедобывающей промышленностью появление и развитие более или менее крупных предприятий в области нефтехимической промышленности, нефтепереработки, машиностроения и др. играет немаловажную роль в сплочении рядов рабочего класса, его организации и мобилизации в качестве активной политической силы. Однако даже в таких предприятиях с относительно современным оборудованием преобладают неквалифицированные рабочие, удельный вес которых составляет более 50%, что отражает слабое развитие профессиональной структуры рабочего класса. Наряду с подготовкой квалифицированных рабочих и технических кадров среднего звена в специальных учебных центрах и курсах все большее внимание привлекает использование для этой цели объектов, строящихся на основе экономического и технического сотрудничества Ирака с СССР и другими социалистическими странами. В отличие от объектов, выполняемых на условиях «под ключ», строительство объектов сотрудничества, наряду с такими преимуществами как уменьшение затрат на строительство, особенно их валютной части, лучшая увязка выполнения и финансирования данного объекта с отдельными нуждами национальной экономики позволяет наилучшим образом осуществить задачу подготовки национальных кадров для производства, а также для административно-управленческого аппарата. Наглядным примером этого является строительство объектов советско-иракского сотрудничества в области нефти и ирригации.

В результате резкой активизации экономической жизни страны, а также интенсивной урбанизации произошли значительные социальные сдвиги среди городских слоев Ирака. Возрастание роли государства в управлении экономикой резко увеличило численность чиновников государственного аппарата, которая уже в 1976 г. достигла 400 тыс. человек. Перед ними открылись широкие возможности обогащения, превращения в бюрократическую буржуазию. Обуржуазивание части этой прослойки происходило в основном путем злоупотребления служебным положением. Еще на восьмом съезде регионального руководства ПАСВ отмечалось, что «процент правых бюрократических кругов в различных государственных учреждениях, и в частности в учреждениях, связанных с экономикой, высок» и что «эта опасность увеличивается вследствие условий текущего периода и малочисленности революционных кад-

---

⁹ «Программа и устав ИКП», стр. 28.

ров»¹⁰. В целом, признавая факт отсутствия необходимого числа квалифицированных кадров для государственного аппарата в Ираке, нельзя полностью согласиться с этим последним аргументом баасистского руководства. Преимущество, придаваемое правительством членам ПАСВ при назначении их на работу в государственном аппарате, отстраняло от дела многих квалифицированных специалистов из числа членов ИКП и других демократических сил страны, неоднократно доказывавших свою преданность делу революции и народа. А это обстоятельство, в свою очередь, мешало демократическим силам активно участвовать в деле чистки государственного аппарата, в борьбе против бюрократической буржуазии и открывало перед этой прослойкой соответствующие возможности для расцвета и активизации.

Наблюдается определенная активизация частного капитала в некоторых отраслях экономики страны в результате поощрения государством участия частного сектора в развитии национальной экономики, а также вследствие заметного оживления экономической жизни. Следует отметить в этой связи развитие капиталистического предпринимательства в подрядном строительстве. Резкое увеличение объема строительства по всей стране, особенно после национализации нефтяной промышленности, в условиях отсутствия государственных специализированных строительных организаций, способных выполнить этот большой комплекс строительных работ, открыло перед предпринимателями частного сектора благоприятные возможности для создания и расширения своих строительных компаний. Выступая в основном в качестве субподрядчиков иностранных компаний, выполняющих строительство различных объектов в Ираке, местные предприниматели за сравнительно короткое время заметно увеличили свои капиталы. К середине 70-х гг. резко повысились темпы строительства жилищных зданий, гостиниц и ресторанов, которые приносили своим хозяевам огромные барыши. Активизировалась деятельность различных маклеров. Используя свои связи с определенной категорией чиновничества государственного аппарата, эти прослойки национальной буржуазии стали играть возрастающую роль в экономической, а иногда и в политической жизни страны.

Закон № 117 об аграрной реформе 1970 г., а также другие меры правительства в области аграрной политики внесли значительные изменения в социально-экономический облик иракской деревни. Был нанесен сильный удар по позициям феодалов, многие крестьяне получили земли, были созданы и получили дальнейшее развитие государственные, кооперативные и коллективные хозяйства. Государство получило важные рычаги воздействия на соци-

¹⁰ «Политический отчет 8-го регионального съезда ПАСВ», стр. 95.

ально-экономические отношения в деревне. Если в 1968 г. в государственном секторе находилось всего 6,8% тракторов и 21,7% комбайнов, то в начале 1977 г. эти цифры достигли соответственно 22 и 59%¹¹. В 1977 г. был издан закон № 43, в соответствии с которым начались работы по укрупнению хозяйств путем слияния коллективных хозяйств и кооперативов.

Однако, несмотря на определенные успехи в области сельского хозяйства, имеется ряд недостатков, мешающих успешному осуществлению социально-экономического прогресса в деревне. Преимущественно мелкотоварное сельское хозяйство отличается низкой культурой земледелия, низкой продуктивностью. Наличие в руководстве коллективных и государственных хозяйств неопытных, а порою даже реакционно настроенных элементов, недостаточное привлечение крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих в управление этими хозяйствами препятствуют реализации целей, поставленных перед ними и мобилизации широких крестьянских масс для осуществления задач национально-демократической революции. Распространение мелко-крестьянских хозяйств, слабость кооперативов сельскохозяйственного производства, государственных и коллективных хозяйств в условиях ослабления позиций феодализма и ликвидации полуфеодалных отношений «создали и создают плодородную почву для развития капиталистических отношений в деревне»¹².

Осуществление задач национально-демократической революции, развитие и углубление их социально-политического содержания требуют наличия политической демократии, которая «помогает партиям и авангарду,—как отмечает первый секретарь ЦК ИКП А. Мухаммед,—мобилизовать широкие массы, направить их по прогрессивному пути к углублению демократических социальных преобразований, чтобы преградить путь реакционным и правым силам, которые постоянно стремятся остановить развитие революции и приспособить проводимые преобразования к собственным интересам и представлениям...»¹³.

Благодаря активности прогрессивных национальных сил и партий Ирака, особенно в первой половине 70-х г., их тесному сотрудничеству на общенациональной основе, стало возможным успешное осуществление ряда социально-экономических преобразований прогрессивного характера. Однако начиная со второй половины 70-х гг. и особенно в последнее время, наблюдается постепенный отход баасистского руководства от ранее взятых на себя

¹¹ См. «Ас-Сакафа аль-джадида», сентябрь, 1977, стр. 8.

¹² «Программа и устав ИКП», стр. 39.

¹³ «Проблемы мира и социализма», 1979, № 3, стр. 9.

обязательств в деле демократизации политической жизни в стране, сотрудничества с другими демократическими национальными силами. Под различными предлогами оттягивается решение таких вопросов, как окончание переходного периода, составление и принятие постоянной конституции, создание конституционных институтов и т. д. Была предпринята кампания нападок и необоснованных обвинений против пракских коммунистов. Об этом шла речь на мартовском пленуме ЦК ИКП в 1978 г., проходившем под лозунгом: «Сохранение национального сотрудничества и углубление революционного развития—задача всех прогрессивных сил нашего народа».

Действия баасистского руководства нанесли серьезный урон делу сотрудничества национальных сил страны и приняли, по мнению газеты «Тарнк аш-Шааб», такой характер, «что может быть нанесен большой вред завоеваниям революционного движения в Ираке и создана благоприятная обстановка для активизации деятельности реакционных сил»¹⁴.

Осуществление широкой программы политических и социально-экономических преобразований в Ираке не под силу одной политической организации. Укрепление союза всех национальных сил, заинтересованных в выполнении задач развития и перерастания национально-демократической революции в социалистическую, является залогом успеха этого процесса. Без этого не только невозможно дальнейшее развитие революции, но и ставятся под угрозу достигнутые завоевания. Поэтому характер дальнейшего политического и социально-экономического развития Ирака во многом будет определяться решением вопроса о создании демократической атмосферы—задачи сплочения прогрессивных национальных сил страны.

---

¹⁴ Цит. по: «Правда», 11. I. 1979.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НИЗШИХ СЛОЕВ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НДРЙ И ЙАР В 50—70-е гг.

Вопрос изучения социальных сдвигов в структуре низших слоев городского и сельского населения арабских стран, особенно стран социалистической ориентации, где происходит коренное переустройство общества, имеет немаловажное научное и политическое значение. В данной статье основное внимание сосредоточено на вопросах изменения социально-политического положения низших слоев городского и сельского населения НДРЙ и ЙАР в 50—70-е гг., представляющих довольно значительную группу в социальной структуре йеменского общества. При этом будут рассматриваться самые низшие слои — категория аль-ахдам (слуг), а также те слои, которые, хотя и занимали более высокое положение нежели аль-ахдам и рабы в социально-сословной иерархии общества, однако в социально-экономическом аспекте, будучи причислены по роду занятий к носителям презренных профессий, в подавляющем большинстве принадлежали к сельской и городской бедноте.

Социально-классовая структура йеменского общества в Северном Йемене до 1962 г. и в Южном Йемене до 1967 г. имела определенную специфику. Она была связана с начальным этапом формирования современных классов, слоев и групп и наличием сложного переплетения различных норм общественных отношений. Для йеменского общества было характерно огромное количество племен, сохранение элементов кастового, религиозного и расового деления, необыкновенная живучесть обычаев и традиций, восходящих к глубокой древности и более поздним эпохам.

Феодалные отношения, господствовавшие в этих двух частях Йемена, определили деление йеменского общества на несколько социально-сословных групп, каждая из которых занимала и свое определенное место в общественной структуре. Ее права и обязанности были строго регламентированы.

Самый низший слой в социальной «пирамиде» йеменского общества составляли аль-ахдам (слуги). Рангом выше их находились рабы. Затем следовали крестьяне-райя, выше их стояли горожане, представлявшие различные социальные категории, еще выше находились племена и на вершине «пирамиды» стояли сейиды, шейхи, эмиры, султаны.

Аль-ахдам представляли не только сословную, но и замкнутую группу со строго определенными социальными границами. Это была и эндогамная группа. Брачные связи осуществлялись преимущественно внутри этого замкнутого коллектива. Однако не было закона, запрещавшего брачные связи аль-ахдам с представителями другого сословия. Аль-ахдам находились в изоляции по отношению ко всему йеменскому обществу. Только аль-ахдам среди представителей низших слоев, выполнявших презренные профессии, имели определенную территорию своего расселения. В зависимости от места проживания и рода занятий они имели свои местные названия. В городах и сельской местности аль-ахдам могли проживать только на окраине города или деревни или в особых кварталах. В сельской местности они являлись пришлыми в племя людьми, не имеющими с ними общей родословной, они проживали только на их территории и находились под защитой данного племени или семьи. Поэтому их общение с представителями других социальных слоев было весьма ограничено.

Аль-ахдам жили большими патриархальными семьями во главе со старейшим членом семьи. Будучи свободными людьми, они могли быть собственниками небольших участков земли или ее арендаторами, а также владельцами скота. Такие аль-ахдам в деревнях могли быть причислены по своему экономическому положению к категории даже зажиточных крестьян. Однако подобные примеры были весьма редки, а подавляющая часть аль-ахдам составляла категорию бедного и беднейшего сельского населения. И хотя формально они считались свободными людьми, их социальное и экономическое положение было не лучше, а в ряде случаев хуже положения рабов.

Аль-ахдам, как и все окружающее их йеменское население, говорили на арабском языке или на диалекте своей местности. Некоторые исследователи считают, что в их лексике бытуют слова, представляющие остатки более древнего языка, чем арабский, который к настоящему времени потерял. По вероисповеданию аль-ахдам мусульмане, шафнитского толка. Среди них широкое распространение имели обычаи, проникшие из эфиопского общества и восходящие к древним народным верованиям амхаров. Этнически аль-ахдам отличались от других слоев йеменцев, относящихся к йеменским арабам, своими ярко выраженными негроидными

чертами. Подавляющее большинство исследователей Йемена считают их потомками африканцев и прежде всего эфиопов.

По своей профессиональной принадлежности аль-ахдам выполняли самые грязные, вредные, трудные и в то же время низкооплачиваемые работы в ряду презренных профессий, считавшихся низкими как на Ближнем Востоке, так и в Индии и в Эфиопии.

Презренными профессиями в Йемене наряду с аль-ахдам занимались также представители других социальных слоев, не принадлежавшие к этой категории. Им были отдельные сословные группы горожан, крестьян и даже племен, которые составляли низшие слои и прослойки городских и сельских трудящихся. В социально-сословной структуре они занимали несравненно более высокое социальное положение, чем аль-ахдам, но в экономическом отношении их положение было подчас идентичным. Этнически они принадлежали как правило к арабам-йеменцам и только иногда были смешаны с инонациональным элементом (персами, турками, курдами и т. д.).

Социальный статус презренных профессий они получили еще в древности, а в период раннего средневековья, когда шел процесс становления и развития йеменского феодального общества, эти профессии приняли форму традиционных и стали строго передаваться по наследству. Такое положение сохранялось почти до середины XX в. в Йемене, когда северо- и южнйеменское общество представляли собой типичные феодальные структуры.

Презренные профессии имели свою строгую иерархию. Среди каждой профессии имелась определенная дифференциация труда, а потому занятые им лица подразделялись на группы, объединявшие равных по профессии и по экономическому положению лиц.

Следует предположить, что на протяжении значительного исторического периода развития йеменского общества, среди лиц, занятых презренными профессиями, шел процесс постепенного выделения наиболее презренной и униженной группы. Этот процесс был связан с выделением как наиболее низких профессий в иерархии презренных, так и с выделением эфиопского этноса, как наиболее презираемой части йеменского общества.

За этот период исторического развития некоторые категории презренных профессий прошли сложный путь не только горизонтальной, но и вертикальной стратификации. Лица, принадлежавшие к этим профессиям заняли определенное место в социальной структуре йеменского общества и многие из них стали равноправными его членами. И только аль-ахдам, поскольку они в иерархии презренных профессий занимали самое низкое положение, а

также в силу отношения к ним местного населения как к лицам эфиопского происхождения, к середине XX в. не только продолжали испытывать присущее им в средневековье унижение, но и выделялись в самый низший слой социально-сословной «пирамиды» йеменского общества, в обособленную группу, фактически изолированную от общества.

С середины XX в. под воздействием ширившегося военного и гражданского строительства и промышленного производства на Юге Йемена, а также отхода от политики изоляционизма и расширения экономических связей с иностранными государствами на Севере Йемена, в экономике начали происходить сдвиги, которые в свою очередь способствовали некоторой трансформации общества. Эти факторы привели к ослаблению строго соблюдавшейся в прошлом профессиональной исключительности. Появились сообщения, что лица, выполнявшие презренные профессии, в том числе и аль-ахдам, могли купить или продать выполняемые ими обязанности друг у друга или же у лиц схожей с ними профессии на длительный срок или одновременно, например, на период каких-либо семейных событий. Начался процесс постепенного «размывания» профессиональной однородности, который, в свою очередь, способствовал процессу исчезновения традиционной, строго профессиональной исключительности.

С этого времени начался постепенный отход от привычных обычаев и традиций, свойственных йеменскому феодальному обществу.

Со второй половины 50-х гг., в связи с началом интенсивных строительных работ в Адене, Ходейде и в Танззе, традиционные профессии стали постепенно заменяться новыми, современными специальностями. Так, строители ходейдинского порта получили специальности квалифицированных слесарей, сварщиков, водолазов, электриков и др. В новую трудовую жизнь включились и аль-ахдам, выполнявшие преимущественно работы носильщиков и неквалифицированных рабочих.

Наметившийся со второй половины 50-х гг. отход от привычных, веками сложившихся традиционных общественных связей был ускорен революцией 1962 г. в Северном Йемене и завоеванием независимости в 1967 г. в Южном Йемене. Экономические преобразования, осуществлявшиеся в ЙАР, положили начало процессу ломки старых добуржуазных структур. В целом этот процесс в стране происходит медленно и болезненно.

За годы республики произошла модификация некоторых видов презренных профессий. Так, труд цирюльника становится мало применим в городе и вытесняется в сельские местности, так как в городах появились парикмахерские салоны, владельцы ко-

торых преуспели на заработках в соседних странах. Теряют свою клиентуру и переселяются в сельские местности лица, занимавшиеся ранее врачеванием. Это связано с открытием больниц и стационарных пунктов, где жители получают квалифицированную современную медицинскую помощь.

Однако в трудовую деятельность населения ЙАР почти не были включены представители сословия аль-ахдам. В городах они не были вовлечены в современные развивающиеся отрасли производства, поскольку их неквалифицированный труд мало применим в слабо развивающейся национальной экономике. Они продолжают оставаться самой обездоленной частью йеменского населения. Мало изменилось и их социальное положение. По-прежнему они находятся в изоляции от всего йеменского общества и являются наиболее безграмотной его частью.

Иная картина сложилась за годы независимости в НДРГ. Коренным образом изменился характер общественных отношений в деревне и в городе. Бедные и беднейшие слои сельских жителей и горожан включились в сферу производственной и политической деятельности. Особенно изменилось их положение после 1969 г., с приходом к власти левого крыла революционно-демократических сил. В этой связи показательно изменение социального статуса аль-ахдам. Наряду с представителями других социальных слоев и групп, они трудятся в различных отраслях народного хозяйства. Так, их можно встретить на предприятиях в качестве рабочих, в сфере обслуживания, многие из них стали государственными рабочими муниципалитетов («амиль назафа»). Они нашли работу в государственных учреждениях на должностях мелких клерков, рассыльных, слуг и т. д. Те из них, кто получил образование, работают учителями в начальных классах школ, некоторые являются регулировщиками уличного движения, другие входят в отряды народной милиции. С экономической точки зрения изменились их условия труда: стал нормированным рабочий день и гарантирована оплата труда.

Прогрессивный режим уравнял перед законом всех жителей, независимо от расовой, кастовой и религиозной принадлежности.

В повседневную жизнь НДРГ все чаще и шире входит общение всех слоев йеменского населения с ранее отверженными слоями аль-ахдам. Они все активнее включаются в строительство новой жизни. Изъяты из обращения термины «сейнд» («господин») и «аль-хадим» («слуга») и заменены соответственно «ах» («брат») и «рафик» («товарищ»). Постепенно разрушаются существовавшие веками перегородки между йеменцами и аль-ахдам. Есть сведения о практике даже брачных связей представителей йеменского общества с бывшими аль-ахдам. Их дети наравне с детьми из других социальных слоев посещают школу.

Процессы распада и ломки старых традиционных добуржуазных структур происходят в НДРГ более интенсивно, чем в ЙАР, а болезненность их менее ощутима. Государство, стоящее на позициях социалистической ориентации, активно вмешивается в социальные процессы и направляет их в русло осуществляемой им прогрессивной политики.

Социально-экономические факторы оказывают определенное воздействие на стремление представителей низших слоев йеменского общества изменить свой социальный статус. Одним из условий такого изменения является повышение социального престижа в обществе, что связано прежде всего с отходом от традиционных, присущих данной категории лиц, профессий. И если в ЙАР этот процесс идет замедленно, а представителей слоя аль-ахдам он почти не коснулся, то в НДРГ в этом плане произошли существенные сдвиги. Стремление к изменению социального статуса, повышению своего социального престижа представители низших слоев общества как на Севере, так и на Юге Йемена видят также в отходе от традиционного феодального и в принятии им современного образа жизни.

Дальнейшее улучшение положения рассматриваемых социальных слоев в ЙАР и НДРГ будет зависеть, в первую очередь, от характера и глубины социально-экономических преобразований, проводимых правительствами этих стран.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ СИРИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Аграрные преобразования и их важнейшая составная часть — аграрная реформа — начались в Сирии в эпоху государственного объединения Сирии и Египта (1958—1961) и протекали как мера, организуемая и направляемая сверху, без привлечения масс к участию в процессах отчуждения и распределения земли. Такой ограниченный подход был обусловлен тем, что центральное правительство, стремясь в кратчайшие сроки подтянуть Сирию до уровня более развитого Египта, надеялось добиться цели, опираясь исключительно на административно-технический аппарат. Отсутствие планомерности в решении крестьянского и земельного вопроса и поспешность в проведении преобразовательных шагов, предполагавших совершение скачка в общественном развитии деревни, а затем ее длительное приспособление к изменившимся социально-экономическим условиям, исключали в тот период опору на деревенские низы как важное средство успешной реализации программы перестройки агросферы.

Помимо многих других причин отказ от мобилизации крестьянства как реальной силы, способной обеспечить проведение в жизнь аграрных преобразований, привел к тому, что исполнение аграрных законов тормозилось, а намечавшиеся планы не выполнялись в установленный срок. Объективно перестройка системы землевладения и землепользования велась в интересах крестьян. Но классовая ограниченность правящего режима служила действенной преградой тому, чтобы использовать подъем масс и направить его в русло организованной, а не стихийной борьбы за ликвидацию крупной земельной собственности и против феодальной эксплуатации деревенских труженников.

Существенным препятствием на пути организации крестьянства в поддержку действий правительства было отсутствие у последнего сильного влияния в крестьянской среде. Этот вакуум не мог быть заполнен правящим режимом в короткие историчес-

кие сроки, которые отводились на реформу системы землевладения. Известно, что первоначально предполагалось завершить эту операцию в течение всего лишь пяти лет.

Однако деятельность правительства в первые годы проведения аграрной реформы создала серьезные предпосылки для заметного изменения положения дел в области политической мобилизации. Усиление влияния правительства в деревне в первую очередь связано со становлением кооперативной организации, открывшей широкие возможности для сплочения сторонников аграрной политики государства из числа крестьян.

Переход власти к партии Баас (1963) создал новые условия для организации широких слоев сельских тружеников и ознаменовал важный этап в подчинении крестьянства господствующей политической доктрине, в проникновении и закреплении ее в деревне. Партийное руководство осознавало, что стабилизация власти, упрочение позиций правящего режима и осуществление преобразований в деревне, в соответствии с установками партии, находятся в прямой зависимости от того, насколько глубоко укореняется в сознании масс деревенского населения ее идеологические взгляды, политические концепции и экономическая доктрина. Параллельно с этим в руководстве вызревало убеждение, что добиться быстрых и масштабных, но контролируемых сверху социально-экономических изменений было невозможно, опираясь только на бюрократический аппарат и, тем более, прибегая к помощи почитателей традиционной власти в сельской местности.

В сложившихся обстоятельствах единственной альтернативой было создание массовых крестьянских организаций в деревне, влияние которых распространялось бы на все сельское население, а не на относительно малую часть сельских производителей, как в случае с кооперацией, роль которой в начальной стадии реформы ограничивалась функционально и в политическом отношении была малоэффективной.

Аграрная реформа всколыхнула общественную жизнь в деревне, дала мощный импульс к ее развитию. Управление же новыми процессами, возникшими в недрах деревенского общества, взяла на себя партия Баас, имевшая значительное число сторонников и приверженцев среди сельского населения и в силу этого рассчитывавшая на успех своей организаторской и мобилизационной деятельности.

На первых порах после прихода к власти партия испытывала недостаток в кадрах, ощущала трудности в формировании пропагандистского аппарата, что сковывало ее инициативу в создании органов, непосредственно действующих в сельской местности. Поэтому первоначально наиболее удобным и приемлемым

исходным пунктом для распространения своего влияния баасисты сочли сельскую кооперацию, выступавшую в качестве оформленного социально-экономического учреждения. Ему лишь следовало придать некоторые черты политической организации, и в таком виде оно могло служить средством осуществления политических связей и проводником влияния от баасистских центров в городах к его восприимчивкам в деревне.

Распределяя через кооперативы различные материалы и услуги и предоставляя деревенским обществам некоторые льготы и привилегии, партия добивалась того, чтобы крестьянство признало в ней реальную силу, способную понимать и отстаивать их интересы. В результате кооперация, ставшая новым элементом социально-экономической структуры деревни, со второй половины 60-х гг. постепенно превращалась в важный канал мобилизации крестьянской поддержки правящего режима.

Усиление роли кооперативных институтов в экономической и политической жизни деревни нашло отражение и в их организационном укреплении. Разрозненные деревенские общества были объединены в отраслевые и региональные кооперативные союзы, на базе которых был учрежден Центральный союз сельскохозяйственной кооперации. Придание кооперативной структуре законченного характера одновременно с повышением ее экономического значения способствовало и наращиванию ее политического потенциала. В ее рядах увеличивалась партийная прослойка, благодаря которой партия получала новые рычаги для контроля и управления развитием деревни.

Поддерживая лозунг прогрессивных сил о демократизации аграрной реформы, партийное руководство санкционировало расширение участия крестьян в операциях по отчуждению и распределению земель, что также содействовало повышению авторитета партии в деревне.

Деятельность правящей партии по перестройке агросферы и переориентации сознания крестьянских масс имеет многоплановый характер. Наличие в сирийской деревне социальных групп крестьянства, различающихся не только по своему статусу и экономическому положению, но и своим классовым интересам, создает обстановку скрытого недовольства в крестьянской среде, которое при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый классовый антагонизм. В целях достижения классового мира и предотвращения потенциальной возможности перерастания классовых противоречий в классовую борьбу, правящий режим стремится консолидировать и нивелировать сельское население в рамках массовых общественных организаций, находящихся под его эгидой. Другими словами, цель баасистов состоит не только

в том, чтобы закрепить свое влияние в деревне экономически, но и добиться политических сдвигов в настроенных крестьянства через устройство контролирующих крестьянских лиг, союзов и т. п.

В официальных документах отмечается: «В свете демократизации общественной жизни, в интересах социалистических преобразований и мобилизации народных сил на строительство нового общества, а также учитывая, что сельское хозяйство занимает ведущее место в формировании национального дохода, а крестьяне представляют собою большинство населения, целесообразно создать крестьянскую организацию, которая могла бы стать важным инструментом строительства новой жизни и была бы вооружена социалистическим национальным сознанием»¹. Это положение было реализовано соответствующими законодательными декретами от 1964 и 1969 гг. о создании крестьянской организации по принципу профессиональных союзов рабочих промышленности.

Таким образом, в 60-е гг. сирийская деревня стала полем интенсивной деятельности правящей партии по созданию новой социально-экономической и политической структуры, которая должна была полноценно заменить традиционную дезинтегрированную систему, господствовавшую в деревне на протяжении веков. Создание в деревне организации типа профсоюзной повысило охват сельского населения организованной работой, позволило вовлечь в орбиту партийной деятельности новые контингенты основных производителей, что было особенно важно для районов, где кооперативы отсутствовали.

Однако увеличение институциональных форм, предназначавшихся для крестьянской мобилизации, во многих случаях принесло ограниченный эффект. Опыт показал, что наличие в деревне двух в значительной мере дублирующих друг друга организаций — профсоюзной и кооперативной, чьи цели и задачи в ряде случаев совпадали, неоправданная трата финансовых средств и распыление материальных ресурсов, а также, в известной мере, конкуренция между ними по истечении относительно короткого времени перестали удовлетворять интересам партии. Опора сразу на два института не давала преимуществ концентрированного воздействия на систему связей и отношений в деревне и централизации усилий по расширению роли крестьянства в общественной жизни деревни и страны в целом, по мобилизации рядовых земледельцев на борьбу за рост производства и повышение производительности труда в соответствии с программными установками партии.

К середине 70-х гг. партийное руководство встало перед необходимостью пересмотреть организационные основы работы в

---

¹ «Индаль аль-фаллахин», I.V.1974.

деревне, что было вызвано принятием плана интенсификации земледелия, т. е. перехода на новую стадию в развитии сельского хозяйства. В этих условиях было выдвинуто требование о слиянии указанных учреждений в рамках одного образования, которое могло бы целенаправленно выполнять функции проводника аграрной политики и содействовать ее реализации.

Закон № 21 от 1974 г. о слиянии Всеобщей крестьянской федерации и Сельскохозяйственного кооперативного союза в единую Всеобщую крестьянскую федерацию (ВКФ) закрепил юридически создание института, который возник как кооперативно-профсоюзный симбиоз, но со временем приобрел черты, позволяющие квалифицировать его как учреждение, преимущественно руководствующееся в своей деятельности кооперативными принципами. Усилия этой новой деревенской организации направлялись на то, чтобы «внести достойный вклад в успешное развитие революции в области сельского хозяйства»².

Осуществлению поставленной цели должен содействовать комплекс мероприятий, призванных активизировать общественное производство посредством широкой механизации и химизации земледелия, усвоения новой агротехники и применения достижений научно-технической революции. Немалая роль также отводится стимулированию труда рядовых земледельцев путем предоставления им экономических льгот, улучшения их материального положения, внедрения соревнования и т. п.

В соответствии с предлагаемой официальными сирийскими органами трактовкой закона предусматривается «вырвать крестьян из эпохи индивидуализма, освободить их от отсталых производственных отношений, подчиненности родо-племенным традициям и заменить эти устаревшие институты новыми». Реализация этой установки должна опираться на «обеспечение перехода от мелкой единоличной сельской экономики к кооперативной социалистической, развитие сознательной инициативы крестьян, упрочение социалистической собственности»³.

Одна из важнейших функций федерации проявляется в установлении новой формы политической связи между местными организациями партии Баас и крестьянскими массами, что в совокупности образует в деревне новую систему власти, ранее «безраздельно принадлежавшей традиционной элите в виде племенных шейхов, феодалов и крупных землепользователей»⁴.

Характерным моментом развития деревни за истекшее время

---

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Сурия. Ас-саура фи аммиха аль-аншир», (б. м.), 1972, стр. 335.

стало ослабление здесь позиций традиционных носителей власти, которые выступали в качестве активных критиков и противников правящего режима. Двадцатилетнее существование в деревне организации, в которой роль баасистов постепенно усиливалась от минимальной до преобладающей, создало весьма серьезные предпосылки для нарушения прежней расстановки сил и известной изоляции элементов, потенциально способных объединяться в группы, соперничающие с новым политическим порядком, по воздействию на сельское население.

Однако достижения правящего режима не следует переоценивать. На фоне реальных общественно-политической жизни деревни они остаются еще достаточно скромными. Так, например, в ряды ВКФ вовлечено не более 50% лиц, имеющих право по уставу быть членами этой организации⁵. Иными словами, половина населения деревни не организована режимом в политическом отношении. А это создает питательную среду для сохранения влияния старых политических лидеров, представленных элитой в лице прежних феодальных землевладельцев, сельской буржуазии, владельцев торгово-ростовщического капитала и др. Им удалось удержать достаточное богатство и социальный престиж благодаря тому, что аграрная реформа не ликвидировала окончательно материальную базу их существования, оставив им земли, влияние на местных рынках, в кредитной системе и т. п. Таким образом, эта традиционная элита сохраняет ресурсную базу власти, и массы остаются до некоторой степени зависимыми от них экономически. Представители сельской верхушки широко пользуются своим богатством и для достижения политических результатов. Они препятствуют выполнению новыми органами власти своих обязанностей, не останавливаясь перед подкупом исполнителей или подрывая их авторитет⁶.

Простор для их деятельности обеспечивается подчас не только недостаточной активностью организаций партии в некоторых деревенских районах. Не менее важна и направленность намерений некоторых сил внутри партийных органов, которая угадывается в стремлении удержать ВКФ в рамках вспомогательного организма, не играющего активной самостоятельной роли. Это проявляется в том, что федерации, в ряде случаев, не представляется возможность действовать как полномочному органу, что ослабляет ее значение как представителя крестьянства⁷. Показа-

⁵ „The Middle East Journal“, London, 1976, vol. 30, № 1, p. 6.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ «Индааль аль-фаллахин», 3. III. 1976.

тельно и то, что «федерация в каждом конфликте между землевладельцем и арендатором-крестьянином стремится найти решение, удовлетворяющее обе стороны. Такой реформистский подход свидетельствует о слабости занимаемых федерацией позиций»⁸. Более того, в партии «есть элементы, которые, будучи связаны с феодальными или буржуазными силами... занимают в аграрных конфликтах сторону имущих слоев деревни»⁹. Проникая в ряды ВКФ, они тем самым существенно снижают ее эффективность.

Попытки создать новый центр власти и сплотить вокруг него организованных сельских труженников выступают, в общем, как ряд достаточно последовательных мер. Однако реальное содержание их уже в течение длительного времени не может обеспечивать подавляющий перевес в пользу новых политических сил, которые непрерывно испытывают давление со стороны оппозиционно настроенных элементов и в некоторых случаях не могут им эффективно противостоять. Тем не менее, объективная оценка социально-политических изменений, происшедших в сирийской деревне в послереформенный период, дает основание подчеркнуть, что хотя деятельность в этой области не во всем равнозначна и не может рассматриваться как законченная, она все же позволила добиться важнейшего результата — ликвидации монополии власти феодальной элиты.

Если квалифицировать попытки политической мобилизации крестьянства, демократизации общественной жизни деревни, ограничения власти традиционных лидеров как часть более широких мероприятий, направленных, в конечном итоге, на перестройку экономических, социальных и политических отношений, то в них можно найти отражение тех трудностей, с которыми сталкивается сирийское руководство при осуществлении своей преобразовательной программы и которые определяют особенности и своеобразие положения в деревне.

Очевидно, что в условиях переходного характера социально-экономической структуры и сложных политических и классовых процессов, развертывающихся в сирийской деревне, усугубленных отсутствием четких критериев деятельности по преодолению ее отсталости, сирийское руководство вынуждено действовать эмпирически, избирая пути развития, наиболее соответствующие моменту и, порой, не придерживаясь намечавшихся ранее направлений в перестройке агросферы. В этом находят отражение противоречия антифеодального курса в решении задач экономического и общественного развития деревни.

---

⁸ Там же

⁹ «Проблемы мира и социализма», 1976. № 4, стр. 76.

РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА ИРАКА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ

Для Ирака, как и большинства развивающихся стран, после приобретения политической независимости на передний план выдвигается создание и укрепление социально-экономической базы на новой основе. В этом отношении весьма результативны 60-е и в основном 70-е гг.

В республиканский период новое направление принимает и рабочее движение. Уже с первых дней республиканского строя боевой авангард рабочего класса страны — Иракская коммунистическая партия (ИКП), профсоюзный центр рабочего класса — Всеобщая федерация рабочих профсоюзов Ирака (ВФРПИ) направили свою деятельность на привлечение широких слоев трудящихся в дело укрепления республиканского строя и осуществление социально-экономических преобразований.

Среди многочисленных документов начала республиканского периода привлекает внимание коммюнике Иракской коммунистической партии по случаю первого празднования Международного дня солидарности трудящихся всего мира, где четко подчеркивается, что рабочий класс страны вместе со всеми прогрессивными силами стоит на страже интересов республики, готов выполнить свой национальный долг в деле ее защиты и обеспечения ее прогресса. В коммюнике¹ особо подчеркивалось, что благосостояние республики зависит от экономического развития страны — ее промышленности, сельского хозяйства, транспорта, жилищного строительства и др. Партия призывала все слои населения участвовать в созидательном труде на благо иракского народа. Значит, уже с первого года республиканского строя ИКП определила задачи рабочего класса, считая их осуществление национальным долгом. Эта линия партии продолжалась и усилилась в ее дальнейшей деятельности.

¹ «Иттихад аш-Шааб», Багдад, 29.IV.1959.

В 60-е гг. борьба рабочего класса и его организаций за развитие национальной экономики и улучшение социального благосостояния сочеталась с борьбой за сохранение и защиту республиканского строя. Так, первый съезд Всеобщей федерации рабочих профсоюзов Ирака в феврале 1960 г. проходит под лозунгом: «Трудящиеся Ирака, объединяйтесь для защиты республики, развития национальной экономики и повышения общего социального благосостояния».

Революция 14 июля положила начало претворению в жизнь ряда прогрессивных социально-экономических преобразований, которые были широко поддержаны рабочим классом и его организациями: аграрные преобразования, создание и расширение государственного сектора, принятие закона № 97 по нефтяному вопросу², подготовка национальных кадров, привлечение женщин в производство и др.

Часть этих преобразований явилась прямым результатом борьбы рабочего класса: увеличение заработной платы рабочих, распределение прибылей среди рабочих и служащих национализированных компаний, возрастание роли организаций рабочего класса, участие представителей рабочего класса в управлении производством³, создание организаций рабочей культуры для подготовки профсоюзных кадров и др.

Однако нестабильность политического курса пракских властей, отступление от демократии не могли обеспечить ход социально-экономических преобразований в таком темпе, в котором нуждался республиканский Ирак.

После прихода к власти прогрессивного крыла Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) в июле 1968 г. и проведения в стране курса социалистической ориентации на первый план выдвигается осуществление социально-экономических

---

² Ст. 1 закона № 97 от 7 августа 1967 г. гласила, что Иракской национальной нефтяной компании (ИННК) «предоставляется право добычи нефти и др. нефтяных ресурсов по всей территории Ирака, в том числе в территориальных водах, континентальном шельфе, иракской части нейтральной зоны». По ст. 3 (§ 1) все районы, отведенные ИННК, должны были разрабатываться непосредственно ИННК. Полный текст закона № 97 см.: *О. Герасимов*. «Иракская нефть», М., 1969, стр. 170, приложение 2.

³ В 1964 г. были приняты два законодательства об участии рабочих в управлении государственными предприятиями: закон № 102 о создании управлений на производственных предприятиях и закон № 57 о порядке выборов представителей рабочих и служащих в управления компаний и промышленных предприятий. В том же году был издан закон № 162 о создании культурно-просветительных рабочих учреждений с целью подготовки кадров рабочих для выдвижения в кандидаты в эти управления.

преобразований в широких масштабах, затрагивающих все сферы общественной жизни и экономики.

Следовательно, возрастает роль рабочего класса, его организаций в борьбе за претворение в жизнь этих преобразований. Отметим, что к тому времени рабочий класс намного вырос численно и качественно. Если в канун революции в рядах промышленного пролетариата насчитывалось примерно 90,2 тыс. рабочих, то уже в 1973 г. только численность рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, составляла 179,6 тыс.⁴

Изменились его структура, профессиональный состав. Выросла концентрация и организованность рабочей силы. Увеличилось также число сельскохозяйственных рабочих, занятых на государственных хозяйствах, которых безусловно надо отнести к рабочему классу.

Меняется облик арабского рабочего, его отношение к труду. Меняется его психология, культурный уровень. Этому способствовала и партийная пресса: «Тарик аш-Шааб» («Путь народа»), «Ас-Сакафа аль-джадида» («Новая культура»), «Аль-фикр аль-джадид» («Новая мысль»), орган ВФРПИ «Ван аль-уммаль» («Рабочий разум») и др.

Укрепляется международная солидарность рабочего класса. В последнее десятилетие в Ираке сложились благоприятные обстоятельства для деятельности коммунистических и общественных организаций: обнародование летом 1973 г. Хартии Патриотического национально-прогрессивного фронта (ПНПФ), участие коммунистов в правительстве (1972), проведение двух съездов Иракской коммунистической партии (ИКП) — 1970 и 1976 гг., принятие двух новых программ ИКП, намечающих дальнейшее развитие страны по пути к социализму, активизация деятельности ВФРПИ, а также отраслевых профсоюзных организаций рабочего класса, женских, молодежных и др.

Являясь достижением борьбы рабочего класса, эти новые обстоятельства одновременно диктовали новые сдвиги в рабочем движении, в числе которых непосредственное участие рабочего класса в осуществлении социально-экономических преобразований в интересах народных масс. Программа этих преобразований имеет прямое отношение к сфере производства, а также к производственным отношениям. В Хартии национальных действий подчеркивается авангардная роль рабочего класса в осуществлении социально-экономических преобразований. В разделе «Мобилизация народных масс» говорится: «Организация рабочих, крестьян, студентов, интеллигенции и женщин с помощью профсоюзов, об-

⁴ «Ас-Сакафа аль-джадида», Багдад. 1975, № 3, стр. 62.

ществ и объединений является законным правом, подчеркивающимся в Хартии, эта организация является национальной необходимостью и важной основой нового революционного общества. Революция уделяет особое внимание авангардной роли рабочего класса и его организаций в экономическом, социальном и политическом развитии.

Рабочие профсоюзы, крестьянские объединения, студенческие и женские организации смогут сыграть свою авангардную роль в деле ускорения революционных социальных преобразований и внести свой вклад на пути достижения новых успехов в политических, экономических и культурных областях⁵.

На нынешнем этапе деятельности иракской компартии — с помощью углубления некапиталистического пути развития к социализму, борьба рабочего класса Ирака ведется в основном в следующих направлениях:

1. Рабочим классом и его организациями поощряется расширение и укрепление государственного сектора. Национализация многих производственных предприятий результат не только новой экономической политики иракских властей. Важен подход рабочего класса к укреплению государственного сектора, к новым трудовым взаимоотношениям, к делу выполнения планов, к темпам перестройки производительности труда и т. д.

Коммунистическая партия Ирака старалась обеспечить народный контроль за деятельностью государственного сектора, обеспечить участие рабочих в управлении государственным сектором. Борьба ИКП за демократические и профсоюзные права включала требование увеличить число представителей рабочих в правлениях предприятий, а также свободное избрание их непосредственно рабочими, обеспечение права рабочих на участие в администрации заводов, управление производством и участие в прибылях. Требовалось свободное избрание рабочих в рабочие суды или комиссии для рассмотрения проблем рабочих и рабочего законодательства и т. д.

2. Рабочим классом поддерживаются планы, обеспечивающие рост нефтяных богатств в качестве источника финансирования, сырья и энергии.

3. Повышение производительности труда не только результат внедрения новой техники, но и результат активного труда рабочего класса.

4. Рабочим классом ведется непрестанная борьба за установление минимума заработной платы, в основном для неквалифици-

---

⁵ «Устав и принципы действий Патриотического и национально-прогрессивного фронта в Ираке», Хельсинки, 1976, стр. 17—18.

цированных рабочих, чтобы он соответствовал стоимости жизни, за гарантирование права рабочих на поощрение и надбавку, за улучшение условий социального обеспечения, законодательных прав, ускорение темпов жилищного строительства для рабочих. Новые поправки и дополнения к законам о труде и о социальном обеспечении, внесенные в результате требований рабочего класса, одновременно характеризуют социально-экономическое развитие страны. Рабочий класс активно выступает за разрешение проблем безработицы.

5. ИКП требует активного участия крестьян и сельскохозяйственных рабочих в руководстве кооперативными обществами, а также активизации их роли в государственных фермах.

В политическом отчете восьмого регионального съезда ПАСВ, в новой программе ИКП, в Хартии ПНПФ, а также в резолюциях профсоюзных и женских организаций уделено место борьбе с неграмотностью, повышению культурного уровня рабочих, подготовке технических кадров, повышению технической квалификации рабочих, что в свою очередь способствует усилению роли рабочего класса в социально-экономических преобразованиях. Успешное развитие советско-иракского экономического и культурного сотрудничества способствует подготовке национальных кадров, поднятию квалифицированного уровня и т. д.

Борьба за эмансипацию иракской женщины дает свои результаты, растет занятость женщин в производстве. Защита их интересов, принятие новых законов относительно женского труда, оплаты женщин-тружениц, охраны детства и материнства — новые явления в социальной жизни Ирака.

Рабочий класс Ирака играет авангардную роль в социально-экономических преобразованиях. Широкое участие рабочего класса в этих преобразованиях обеспечивается главным образом ИКП и ВФРПИ. Одновременно в результате их осуществления, в результате новых взаимоотношений, научно-технического прогресса, новых социальных явлений сам рабочий класс подвергается новым качественным изменениям, растет его сознательность, что положительно отражается на рабочем движении в целом.

Многое зависит от характера политической власти. Последние вести из Ирака о репрессиях против коммунистов противоречат прогрессивному курсу правительства Ирака, возникают серьезные трудности для дальнейшей деятельности коммунистов в едином национальном фронте.

Только путем расширения политической демократии правящая партия — Партия арабского социалистического возрождения сможет обеспечить дальнейшее процветание и прогресс Иракской республики, всего иракского общества. Это ясно сознают все про-

грессивные, демократические организации страны и в первую очередь Иракская коммунистическая партия. В статье первого секретаря ЦК Иракской компартии Азиза Мухаммеда в мартовском номере журнала «Проблемы мира и социализма» говорится: «Демократическая атмосфера помогает партиям и авангарду мобилизовать широкие массы, направлять их по прогрессивному пути к углублению демократических социальных преобразований, чтобы преградить путь реакционным и правым силам, которые постоянно стремятся остановить развитие революции и приспособить проводимые преобразования к собственным интересам и представлениям с целью укрепления своей власти»⁷.

На национально-демократическом этапе революции необходимость в широкой демократии приобретает первостепенное значение как безотлагательное условие, как залог успешного претворения в жизнь социально-экономических преобразований; это взаимосвязь экономики и политики, всего общества. Этого требует социалистическая ориентация, провозглашенная правительством Иракской республики.

---

⁷ «Проблемы мира и социализма», 1979, № 3, стр. 9.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

Мусульманское духовенство современного Ирака, объединяя многотысячный отряд религиозных служителей, является той социально-политической силой общества, которая принимает самое активное участие во внутриполитической и общественной жизни страны. Те глубокие изменения, которые произошли во всех сферах жизни иракского общества, служили важнейшими факторами в активизации его деятельности за весь республиканский период развития.

Автор данной статьи ставит перед собой цель охарактеризовать основные цели повседневной деятельности мусульманского духовенства, осветить некоторые организационные стороны его действий и уровни ведения пропагандистской работы среди верующих масс.

Следует отметить, что при исследовании практической деятельности мусульманского духовенства в Ираке невозможно не учесть такой специфический фактор, как принадлежность приверженцев религии к двум основным — суннитской и шиитской — общинам ислама, ибо каждая из них занимает обособленную позицию в процессах общественной жизни Ирака.

Несмотря на различные позиции к правящим режимам, существует много общего в деятельности суннитской и шиитской частей мусульманского духовенства.

Это в первую очередь относится к действиям, направленным к укреплению устоев религии в обществе, которые расшатались в результате прогрессивных мер республиканских правительств, ускорения научно-технического прогресса и т. п. Другим фактором объединения действий является все более широкое распространение идей материализма и научного социализма, которые по своей сущности являются непримиримыми врагами идеалистического мировоззрения и религиозной догматики. Поэтому не-

удивительно, что крупнейшие деятели ислама в Ираке еще в первые годы республиканского развития, убедившись в пикировании коммунистической партии во всех преобразованиях, издавали специальные фетвы с антикоммунистическим содержанием. В частности, фетвы «источника подражания» имама аятоллы Хакима и известных улемов Абд аль-Керима, аль-Джазани, Махди Хусейни аль-Ширази, аль-Занджани и др., утверждая, что «коммунизм — ересь и атеизм, способствующие процветанию безбожия и разврата», подчеркивали, что «вступление в ряды ИКП, призыв и пропаганда ее идей есть величайший грех»¹, и были распространены среди всех слоев верующих масс.

С другой стороны, негативная позиция духовенства к существующему режиму выражалась в деятельности религиозных политических партий, таких как «Иракская исламская партия», «исламский фронт», «ат-Тахрир», «Национально-исламский фронт» и т. п., которые всегда принимали участие в подготовке и осуществлении государственных переворотов на всех этапах республиканского периода развития и выступали организаторами массовых выступлений на почве религиозной идеологии.

Что касается пропагандистской работы мусульманского духовенства среди масс как по укреплению традиционных догм религии и внедрению модернизируемых тенденций идеологии ислама, так и по распространению позиций высших авторитетов мусульманской общины, то необходимо указать, что она ведется не хаотичным образом, а в соответствии с определенной организационной структурой и носит последовательный характер.

Руководящим органом шиитского духовенства в 60-х гг. являлся теологический центр «хауза» в Неджефе, в состав которого входили семь известных муджтахидов. Внутри «хаузы» функционировал высший орган — «хайат улийа», состоявший из трех членов «хаузы». Он обсуждал и принимал решения по всем теологическим, идеологическим и практическим вопросам. Эти решения доводились до среднего звена религиозных служителей путем проведения недельных заседаний «меджлис усбуийа». Следовательно, эти решения доводились до низших звеньев духовенства и верующих масс выступлениями имамов и проповедников во время проповедей в мечетях и «Хусейнийаты» и т. п.

В целях постоянного изучения мнения верующих по различным вопросам и выработки соответствующей тактики, кроме опроса верующих в исламских общественных заведениях, проводились массовые конференции «маджалис аль-истифта». В них часто

---

¹ Аль-имам аль-Хаким ас-Сенд аль-Табатабаи, Ас-Сенд Ахмад аль-Хусейн. Неджеф, 1964, стр. 90.

принимают участие сам «источник подражания» («марджа ат-таклид») и другие видные авторитеты духовенства, учащиеся религиозных заведений, представители средних звеньев. Важное место в практической деятельности духовенства занимает исламское обучение и просвещение, которые осуществляются путем подготовки кадров в специальных неполных и полных высших учебных заведениях и сетью религиозных начальных и средних школ, а также преподаванием ислама в светских государственных школах.

Среди религиозных учебных заведений важное место принадлежит Колледжу права (Куллият аль-Фикх) в Неджефе, богословскому факультету Багдадского университета (Куллият аш-Шариа), Колледжу основы религии (Куллият усул ад-дин) в Багдаде и др. Они являются кузницей кадров ислама не только для Ирака, но и для многих стран исламского региона. Что касается количества учащихся в этих учебных заведениях, то следует отметить, что только в Неджефе в начале 60-х гг. насчитывалось более 2 тыс. учащихся, а в конце 60-х гг. только на теологическом факультете Багдадского университета обучалось около тысячи человек.

Исследование процесса обучения в этих учебных заведениях показывает, что часть выпускаемых кадров направляется на преподавательскую работу, а другая — становится профессиональными служителями ислама. Поэтому в учебных программах вместе с традиционными предметами обучения можно увидеть и новые предметы, такие как светская философия, социология, педагогика и методика преподавания, иностранный язык, история литературы и т. п., как например, в Колледже «Куллият аль-Фикх» Неджефа². Следует отметить, что в некоторых исламских колледжах учащихся старших курсов во время летних каникул направляют в сельские районы для прохождения практики по проповеди. Кроме того, учащиеся этих заведений всегда принимают активное участие в организации и проведении массовых религиозных торжеств.

Однако следует отметить, что уровень преподавания ислама в функционирующих исламских средних школах не удовлетворяет духовенство. Считая, что к сегодняшнему дню около 80% молодежи уже безразлично относится к религии³, представители духовенства стараются расширить и укрепить влияние религиозной идеологии в сознании молодого поколения. При этом исламскими иде-

---

² Абд аль-Хадд аль-Фадли, Далил ан-Неджеф аль-ашраф. Неджеф, 1964. стр. 76.

³ Ахмад Амин, Аль-Таквим филь-ислам, ч. IV, Неджеф, 1972, стр. 181.

ологами предлагается создание молодежных клубов, библиотек, организация постоянно действующих лекториев и т. п.

В осуществлении этих мер особая надежда возлагается на религиозные благотворительные организации ислама.

Как известно, в период республиканского развития количество этих организаций резко возросло. Наряду с «Джамийат аль-муктади» и «Джамийат аль-рабита аль-илмийа аль-адабийа», действующих еще с начала 30-х гг., возникли десятки новых общественных и политических организаций.

Среди них наиболее активными являются «Джамийат аль-Тауджих аль-дини» (Общество религиозной ориентации), «Джамийат аль-адаля аль-исламийа» (Общество исламской справедливости), «Джамийат аль-тахрир аль-сакафи» (Общество культурного освобождения), которые возникли в середине 60-х гг.

Следует отметить, что функциональная заслуга этих организаций заключается именно в том, что они являются важным звеном в осуществлении задач и целей, поставленных высшими руководящими кругами духовенства.

Например, в первые годы республиканского развития бурные преобразования в социальной и культурной жизни общества вызвали резкое недовольство у шиитского духовенства, и его организации проявили большую активность в создании атмосферы недовольства среди верующих масс. При этом основным источником агитационного материала служили фетвы крупнейших авторитетов шиитских общин.

Наряду с традиционными видами мероприятий, осуществляемых ими, появились и новые. Например, так называемые «культурные сезоны». Каждый сезон в среднем включал в себя около двадцати лекций, посвященных как философским, историческим, теологическим вопросам ислама, так и охватывающим проблемы модернизации ислама и его позиций относительно преобразований в стране. Одновременно с этими лекциями проводились вечера поэзии, литературные дискуссии, встречи с представителями исламской литературы⁴. Другим видом новых мероприятий является проведение конкурсов на лучшие труды по истории ислама и его идеологии, на лучшего чтеца корана и т. п. Среди своих основных целей эти организации видят необходимость «в создании общественных библиотек, в распространении религиозной литературы, в поддержке исследователей и писателей, выступающих за возрождение арабского и исламского наследия, в проведении проповедей и бесед в городах и селах, в организации кампаний борьбы

---

⁴ Например, см.: «Аль-Иман», Неджеф, 1966. № 1—2, стр. 181—183.

против неграмотности путем создания школ и научных курсов»⁵. Таким образом, как высшие круги мусульманского духовенства, так и религиозные общественные организации уделяют большое внимание расширению сети исламских библиотек.

В этом отношении следует отметить, что самой крупной из действующих библиотек является библиотека «Аль-Аукаф» (с книжным фондом ок. 85 тыс. книг). Крупные исламские библиотеки функционируют во многих городах Ирака и сельских населенных пунктах. В Неджефе, например, в середине 60-х гг. функционировало 12 исламских библиотек с общим книжным фондом более, чем 100 тыс. книг и рукописей. Некоторые из них имели свои филиалы и в других населенных пунктах, как например, библиотека имама Хакима в Неджефе, имевшая одновременно около шестнадцати филиалов в различных населенных пунктах Ирака. Однако было бы ошибочным представить эти библиотеки как обычные книгохранилища, ибо каждая из них в действительности является важнейшим активным очагом распространения исламской идеологии и большинство из них распространяет исламские издания, выпущенные ими же. Например, серийная публикация «Ответы на вопросы», изданная библиотекой имама Аль-Хусейна в Бакубе⁶, в своем предисловии сообщает о широком масштабе действия издателя. «Выполняя намеченные цели, она несет ответственность за осуществление религиозной ориентации и насаждение исламской культуры у верующих с разными уровнями сознания»⁷. Далее сообщается о том, что она проводит различные религиозные торжества по знаменательным датам ислама, организует лекции и занятия по проблемам ислама и науки, проводит встречи с видными религиозными деятелями.

Литературный фонд этих библиотек постоянно обогащается как за счет обеспечения министерством вакуфов, так и за счет высших органов духовенства. Несомненно, что деятельность этих ячеек мусульманского духовенства оказывает важное влияние на укрепление религиозной идеологии в сознании верующих масс.

Кроме того, необходимо учесть значение и объем исламской периодической литературы и ее роль в идеологической деятельности духовенства.

В Ираке исламская периодическая литература издается как правительственными органами, так и благотворительными религиозными организациями. Как и всякая другая, она всегда отражала взгляд своего издателя по всем вопросам, и поэтому объем этой

⁵ Из программных целей «Общества-клуба Ханифитов», см.: «Махраджанат аль-мавлуд аль-Набави аш-шариф филь-агзамия», Багдад, 1968.

⁶ «Лилкулли суал джаваб», Бакуба, 1974.

⁷ Там же, стр. 10.

литературы постоянно изменялся в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в стране и взаимоотношений между правящим режимом и издателем. В середине 60-х гг. только в Неджефе с помощью шести хорошо оснащенных типографий издавалось более десяти периодических шестнадцатисерийных изданий.

Религиозные газеты и журналы издавались и издаются во многих иракских городах: Багдаде, Карбеле, Басре, Бакубе и т. д.

Среди них важное место принадлежит журналу «Аль-иман» (Вера), издававшемуся обществом «Аль-рабита аль-илмийа аль-адабийа», которое с 1963 по 1968 гг. непосредственно отражало позиции высших кругов шиитской общины, журналу «Аль-Висаля аль-исламийа» (Исламское послание), издаваемому министерством вакфов, журналу «Аль-Неджеф» — органу неджефского колледжа «Куллият аль-фикх», журналу «Рисалат аль-ислам» — органу Багдадского колледжа «Куллият усул ад-дин» и многим другим.

Что касается нерегулярных серийных изданий, то их издателями являются религиозные организации, исламские публичные библиотеки, видные улемы и муджтахиды ислама. В них находят свое место как теологические консервативные, так и модернистские проблемы сегодняшнего ислама. Так, если «Эпизоды из жизни имама Садека» (автор шейх Кашеф аль-Гита) имеют своей целью нравственное воспитание верующих, то «Школа Ислама» (серийное издание с кратким содержанием трудов Мухаммеда Бақыра ас-Садра) выражает взгляды современного мусульманского улема по вопросам борьбы идеализма с материализмом, по существующим социальным системам и относительно предлагаемого пути исламского развития. Необходимо отметить, что даже самое беглое ознакомление с их названиями показывает, что они предназначены всем верующим с учетом возрастной категории и принадлежности к социальной иерархии общества.

Таким образом, все вышеуказанные стороны деятельности мусульманского духовенства свидетельствуют о том, что сегодняшние служители религии не ограничиваются классическими или традиционными методами пропагандистской работы. Модернизируя традиционные, духовенство организовано вводит новые методы, отвечающие требованиям современности. Все эти и подобные моменты отражают стремление мусульманского духовенства упрочить свои позиции в обществе.

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ В ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ИРАКА В 70-е гг.

Изучение основных направлений общественно-политического развития Ирака в 70-е гг. имеет большое значение для исследования важнейших социально-политических проблем арабских стран. Это объясняется, в первую очередь, тем, что Ирак — одно из нефтеэкспортирующих арабских государств, особенно разбогатевших во второй половине 70-х гг. из-за резкого увеличения с 1974 г. доходов от продажи на внешнем рынке сырой нефти. Причиной роста доходов Ирака стало четырехкратное увеличение на мировом капиталистическом рынке цен на сырую нефть, национализация в 1972—1975 гг. всей нефтяной промышленности и выросший примерно в полтора раза объем добычи нефти с 76,4 млн. т в 1970 г. до 115 млн. т (оценка) в 1978 г.¹ В итоге поступления Ирака от экспорта сырой нефти выросли за девять лет более чем в двадцать раз — с 521 млн. долл. в 1970 г. до 11,3 млрд. долл. (оценка) в 1978 г.

Важность исследования социально-политических проблем Ирака объясняется и его принадлежностью к числу стран социалистической ориентации, руководство которой отвергло капиталистический путь развития как «в принципе, так и из-за неспособности (капитализма.—Г. Ш.) выполнять задачи по освобождению национальной экономики, строительству ее на прочных основах и обеспечению благосостояния для всех граждан»². Ирак заключил в 1972 г. Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, а в 1975 г. — соглашение о сотрудничестве с СЭВ. Кроме того, в течение последних двенадцати лет Ирак подписал с Советским Союзом и другими странами СЭВ целый ряд соглашений об экономическом, научном и техническом сотрудничестве. Во внешнеполитическом пла-

¹ „Annual Abstract of Statistics“, Baghdad, 1975, p. 151; БИКИ, 16, I, 1979, стр. 6.

² „The National Action Charter“, Baghdad, 1971, p. 21, 36.

не это государство занимает антиимпериалистические позиции и активно участвует в борьбе арабских народов против непрекращающейся агрессии Израиля.

Изменения в социальной структуре Ирака, происшедшие в 70-е гг.—результат многочисленных, прогрессивных в своей основе политических, экономических и социальных преобразований, проводившихся после прихода в июле 1968 г. к государственному руководству Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) Ирака, выражающей, как сказано в ее партийных документах, «интересы широких масс рабочих, крестьян и других групп трудящихся»³. К власти в Ираке в 1968 г. пришел блок классов во главе с мелкой буржуазией (города и села) и средними городскими слоями.

Среди важнейших преобразований в сфере внутренней политики можно отметить определенную демократизацию общественной жизни, активизацию деятельности массовых организаций—партий, профсоюзов, крестьянских обществ, женских и молодежных организаций. Было начато решение одной из сложнейших внутриполитических проблем — курдского вопроса. В 1974 г. был принят закон об автономии Иракского Курдистана и создан Курдский автономный район (КАР) в составе трех курдских провинций на севере страны со своим законодательным и исполнительным органами.

Новое руководство страны начало активно проводить в жизнь прогрессивные мероприятия в области народного хозяйства. До конца 1975 г. была завершена национализация «Ирак Петролеум компании» с филиалами в Басре и Мосуле и, таким образом, ведущая в стране отрасль экономики—нефтедобывающая промышленность, была освобождена от эксплуатации иностранным монополистическим капиталом.

Значительные успехи были достигнуты в развитии индустрии, и прежде всего ее ключевых (в условиях Ирака) отраслей — нефтяной и газовой промышленности, поскольку поступления от сбыта их продукции составляют большую часть доходов государственного бюджета.

В 70-е гг. были построены новые или расширены существующие нефтеперерабатывающие заводы, сооружены нефтепромыслы в Северной ар-Румайле мощностью 42 млн. т. нефти в год и в других районах страны; построены новые крупнейшие в масштабах региона нефтеэкспортные порты Мина-аль-Бакр и Хор-аль Амайя (оба в районе порта Фао), крупные нефтепроводы Хадита — Северная ар-Румайла — Фао, Киркук — Дортйоль на побережье Средиземного моря (Турция), нефтепродуктопровод Багдад —

³ Там же, стр. 21.

Басра, создан одним из первых на Ближнем Востоке национальный нефтеналивной флот.

С конца 60-х гг. здесь началось сооружение предприятий газоперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Кроме названных выше отраслей, в Ираке были созданы и другие новые отрасли индустрии: машиностроение, электротехника, химия, стекольная и бумажная промышленность, значительно расширены мощности цементной, текстильной и пищевой индустрии, построены новые электростанции, начата добыча самородной серы и фосфатов. Подавляющая часть предприятий промышленности создана в государственном секторе. Большое количество промышленных новостроек были созданы при содействии Советского Союза и других стран СЭВ.

Для Ирака как аграрной к началу 70-х гг. страны (по оценке эксперта ООН в 1970 г. около 52% его самостоятельного населения было занято в сельском хозяйстве) преобразования в этой сфере жизненно важны⁴. Первостепенное значение имеют преобразования в области аграрных отношений, создание общественного сектора, включающего государственные и кооперативные хозяйства.

В 1970 и 1975 гг. здесь были приняты новые законы об аграрной реформе, углубившие содержание аграрной реформы, впервые начатой в Ираке в 1958 г. Закон 1975 г. распространялся только на Иракский Курдистан, где проведение реформы стало возможным лишь после прекращения в 1975 г. военных действий, продолжавшихся с конца 50-х гг.

Всего за время проведения аграрных реформ (с 1958 до 1976 гг.) у крупных землевладельцев и феодалов было изъято 60% сельскохозяйственных земель⁵. Плодами аграрной реформы до середины 1978 г. воспользовались 418 тыс. крестьянских семей, среди которых государством было распределено в собственность или в аренду свыше 3,325 млн. га. Примерно 65% крестьянских семей, нуждавшихся в земле, получили ее в результате аграрных реформ.

Основной линией руководства страны в социально-экономическом развитии деревни является кооперирование крестьянства. Сельскохозяйственные кооперативы на землях аграрной реформы начали создаваться в 1960 г., но темпы кооперирования были ускорены лишь после 1968 г. В 1978 г. в стране насчитывалось 2027 кооперативов — в пять раз больше, чем в 1968 г. (433 кооперати-

---

⁴ «Китаб аль-джиб аль-ихсанй», стр. 32.

⁵ «III национальный съезд Иракской коммунистической партии», М., 1977. стр. 103.

ва), которые объединяли вшестеро большее число крестьян — 373,5 тыс. семей против 58 тыс. в 1968 г.⁶

С начала 70-х гг. в стране стали создаваться более высокие формы сельскохозяйственной кооперации, так называемые коллективные хозяйства, то есть производственные кооперативы с обобществлением всех основных средств производства и распределением доходов по количеству трудодней. В 1978 г. в Ираке было около 80 коллективных хозяйств, в которые вошло около 9 тыс. семей. Сельхозкооперации и государственным хозяйствам (их теперь около 40) принадлежит примерно 75% всех сельскохозяйственных земель⁷.

Экономическая политика государства в сельском хозяйстве включает также помощь вновь созданным кооперативам кредитами, техникой машинопрокатных станций, поставками семян, удобрений, направлением специалистов. Важную роль играет освоение новых земель, связанное с мелиорацией (орошение, дренаж засоленных земель). Государство вкладывает в водохозяйственное и мелиоративное строительство значительные средства. Итогом прогрессивных преобразований в экономике стал сложившийся после 1958 г. сильный госсектор, в котором в 1975 г. создавалось около 68% ВВП⁸.

Немалое место во внутренней политике государства в Ираке занимает проведение социальных преобразований в городе. На первом месте среди них можно поставить мероприятия по улучшению социального обеспечения населения, в основном, городского. В 1970 г. новый закон о труде установил 8-часовой рабочий день при 48-часовой рабочей неделе для рабочих всех предприятий государственного и частного секторов, оплачиваемые отпуска (минимум 20 дней). В 1971 г. было введено новое, более высокое пенсионное обеспечение для рабочих, причем часть средств пенсионного фонда стала выплачиваться предприятиями.

Начиная с 1974 г. в Ираке неоднократно повышалась заработная плата всех категорий трудящихся. Был повышен необлагаемый подоходным налогом уровень личного дохода граждан.

Большое значение здесь придается созданию и развитию социальной инфраструктуры, что в особенности важно для сельской местности, где уровень социального обслуживания был невероятно низок даже десять лет спустя после революции 1958 г. Например, в 1968 г. в сельской местности Ирака водой, пригодной для питья, были обеспечены только 4%, а электроэнергией могли

---

⁶ «Ас-Саура». Багдад. 27.X.1978.

⁷ Там же.

⁸ «III национальный съезд ИКП», стр. 93.

пользоваться всего лишь 15% населения⁹. Значительные средства расходуются на развитие здравоохранения, в особенности на селе, охраны матери и ребенка, строительство домов для престарелых. Так, если в 1968 г. в Ираке имелось 145 больниц (не считая поликлиник) на 16,3 тыс. коек, то в 1977 г. число больниц выросло до 188, а коек до 23,7 тыс., то есть в полтора раза¹⁰.

Немалые успехи сделаны в области просвещения. С 1974/75 учебного года было введено бесплатное обучение на всех ступенях — от начальной школы до высших учебных заведений. Все расходы по обеспечению учащихся учебниками государство взяло на себя. Значительно выросло число школ и количество учащихся. Так, в 1968/69 г. в стране было 5137 начальных школ с 1017 тыс. учеников. Спустя девять лет, в 1977/78 г., число школ выросло до 8387 (более, чем в полтора раза), а учащихся в них — до 2048 тыс. чел. (то есть в два раза)¹¹.

Если в 1975 г. школу в Ираке посещали две трети всех детей в возрасте 6—7 лет (обучение в начальной школе здесь начинается с 6-летнего возраста), то в 1978/79 учебном году было введено обязательное начальное обучение. В последние годы в стране развернулась широкая кампания по борьбе с неграмотностью. На курсах по ликвидации неграмотности в 1976 г. занимались более 150 тыс. человек¹². Особо высокими темпами развивается профессионально-техническое образование. За семь лет — с 1970/71 до 1977/78 учебного года число учащихся в профтехшколах выросло в 3,5 раза — до 35,2 тыс. чел.¹³

Несмотря на большую работу в социальной сфере, в этой области осталось немало острых проблем, решения которых требуют интересы трудящихся. Как отмечалось на III съезде ИКП в 1976 г., к числу этих проблем относятся, в первую очередь, инфляция, повышение цен на товары первой необходимости, рост квартирной платы, что связано с отставанием в жилищном строительстве. Остро стоят в Ираке и такие проблемы, как бесперебойное снабжение продуктами первой необходимости, проблема городского транспорта. Как говорилось в отчетном докладе ЦК ИКП ее III съезду, «дороговизна, связанная с инфляцией... сводит на нет большую часть преимуществ», полученных народом от

---

⁹ «Политический отчет VIII съезда ПАСВ Ирака», Хельсинки, 1975, стр. 107; «Азия и Африка сегодня», 1976, № 4.

¹⁰ „Statistical Pocket Book“, 1977, Baghdad, 1978, p. 54.

¹¹ Там же, стр. 47.

¹² «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4, стр. 15.

¹³ „Statistical Pocket Book“, 1977, p. 49.

«повышения доходов благодаря росту занятости и заработной платы»¹⁴.

Социально-экономические преобразования, темпы которых, как было показано выше, значительно усилились в 70-е гг., ведут к большей классовой дифференциации иракского общества.

Рабочий класс вырос как в численном, так и в профессиональном и организационном отношениях. Так, прямым результатом развития индустрии стало увеличение численности рабочих в промышленности, причем их число на средних и крупных (для Ирака) предприятиях с числом занятых свыше 99 чел. на каждом из них выросло за шесть лет (1969—1975) почти вдвое — с 69 тыс. чел. до 123 тыс. чел.¹⁵

Выросла классовая сознательность рабочих, относительно улучшилось их материальное положение.

Крестьянство — самая большая социальная сила в стране, переживает процесс поляризации. Его беднейшая часть пополняет ряды рабочих в городе и деревне (сельскохозяйственный пролетариат). Аграрные реформы вызвали значительный рост мелкой буржуазии села (в основном, крестьяне-середняки).

Сельская буржуазия переживает сейчас в Ираке период роста. Недостатки в деятельности сельскохозяйственной кооперации и широкое распространение мелкотоварного производства — отмечалось на III съезде ИКП, — «создавали и создают благоприятную почву для развития капиталистических отношений в деревне... через сдачу в аренду машин и насосов, предоставление кредитов, через систему реализации сельхозпродуктов...» и другими путями¹⁶.

Следует отметить, что нынешнее законодательство в Ираке не препятствует развитию капитализма в деревне. Например, закон № 43 от 1977 г. о слиянии крестьянских обществ с кооперативами дает право одному члену сельскохозяйственного кооператива владеть до 10% акций всего хозяйства и предусматривает распределение прибыли не по труду, а по вложенному капиталу. Это, естественно, способствует эксплуатации беднейшей части крестьянства владельцами средств производства внутри самой сельхозкооперации¹⁷.

Помимо этого, сохранившаяся еще в иракской деревне полуфеодалная и торгово-ростовщическая эксплуатация «препятству-

---

¹⁴ «III Национальный съезд ИКП», стр. 58.

¹⁵ Подсчитано по «Китаб аль-джиб... 1960—1970», стр. 102, 138, 155; „Annual Abstract of Statistics“, 1976, p. 125—168.

¹⁶ «III Национальный съезд ИКП», стр. 104.

¹⁷ «Проблемы мира и социализма», 1978, № 7, стр. 68.

ет развитию и наносит наибольший вред трудовому крестьянству и сельскохозяйственным рабочим»¹⁸.

В материалах VIII съезда ПАСВ Ирака также признается наличие и даже расширение сферы эксплуатации в деревне, развитие классовых противоречий¹⁹. В городе растет численность и реальное влияние мелкой буржуазии и средних городских слоев, занятых «в административном аппарате, сфере услуг, в некоторых отраслях ремесленной и механической промышленности»²⁰.

В рядах национальной буржуазии увеличились численность и состояния промышленников, владельцев недвижимости, а также подрядчиков и посредников, которые выполняют заказы госсектора и сотрудничают с иностранным капиталом по сооружению различных экономических объектов. На VIII съезде ПАСВ в 1974 г. было обращено серьезное внимание на потенциальную опасность сращивания интересов реакционной части чиновней бюрократии с буржуазией, в результате чего образовался негласный союз против всех прогрессивных шагов ПАСВ. Указывалось, что торговая буржуазия в прошлом в союзе с правой бюрократией вела иногда открыто, иногда тайно настоящую войну против партии и революции²¹.

Третий съезд коммунистов Ирака в 1976 г. прямо указал, что оставшиеся феодалы, крупные землевладельцы, слои паразитической буржуазии в деревне и городе—это силы контрреволюции, представляющие опасность для дальнейшего прогрессивного курса страны.

Размах и уровень социально-экономических и политических преобразований в Ираке в известной степени типичен для первоначального этапа некапиталистического развития, для которого характерны, в первую очередь, общедемократические преобразования.

В Ираке были основательно подорваны позиции феодалов, помещиков, иностранного монополистического капитала, нанесен удар по старой чиновничьей элите. Проведены определенные преобразования в интересах трудящихся классов. В то же время эти мероприятия не привели к полному социальному освобождению рабочих и крестьян от эксплуатации со стороны городской и сельской буржуазии, а также бюрократического капитала. Последние получили достаточно серьезный стимул для своего развития и угрожают справа революционному процессу.

Руководство Ирака объявило в начале 1979 г. о своем намерении создать выборные демократические органы власти в стра-

¹⁸ «III Национальный съезд ИКП», стр. 105.

¹⁹ «Политический отчет VIII съезда ПАСВ Ирака», стр. 89.

²⁰ «III Национальный съезд ИКП», стр. 54.

²¹ «Политический отчет VIII съезда ПАСВ Ирака», стр. 94, 95.

не. В соответствии с решением Ирака и Сирии о создании единого государства предполагается образовать центральный парламент²².

Силы реакции, опирающиеся в стране на частный капитал и располагающие определенными позициями в государственном аппарате, еще сохранили значительную потенцию и нельзя недооценивать ее возможностей в ведущейся сегодня в Ираке борьбе за углубление социально-экономических и политических преобразований.

---

²² «Правда», 20.6.1979.

III. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОТХОДА ЕГИПТА ОТ ПРОГРЕССИВНОГО КУРСА РАЗВИТИЯ

Е. А. АБГАРЯН

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕГИПТА ПОСЛЕ Г. А. НАСЕРА

При рассмотрении причин политических и социально-экономических перемен в Арабской Республике Египет в 70-х гг. становится очевидным, что они имеют самое прямое отношение к позитивным и негативным явлениям революционного периода развития страны. Отказ Египта от участия в военных блоках, переход к политике неприсоединения и позитивного нейтралитета, что в определенной степени обусловило переход и других арабских стран на антиимпериалистические позиции, были расценены империалистическими державами как угроза их стратегическим планам и экономическим интересам в этом регионе. Ясно, что империализм, придавая большое значение стратегическому положению и огромным энергетическим ресурсам Ближнего и Среднего Востока, в своих глобальных планах всячески стремился восстановить свое политическое, военное и экономическое влияние в этом районе.

Мероприятия, проведенные правительством Насера в области внутренней политики, которые были направлены на смягчение царящего в стране крайнего социального неравенства, являясь в целом прогрессивными, в то же время оставили внутренние потенциальные возможности для восстановления влияния определенных социальных слоев. Этому способствовала также политика так называемого «классового примирения» Насера.

В период правления Насера и египетская буржуазия, и кулацко-помещичья верхушка, и империалистические круги не останавливались ни перед какими средствами для свержения его правительства.

Если первые в 50—60-х гг. подвергались чувствительным

ударам и не были в состоянии организовать серьезные внутренние выступления, то империалистические круги для достижения своих целей не останавливались даже перед агрессией. Этой цели служила тройственная агрессия 1956 г., а также израильская агрессия 1967 г. Тяжелое военное поражение Египта в шестидневной войне положило начало острому внутриполитическому кризису в стране. Стремление международной реакции мощным военным ударом подорвать веру египетского народа в осуществимый правительством Насера курс на прогрессивные преобразования, втянуть Египет в сферу политики Запада, хотя и не привело сразу к желаемым результатам, однако, создало определенные предпосылки для обострения внутриполитической борьбы в стране. Территориальные утраты, непрекращающееся состояние войны с Израилем, тяжелое экономическое положение, возрастающие военные расходы, большая внешняя задолженность, падение авторитета правительства, продолжающееся ухудшение положения широких народных масс и вытекающее из всего этого недовольство, потеря бывшего авторитета страны на Арабском Востоке и активизация арабской реакции в результате гегемонистических устремлений Саудовской Аравии явились теми предпосылками, которые дали возможность египетской буржуазии и ее иностранным покровителям — арабской реакции и империалистическим кругам — резко обострить внутриполитическую борьбу. На начальном этапе буржуазия вела свою борьбу по трем основным направлениям: а) идеологические нападки на социалистические принципы вообще; б) опорочивание государственного сектора в экономике страны; в) настоятельные требования о необходимости пересмотра отношений с США в целях «урегулирования» ближневосточного кризиса. Посредством этого египетская буржуазия пыталась «мирным путем» изменить основные концепции внутренней и внешней политики страны. Несмотря на то, что финансово-экономические мероприятия правительства Насера в последние годы еще раз подтвердили определяющую роль государственного сектора в экономике страны, он, однако, по существу отступил перед не очень-то завуалированными целями наступления буржуазии, дав ей, в особенности июньской реформой 1968 г., определенные привилегии. Тем не менее до самой смерти Насера египетская буржуазия оказалась не в состоянии внести какие-либо значительные изменения во внутренние и внешнеполитические концепции страны.

Смерть Насера в момент обострения внутриполитической борьбы определенно изменила ситуацию. Очевидно, что египетские прогрессивные силы не проявили необходимой бдительнос-

ти и дальновидности в этот ответственный момент, уступив пост президента известному своим правым взглядам вице-президенту М. А. Садату. Садат, опираясь на правые элементы в египетском руководстве, перешел сначала к завуалированной, а затем и к открытой борьбе против прогрессивных сил. Египетская буржуазия и кулацко-помещичья верхушка в лице Садата увидела человека, чьи политические взгляды совпадают с их классовыми интересами. Сейчас можно было уже открыто бороться за власть. Поводом для столкновения между национально-прогрессивными и правыми силами явились сделанные 4 февраля и 3 апреля 1971 г. в сепаратистском духе предложения Садата по решению ближневосточного кризиса. Как показали дальнейшие события, Садат и египетские правые силы тщательно подготовились к захвату власти, укрепив свои позиции во втором эшелоне руководства страны. Иначе было бы странно понять легкость, с которой им удалось осуществить государственный переворот 15 мая 1971 г., в то время, когда прогрессивные силы в Арабском Социалистическом Союзе в его Высшем Исполнительном Комитете имели подавляющее большинство, а в армии и государственном аппарате занимали господствующие высоты. Было бы ошибочно сказать, что он, Садат, начал постепенно отступать перед натиском правых сил. В действительности Садат, сотрудничая с правыми силами и опираясь на них, планомерно и последовательно, параллельно с укреплением своей власти, готовился внести изменения во внутренние и внешнеполитические концепции страны. Окружив себя такими представителями правой технократии, как Абдель Азиз Хегазн, Абдель Монеим Кайсунн, Санд Марей и др., реорганизовав и наполнив правыми элементами АСС, аппарат государственно-экономического управления, общественные организации, изменив конституцию страны, все более и более опираясь на реакционные арабские режимы, он создал ту основу, опираясь на которую мог перейти к решительным действиям.

Сейчас уже нужно говорить об исходной точке деятельности египетских правых сил и вытекающих из нее конкретных последствий. Для восстановления своей экономической и, следовательно, политической мощи египетская буржуазия нуждалась в источниках финансирования, а также в ликвидации законов, ограничивающих ее деятельность. Для ликвидации законов, препятствующих ее деятельности у нее уже была власть. С другой стороны, тяжелое финансово-экономическое положение страны, ограниченность внутренних источников финансирования, направляли взор буржуазии в сторону заграницы. Однако и здесь вовлечению в страну капиталов иностранных банков и компаний для «активизации» ее экономики препятствовали как принятые во вре-

мена Насера законы против иностранного капитала, так и недоверие и подозрительность иностранных капиталистов, вызванные опасением возможной национализации и непримлемым для империалистических кругов внешнеполитическим курсом Египта. В этой ситуации египетская буржуазия для достижения своих целей должна была внести существенные изменения как во внутренние, так и во внешнеполитические концепции страны. Но было ясно, что проведенные в период правления Насера социально-экономические и политические преобразования пустили определенные корни в стране и поэтому резкая переориентация была связана с непредвиденными последствиями. По этой причине египетская буржуазия и правые силы в 1971—1974-х гг., параллельно с расширением своих прав, начали подготавливать общественное мнение страны к изменению социально-экономических и политических концепций. Эта подготовка проводилась по нескольким направлениям. Прежде всего в идеологической борьбе было предпринято наступление против наследия Насера, и при этом тон этой кампании в первую очередь подавал сам президент Садат. Причислялись и переоценивались все преобразования насеровского периода. Выдвигались резкие требования о необходимости пересмотра политической линии. Садатом было выдвинуто положение об отказе от так называемой односторонней ориентации на одну из сверхдержав, притом на одни весы ставились СССР и США. Египетские правые силы особенно активно обрушились на египетско-советские отношения, искажая их смысл и приуменьшая результаты египетско-советского сотрудничества. В этом направлении они дошли до такой степени, что ставилась под сомнение экономическая ценность символа этого сотрудничества — высотной Асуанской плотины. Касаясь политической стороны этих отношений, они пытались свалить на СССР вину за затягивание решения ближневосточного кризиса, состояние «ни войны, ни мира», обвиняя СССР в нежелании поставки необходимого Египту оружия. Таким образом, стараясь свести на нет ценность советско-египетского сотрудничества, египетские правые силы прокладывали путь ослабления и ликвидации дружественных отношений между СССР и Египтом. Первый практический шаг в этом направлении был сделан в июле 1972 г., когда миссия советских специалистов в Египте была сочтена законченной.

Одновременно египетскому народу всеми средствами внушалось, что ключ решения ближневосточного кризиса находится в Вашингтоне. Но в начальный период шаги к сближению с Вашингтоном предпринимались в основном через посредничества арабских реакционных режимов, и в частности Саудовской Аравии.

Осенью 1973 г. саатовская политика «равновесия» переживала серьезный кризис. Несмотря на предоставление в октябре 1971 г. арабскому капиталу привилегий, на возвращение буржуазии в 1971—1973 гг. большей части секвестированного имущества и передачу принадлежащих Министерству аграрной реформы земель Министерству вакуфов для продажи частным лицам, египетская экономика не только не переживала подъема, но даже, по признанию самого Садата, стояла на грани развала. Египетскому народу три года подряд безответственно внушали, что каждый последующий год будет последним сроком решения ближневосточного кризиса. «Выход» из этого положения был найден в октябрьской войне 1973 г., последствия которой, в случае ее продолжения, предвидеть было трудно. Если финансовые помощи и кредиты арабских нефтедобывающих стран в этот трудный момент спасли режим Садата от краха, а нефтяной бойкот заставил США и другие западные державы предпринимать активные усилия для предотвращения его повторения, то они же, сыграв на руку египетской буржуазии, дали Садату возможность в одностороннем порядке сделать предметом торга национальные интересы арабов, что нашло свое отражение в поэтапном сепаратистском решении территориальных вопросов. Импералистические круги США воспользовались этой позицией Садата. Челночная дипломатия Киссинджера имела своей целью не только примирить Египет и Израиль, но также обеспечить экономическое и военное проникновение США в Египет, что дало бы возможность американским монополиям и милитаристам установить свой контроль над нефтяными ресурсами и стратегическими коммуникациями Ближнего Востока. Садат, который, по собственному свидетельству, после июля 1972 г. ждал американцев, через две недели после ухода советских специалистов устанавливает с США как прямые, так и опосредствованные связи. А начиная с лета 1973 г. они становятся более значительными. В своем выступлении 25 февраля 1974 г. он высказал мнение, будто они, т. е. США, изменятся в лучшую сторону в отношении к Египту. Конечно, для осуществления стремлений египетской буржуазии Садат не мог выражаться иначе, чем ставить действительность с ног на голову. Однако в действительности было то, что египетская буржуазия сама изменила политику Египта.

После непроигранной войны 1973 г., укрепляя свою власть, а следовательно и позиции правых сил, Садат уже открыто сотрудничая с США, начал решительно осуществлять стремление египетской буржуазии, «либерализируя» египетскую экономику. Так называемая «политика открытых дверей» явилась логическим результатом узурпации власти буржуазии и нового курса сближе-

ния с империализмом. Этим египетская буржуазия подготовила почву для постепенного вытеснения государственного сектора экономики и восстановления прежних дореволюционных экономических отношений. Конечно, пока еще рано утверждать, что в этой стране уже полностью ликвидированы преобразования насеровского периода. Но то, что саатовский режим находится на пути к этому, сомнений не вызывает.

Совершенные в политическом курсе и экономической системе изменения, не могли не затронуть общественно-политические институты страны. Желая показать свою приверженность к «западной демократии», Садат ликвидировал АСС и утвердил в стране многопартийную систему, что однако не мешает ему оказывать давление на национально-прогрессивные силы, а свободу действия получила лишь правящая Национально-демократическая партия.

Сблизившись с империалистическими странами и арабской реакцией, оказывая постоянное давление на прогрессивные силы страны, Садат и египетские правые считали уже излишним скрывать свой переход на позиции антисоветизма и антикоммунизма. Результатами этого явились аннулирование в одностороннем порядке в 1976 г. египетско-советского Договора о дружбе, широкая антисоветская и антикоммунистическая пропагандистская кампания, оказание военной поддержки реакционным режимам в ряде стран третьего мира в их борьбе против национально-прогрессивных сил и установление тесной связи с наиболее реакционными режимами.

Внося изменения в экономической системе, придавая видимость «демократизации» страны, аннулируя египетско-советский Договор о дружбе, устанавливая тесные связи с реакционными режимами и поддерживая их, египетские правые силы этим хотели внушить западным странам, что сближение Египта с Западом не носит конъюнктурный характер. Эта линия режима Садата предрешила позицию Египта в вопросе решения ближневосточного конфликта. Ранее еще как-то замаскированный сепаратистский курс, сейчас уже наглядно проявился в установлении непосредственных отношений с Израилем, в кемпдевидских переговорах. Саатовский режим, египетская буржуазия полностью проявили свою продажную сущность, войдя во имя своих интересов, в предательскую сделку с агрессором и империалистическими кругами.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И СДВИГ ВПРАВО В ЕГИПТЕ В 70-х гг.

Сдвиг вправо в Египте в 70-х гг. — явление сложное, обусловленное в своей основе объективными социально-экономическими, а в своих внешних формах — также определенными субъективными причинами. Что касается объективной основы этого сдвига, то это, несомненно, развитие капитализма в стране такими темпами, непредвиденность которых в 1966 г. был вынужден признать сам Насер¹.

В числе действенных причин сдвига вправо, как отмечает проф. Г. И. Мирский, «действует и отсутствие серьезной преграды (на уровне общественного сознания) для роста мелкобуржуазных тенденций...»². В области идеологии, морали и искусства попытки противодействия натиску буржуазности оказывались демократической интеллигенцией и марксистами, однако средства массовой информации, за исключением журнала «ат-Талла», находились под контролем правых сил. Египетский марксист, литературовед Гали Шукри считает, что в области культуры режим Насера не имел своей определенной концепции и лавировал между правыми и левыми силами, награждая высшими орденами и медалями и государственными премиями как реакционных, так и прогрессивных деятелей литературы и искусства.

Борьба против социалистических идей в культуре и идеологии велась под прикрытием фраз о защите религии, арабской классической литературы и «исконных» духовных ценностей арабской нации. В 1965 г., когда пропагандистский аппарат республики возглавлялся Абдель Кадер Хатемом, Юсуф ас-Сибан был руководителем Высшего совета по искусству, литературе и общественным наукам, а также Союза писателей и Клуба новеллистов;

¹ Г. А. Насер, Собр. соч., т. 5, стр. 524—525 (на араб. яз.).

² «Материалы дискуссии. Национально-освободительные движения: некоторые вопросы дифференциации», «Азия и Африка сегодня», 1978, № 6, стр. 32.

редакторами литературно-общественных журналов были: Ахмед Хасан аз-Зайят-«ар-Рисаля», Мухаммед Фарид Абу Хадид-«ас-Сакафа», Решад Рушди-«аль-Масрах» и Сарват Абаза-«аль-Кысса». Гонения на новую литературу начались с критики верлибра и использования в литературе диалекта, с защиты ислама и арабского наследия, а закончились заявлением Высшего совета, где всех прогрессивных писателей заклеили как еретиков, атеистов и агентов империализма. Знаменательно, что все вышеперечисленные «радетели» социализма в 70-х гг. стали проводниками саатовской линии в культуре и уже преследовали прогрессивную литературу, не прибегая к камуфляжу «под социализм». Объект своей критики реакционеры выбирали вовсе не случайно: верлибр поэтов нового поколения и диалектный язык египетских пьес служили эффективным средством выражения нового, классово-направленного социального содержания. Также не случайно левую интеллигенцию обвиняли в безбожии. Отношение к религии было и остается одним из самых острых вопросов для египетских коммунистов и всех левых. Гали Шукри отмечает, что египетские левые, вступив в полемику с правыми, сами выбрали себе слабую позицию, ведя ее не с позиции объективной реальности и на жизненной почве, а апеллируя к отдельным положениям Корана, интерпретация которых с марксистских позиций легко опровергалась³.

Реакционные деятели культуры имели большую материальную и административную поддержку от частного сектора и обуржуазившейся бюрократической верхушки. Когда Лутфи аль-Холи от имени левой интеллигенции обратился к Насеру за поддержкой, тот ему ответил: «Не надейся, что я возьму тебя на плечи и перенесу через реку. Чтобы доплыть до другого берега, ты сам должен бороться с волнами, крокодилами и акулами»⁴. На деле такая позиция означала, что против левых писателей применялись все методы подавления вплоть до арестов, чему пример судьба поэта Ахмеда Фуада Негма, проведенного в заключении много лет.

В действительности, тот класс, который контролировал механизм власти, насаждал свою идеологию. Не удивительно, что за небольшим исключением, основная масса египетской послереволюционной молодежи выросла политически индифферентной и зараженной потребительскими идеалами. В романе Нагиба Махфуза «Зеркала» (1972), в котором он нарисовал коллективный портрет египетской мелкой буржуазии, начинающий журналист

³ Г. Шукри, Музаккарат сакафатин тахтадир, Бейрут, 1970, стр. 383.

⁴ Там же, стр. 396.

Сабри Гад определяет идеалы молодого поколения как секс, одежду, кино и еду. Между капитализмом и социализмом, по их разумению, разницы нет. В мире нет места альтруизму и понятию «родина». Для решения имеющихся проблем необходимо расстрелять без разбора всех руководителей. Нетрудно заметить влияние гошнстов в высказываниях этого просвещенного молодого буржуа. Проводниками анархистских, троцкистских и ревизионистских идей являются западные фильмы и книги. Прогрессивное египетское кино не выдерживает конкуренции с коммерческими лентами западного и индийского производства. Мелодрама, порнографические и ковбойские фильмы наводнили экраны страны. Под лозунгом пропаганды социалистических идей в Египет для лекций приглашались отступники от марксизма всех мастей, например, в 60-х и 70-х гг. в Каире неоднократно выступал Роже Гароди.

После поражения, во время войны в июне 1967 г. в прессе была инспирирована кампания в пользу «сбалансированной» политики с США. Застрельщиком выступал М. Хейкал, по-видимому, не без ведома Насера. В 70-х гг., хотя сам Хейкал и попал под каток слишком уж большой, на его взгляд, американизации, его «геополитические» выкладки осуществились. Внешнеполитический поворот 70-х гг. подготавливался еще при жизни Насера.

Какова же позиция в этой идеологической борьбе писателей-немарксистов, чью платформу принято характеризовать как «демократическую»? Демократическая художественная интеллигенция видит в анархии бюрократии и капитализма подрыв не только основ объявленного «социализма», но и идеалов напарабизма, укрепление которого в Египте они ставили в заслугу Насеру. В социализме же их привлекает не его революционная сущность, не его функция коренного преобразователя материальных, производственных, и уже на этой основе, человеческих отношений, а такие аспекты, как примерное материальное равенство членов общества, справедливость, отсутствие голода, эффективное здравоохранение, обеспечение демократических прав большинства. Резко критикуя в своих произведениях египетскую действительность, акты жестокости аппарата насилия, отчуждение как результат разрыва между официально провозглашаемыми целями и реальным направлением дел, писатели-гуманисты Нагиб Махфуз, Юсуф Идрис, Нуаман Ашур, Салах Абдель Саббур и др. играют позитивную роль, выражая антибуржуазные настроения в египетском обществе. Пьеса «Фарафир» и многие рассказы Идриса, романы «Вор и собаки», «Нищий», «Мирамар» и «Болтовня над Нилом» Нагиба Махфуза, стихи Салаха Абдель Саббура, созданные до

войны 1967 г., впоследствии, после поражения, были поняты как пророческое предупреждение о слабости оторванного от народных масс режима, держащегося благодаря силе военно-бюрократической структуры.

В творчестве Нагиба Махфуза, наряду с критикой режима, содержался, до 1967 г., также момент позитивного отношения к возможности исправления отклонений. Эта надежда с особой силой звучит в финале романа «Нищий», где Махфуз видит выход в союзе революционеров 1952 г. с социалистами.

Однако после поражения отношение к режиму и к личности Насера изменилось. В демократической литературе это выразилось в усилении пессимизма, преобладании условных форм в изображении действительности. Последнее обстоятельство дало некоторым литературоведам, арабским и советским, повод усмотреть в ней доказательство перехода многих демократических писателей к модернизму. И в самом деле, внешне рассказы Юсуфа Идриса, Нагиба Махфуза и многих молодых прозаиков своей иррациональностью, фантастичностью и безнадежностью давали основание говорить об эволюции части писателей к модернизму. Однако это явление сложнее однозначной оценки и требует специального рассмотрения. Во всяком случае, наряду с усилением модернизма, здесь можно также, исходя из общего контекста конкретных произведений, говорить об усложнении художественных средств.

По свидетельству Г. Шукри, среди левой интеллигенции чувство бесперспективности насеровского пути развития зародилось после поражения 1967 г.⁵ Его личность объединяла интересы «нового» класса и интересы народа. Фактически к этому времени этот союз исчерпал себя, и то, что Насер своим существованием продолжал поддерживать противоестественный симбиоз, представлялось досадной задержкой в развитии. Несмотря на истинное горе беднейших масс, которые в день похорон Насера, по выражению Лунса Авада и Юсуфа Идриса, «порвали единственную имеющуюся у них одежду»⁶, не они и не левые силы решали вопрос о пути дальнейшего развития. Одним из обвинений, выдвигаемых левыми силами против Насера как при его жизни, так и после него, было то, что он игнорировал роль масс и низвел народ до уровня простого придатка к своей военно-бюрократической машине. Большинство народа не имело представления о механизме власти, некоторые всерьез полагали, что место Насера займет его сын или что его преемника изберет Революционный совет и т. д.

---

⁵ Там же, стр. 399.

⁶ Там же, стр. 398.

С 1970 по 1973 гг. под лозунгами демократизации и законности шел процесс размыва прогрессивного наследия Насера, после октября 1973 г. капитализм предстал во всем своем естестве. Г. Шукри в 1978 г. так квалифицировал последний этап: «Мое личное мнение таково, что правящий Египтом режим Садата дошел до конца тупика как внутри страны, так и на арабской и международной аренах, оказавшись таким слабым, что больше не в состоянии соблюдать правила им же самим придуманной игры, использованной в очень короткий срок как либеральная декорация для обмана мира. Однако диктаторское лицо, берущее свои истоки в нацизме, не вынесло демократической маски и поспешило ее истерически сорвать. Я могу лишь сказать, что безумие кончается смертью. Наш арабский народ в Египте сейчас наблюдает последние акты трагикомедии, навязанной ей на политической сцене Египта последние семь лет»⁷.

Поляризация классовых сил в Египте в 70-х гг., несмотря на цензуру, благотворно сказалась на литературе. Возросли боевитость и идейная глубина в творчестве представителей социалистического реализма в литературе и критике: Лутфи аль-Холл, Абдель Рахман аль-Хамиси, Ахмед Фуад Негм, Махмуд Амин аль-Алим, Гали Шукри, Фарид ан-Наггаш и многие другие. С другой стороны открыто выступили против народа Решад Рушди, Салех Гаудат, Ихсан Абдель Куддус и пр.

Однако среди демократических писателей продолжается все та же сумятица. Поддавшись демагогии Садата о демократии, Тауфик аль-Хаким в 1974 г. выпустил в Бейруте книгу «Возвращение сознания»⁸, уже в названии увязав ее со своей знаменитой в арабском мире книгой «Возвращение духа». Эта книга была немедленно поднята на щит правыми силами как свидетельство обвинения периоду Насера. Аль-Хаким критикует в книге режим единоличной власти Насера, то, что вера в него заменила у египтян сознание, что Насер в политике руководствовался эмоциями, что он создал себе культ, что он вверг Египет за 10 лет, с 1956 по 1967 гг., в три войны, которые он проиграл, потеряв 4 млрд. долл. и десятки тысяч жизней. Аль-Хаким пишет, что если бы эти 4 млрд. были потрачены на имеющиеся в Египте 4 тыс. деревень, то на каждую деревню пришлось по 1 млн. долл., египетский феллах избавился от голода, болезней и невежества и эти деревни устроились не хуже европейских; что на армию Египет ежегодно тратит сумму, достаточную для строительства двух Асуанских плотин. Перечень его критических выпадов против на-

⁷ «Алеф-ба», Багдад. № 512. 1978.

⁸ Тауфик аль-Хаким, Аудат аль-ваай, Бейрут, 1974.

серовского периода можно продолжить вплоть до его вывода о том, что Насеру нужно поставить памятник на одной из площадей Тель-Авива в благодарность за то, что его усилиями Израиль предстал перед миром современным непобедимым государством, а Египет — жалким и слабым.

Египетские левые провели диалог с аль-Хакимом по его книге и им удалось во многом разбить прикрытые эмоциями субъективные либерально-буржуазные позиции автора⁹. Во время этой дискуссии аль-Хакиму пришлось оправдываться и больше соглашаться с доводами Лутфи аль-Холли, Халеда Мохии эд-Дина, Фуада Мурси, Абдель Азиз Аниса, Мурада Вахба, Мухаммеда Риа Мухаррама и др. авторитетных писателей, ученых и политических деятелей, чем отстаивать свою точку зрения. Левые вскрыли, возможно, самым аль-Хакимом не осознанный факт, что всякая внеклассовая и огульная критика Насера ведется в действительности за буржуазию и против арабского единства и социализма.

Другой крупный представитель демократической литературы, Нагиб Махфуз, в своих произведениях после 1970 г., в романах «Зеркала», «Любовь под дождем» и «Карнак», вернулся в основном на те политические позиции, которые он занимал до 1967 г. В «Зеркалах» его эмоциональное отношение к противоборствующим силам египетского общества проявляется особенно зримо: все беды Египта исходят от буржуазии и бюрократического аппарата, наиболее цельные, чистые и патристические египтяне за последние полвека — коммунисты. Махфуз в художественной форме отразил усиливающуюся историческую тенденцию, а именно то, что египетская буржуазия все больше теряет свою функцию как носитель идеи арабского национального освобождения, эта функция переходит к трудящимся и их авангарду. Старшее поколение египетских буржуа доживает свой век в маразме бездуховности и потребительства, молодое — мечтает об эмиграции в США и Канаду и также не выходит за пределы удовлетворения своих эгоистических потребностей.

В своих публицистических статьях Махфуз выступает за диалог и союз всех борющихся за демократию и социализм сил, включая сюда и коммунистов, и мусульман¹⁰.

Необходимо отметить еще одну особенность египетской прозы в том аспекте, в каком она непосредственно связана с общественно-политическими процессами. Герои и сюжеты египетской

---

⁹ «Ат-Талиа», Каир, № 3, 4, 1975.

¹⁰ Нагиб Махфуз, аль-Ислам ва ас-сыраа аль-мабади, Каир, «аль-Ахрам», 26.VII.1976.

прозы 60-х и 70-х гг. в типологическом плане сравнимы с героями и сюжетами русской прозы конца XIX и начала XX вв. Литературное типологическое сходство, несомненно, имеет в своей основе определенное типологическое сходство также в социально-исторических ситуациях России того времени и современного Египта. Не упуская из виду значительные различия внутреннего и внешнеполитического характера, которые определяют их особенность, можно проводить многочисленные параллели и сравнения одинаковых социально-исторических явлений, получивших отражение в литературе. Основу этих явлений, конечно же, составляет однотипность формационного характера: развитие капитализма в отягощенных феодально-патриархальным наследием странах. Этому уже сопутствуют сходные явления в социальной жизни, отражающиеся в литературе: разорение крестьянства, массовая миграция в город, высокий уровень безработицы и вытекающее отсюда господство психологии люмпена и босняка, высокая преступность и жестокость тюремной системы, рост численности рабочего класса, повышение уровня его сознательности и в то же время высокая норма эксплуатации рабочих, особенно поденных, используемых как рабы на строительстве, широкое применение детского труда, заметное влияние мелкобуржуазных элементов и мелкобуржуазной психологии, засилье улемов, эрозия традиционной, патриархальной морали, страх перед будущим, неуверенность. Можно сюда добавить внешние войны, естественно, различные по характеру, но сходные по влиянию на внутреннее положение и экономику. Типологическое сходство особенно заметно при сравнении произведений Максима Горького и Нагиба Махфуза, вплоть до совпадений судеб героев произведений.

Общественно-политические события последних двух десятилетий в Египте обусловили завершение распада общедемократической литературы на две литературы, актуализацию политической направленности в творчестве демократических писателей, усиление в их произведениях антибуржуазных тенденций.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ» И «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» В АРЕ

(Некоторые итоги и тенденции)

Новый курс египетского руководства в области политики и экономики в значительной степени связан с изменениями в характере политической власти, происшедшими после смерти Г. А. Насера, когда в мае 1971 г. левое крыло правящей верхушки, возглавляемое Али Сабри, потерпело поражение и к власти пришло правое крыло во главе с А. Садатом, отражавшее интересы бюрократической буржуазии и частного капитала. В политическом плане эта группировка под видом движения за «исправление ошибок» ликвидировала многие демократические завоевания, достигнутые при Насере. Так, режим Садата устранил представителей интересов рабочих и крестьян из АСС, профсоюзов и большинства других массовых организаций, выпустил из тюрем представителей реакционных сил, вывел из политической изоляции экспроприированных ранее крупных помещиков и капиталистов, приостановил меры по секвестрации их имущества и т. д. Эти мероприятия направлены против радикально-демократических преобразований, проведенных при президенте Насере, и осуществляются в интересах национальной буржуазии. Тем самым созданы благоприятные условия для реализации ее экономических интересов, расширяется поле ее предпринимательской деятельности, растут ее прибыли, крепнет социальный слой буржуазии.

Изменения в характере политической власти и ее социальной опоре в значительной степени предопределили изменения во внутренней и внешней экономической политике А. Садата. В октябре 1973 г. был официально объявлен новый экономический курс «либерализации» и «открытых дверей», с помощью которого правительство А. Садата надеялось поправить тяжелое экономическое положение, в котором оказался Египет после израильской агрессии 1967 г. и октябрьской войны 1973 г.

Политика «либерализации» экономики в основном направлена на освобождение частного капитала от мер контроля и ограничения со стороны государства и, по существу, означает поощрение его со стороны государства, помогающего, таким образом, расширению воспроизводства частного капитала посредством предоставления благоприятных условий для инвестирования.

Политика «открытых дверей» имеет своей целью привлечение иностранного и арабского капитала в страну. Закон № 43 «Об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах», принятый в августе 1974 г., и закон № 32, принятый в июне 1977 г., юридически определили рамки деятельности иностранных вкладчиков капитала. Согласно этим законам, иностранным инвесторам разрешается вкладывать капитал во все отрасли экономики, а также банки и компании, осуществляющие операции в местной валюте совместно с египетским капиталом, разрешается перевоз прибылей и инвестируемого капитала за границу. Иностраным вкладчикам предоставляется определенная самостоятельность в управлении смешанными компаниями и найме рабочей силы.

Последствия такой политики не замедлили сказаться. Во внутриполитическом и экономическом плане эта политика укрепляет позиции египетской национальной буржуазии, добившейся наряду с иностранным капиталом снятия ряда существенных ограничений на частнопредпринимательскую деятельность. На данном этапе политика «либерализации» отражает тенденцию к расширению мелкого и среднего капиталистического предпринимательства, а следовательно, способствует развитию капитализма в стране.

Так, если в 1972 г. частным предпринимателям было выдано на строительство промышленных предприятий 280 лицензий на сумму 6,9 млн. египетских фунтов, то в 1974 г. 358 лицензий на 19,1 млн. египетских фунтов, а в 1975 г. уже 740 лицензий. Средняя сумма, приходившаяся на одну лицензию, составляла в 1972 г. 25 тыс. египетских фунтов, а в 1974 г. — 53 тыс. египетских фунтов.

В рамках этой политики определенные слои египетской буржуазии (представители торговой буржуазии, владельцы недвижимости, различные посредники, которые наживают огромные прибыли на различных махинациях с валютой, на перепродаже потребительских товаров и т. д.), получили особенно широкие возможности для быстрого обогащения.

Укрепляет свои позиции сельская буржуазия. Принятые поправки к закону об аграрной реформе аннулируют многие достижения, полученные крестьянами в ходе ее осуществления и облегчают возвращение земель крупному аграрному капиталу. Эти

поправки к закону об аграрной реформе ухудшают положение арендаторов (повышена средняя арендная плата за землю, разрешена издольщина, землевладельцы могут сгонять арендаторов с участков в случае неуплаты аренды), дают крупным землевладельцам возможность более интенсивно эксплуатировать крестьян, способствуют усилению классовой дифференциации деревни.

Крупным собственникам в сельском хозяйстве, согласно последним статистическим данным, принадлежит 2/3 всех земель, в то время как они сами составляют 7% общего числа землевладельцев. Они контролируют 85% всех имеющихся в стране сельскохозяйственных машин и механизмов.

Наряду со стимулированием частного предпринимательства, правительство АРЕ поощряет создание смешанных государственно-частных компаний, путем подписки на выпускаемые акции новых компаний государственного сектора, а также продажи части акций государственных предприятий частным лицам.

В марте 1979 г. министр финансов АРЕ Али Лутфи заявил о продаже акций компании государственного сектора на сумму 50 млн. египетских фунтов (72 млн. долл.). Ранее было объявлено о распродаже акций 35 государственных компаний в отраслях строительства, туризма, производства химикатов, а также ряда механических предприятий.

В управлении государственными предприятиями ныне допускается участие частных предпринимателей.

Поскольку закон об арабских и иностранных инвестициях в свободных зонах открыл двери перед иностранным капиталом, в Египте получила развитие тенденция на сращивание местного капитала с иностранным. Только в 1976 г. министерство промышленности одобрило 175 проектов развития частного сектора совместно с иностранным капиталом на общую сумму 225 млн. египетских фунтов. Такая тенденция является наиболее опасной, поскольку в условиях раздробленности и слабости национального капитала она будет способствовать усилению позиций иностранного капитала в экономике АРЕ.

За последние 5 лет с 1974 по 1978 гг. общий объем внешней экономической помощи Египту составил 14,6 млрд. долл., из которых на долю арабских стран приходилось 34,7% и на долю капиталистических стран свыше 63% всех кредитов и займов. При этом помощь арабских стран Египту в 1978 г. составила около 56 млн. долл., а капиталистических стран оценивалась в 1978 г. в 3,4 млрд. долл. (на долю США приходилось 988,2 млн. долл.). Большая часть иностранных кредитов и займов предназначена на оплату товаров первой необходимости, развитие инфраструктуры, погашение внешней задолженности. За счет части кредитов

предполагается сооружение ряда промышленных объектов. Так на июль месяц 1978 г. построено или находится в стадии строительства с момента объявления политики «инфитах» (1973) около 490 предприятий с объемом инвестиций в 1963 млн. египетских фунтов (2804,3 млн. долл.). В этом направлении особую активность проявляют Саудовская Аравия, ФРГ, Франция и США. Прямые иностранные капиталовложения в экономику Египта составили в 1978 г. 266 млн. долл. (в том числе 16 млн. долл. или 6% от этой суммы американские частные инвестиции).

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что иностранный капитал в основном направляется в создание банков, нефтяную промышленность (разведка и добыча нефти), строительство туристских объектов и жилых домов. Притока иностранного капитала в обрабатывающую промышленность в масштабах, ожидаемых египетским правительством, не наблюдается.

Тем не менее не следует недооценивать снятие ограничений на деятельность иностранного капитала в Египте, поскольку в перспективе такая политика открывает двери для проникновения в страну международных капиталистических монополий.

Все это, несомненно, способствует ослаблению командных позиций государственного сектора в экономике страны, сужает возможности всеобъемлющего государственного планирования. Смешанное владение государственными компаниями создает противоречия между государством и частными акционерами, поскольку держателей акций беспокоит лишь быстрее получение максимальных прибылей с вложенного капитала, а не интересы развития национальной экономики. Наряду с наметившейся тенденцией темпов более быстрого роста производства в частном секторе, это приводит к подрыву доминирующей роли госсектора в экономике и к подчинению государственного сектора интересам частного капитала.

Проводимая в настоящее время политика «либерализации» и «открытых дверей» по существу не имеет ничего общего с периодом развития в Египте госкапитализма (1952—1961), поскольку сегодня в Египте пытаются возродить, а не ограничивать подорванные капиталистические отношения, расширять влияние местного и иностранного капитала на экономику страны. В этих условиях новая роль государственного сектора определяется изменениями как в экономическом базисе, так и в самой политической надстройке. Из экономической основы революционно-демократической политики государственный сектор последовательно превращается в экономическую базу возрождающегося государственного капитализма, в эффективное подспорье национальной частнопредпринимательской буржуазии, в особенности торговой-посреднической и спекулятивной.

Усилившись экономически, определенные слои национальной буржуазии начинают оказывать все большее влияние на политику правящего режима и претендовать на политическую власть. В результате правящий режим страны стал выразителем интересов национальной буржуазии, выступающей за отказ от прогрессивных социально-экономических преобразований. Это в значительной степени предопределило изменения во внутренней и внешней политике правительства Садата после октябрьской войны 1973 г., имеющие все большую тенденцию к сдвигу вправо. Об этом свидетельствуют нападки на политику президента Насера и позиции государственного сектора, преследование последователей политического курса Насера и представителей левых сил, выхолащивание социального содержания тех прав, которые предоставлены трудящимся конституцией (например, положение о 50%-ном представительстве рабочих и крестьян в законодательных органах). Во внешнеполитическом курсе это проявляется в сближении с США и западными капиталистическими странами, в стремлении Садата решить с помощью США арабо-израильский конфликт, пренебрегая палестинской проблемой, и, наконец, в разрыве договора о дружбе и сотрудничестве с СССР и постепенном свертывании сотрудничества с социалистическими странами.

Одним из последствий новой экономической политики явилось ухудшение экономического положения Египта и благосостояния широких народных масс. Египетская экономика, несмотря на большую внешнюю помощь, продолжает оставаться в тисках серьезного кризиса, для которого характерны:

- огромная внешняя задолженность (около 12 млрд. долл.);
- инфляционный рост цен;
- большая безработица (около 16% от общего числа занятых) и неспособность улучшить положение широких слоев населения (доход на душу населения составляет около 310 долл.);
- большой дефицит внешнеторгового баланса (2,4 млрд. долл.);
- низкий уровень производственных инвестиций и неиспользование имеющихся мощностей предприятий;
- низкая производительность труда;
- демографический взрыв.

Таким образом надежда нынешнего режима поправить ухудшившееся после 1973 г. экономическое положение с помощью политики «либерализации и открытых дверей», пока что не оправдалась.

В социальном плане, проводимая политика поощрения частного предпринимательства привела к увеличению социальной дифференциации в городе и деревне, к росту паразитической прослой-

ки египетской буржуазии и ее доходов. Так, если в 1967 г. максимальное личное состояние составляло 320 тыс. египетских фунтов, то в конце 1973 г. капиталом более 1 млн. египетских фунтов владело 186 человек, 2000 семей имели общий ежегодный доход 77 млн. египетских фунтов, а 10 тысяч семей — 45,4 млн. египетских фунтов. В то же время и без того низкий жизненный уровень основной массы трудящихся постоянно снижается инфляционным ростом цен, достигающим в последнее время 25—40% в год.

Приступая к осуществлению политики «инфитах», правящий режим надеялся с ее помощью укрепить в стране свои политические и экономические позиции. Однако по прошествии 5-ти лет результаты этой политики оказались далеко не столь обнадеживающими, как этого ожидали ее творцы.

Ломка социально-политической и экономической системы, созданной при президенте Насере, дестабилизирует существующий режим, усиливает социальную дифференциацию и политическую поляризацию внутри страны. Неспособность нынешнего египетского руководства с помощью так называемой «новой экономической политики» решить остро стоящие валютно-финансовые и экономические проблемы в стране делает экономическое положение крайне неустойчивым. Дестабилизирующие действия оказывают на правящий режим политические и экономические санкции, принятые арабскими странами против Египта на совещании в Багдаде в марте 1979 г.

Однако наиболее ощутимый удар по стабильности режима А. Садата, видимо, будет нанесен в том случае, если в ближайшие 2—3 года Египту не удастся существенно улучшить экономическое положение и повысить жизненный уровень широких слоев населения.

УСИЛЕНИЕ ПРАВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЕГИПТЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Гамаль Абдель Насер был выдающимся сыном египетского народа. Он выражал чаяния в первую очередь трудящихся масс, эксплуатируемых союзом полуфеодалов землевладельцев и капиталистов.

Насер, революционный демократ угнетенной и поработенной империализмом страны, действовавший в эпоху крушения системы колониализма и роста национально-освободительной борьбы народов Арабского Востока, возглавлял антиимпериалистическую и антифеодальную революцию, переросшую в социальную революцию трудовых масс за более глубокие социально-экономические преобразования на путях к социалистической ориентации.

Прогрессивные идеи и смелые шаги Насера по египтизации иностранных монополий и национализации предприятий крупных капиталистов, индустриализации страны и созданию мощного госсектора, призванного преобразовать народное хозяйство страны на плановых началах в интересах экономической независимости — явились вызовом системе неоколониализма и арабской реакции и привели к цепной реакции процесса национализации иностранных нефтяных монополий в других арабских странах. С именем Насера связаны также прямая помощь и содействие в ускорении процесса национального освобождения Судана и Ливии, Туниса и Марокко, активная помощь национально-освободительному движению народов Африки в борьбе с колониальным режимом.

Все это вместе взятое и неутомимая борьба Насера за ликвидацию империалистических союзов и пактов на Арабском Востоке, твердая позиция в деле создания единого фронта арабских стран в борьбе за освобождение оккупированных Израилем арабских территорий и поддержка Организации Освобождения Палестины за создание своего суверенного государства, выдвинули Египет на передовую позицию арабской антиимпериалистической борьбы.

В борьбе за жизненные интересы народов Египта и арабских стран против империализма, агрессивного сионизма и арабской реакции Насер опирался на союз и бескорыстную поддержку стран социализма во главе с Советским Союзом.

В методах борьбы Насера имелись и существенные недостатки: борясь против «диктатуры реакционных классов — буржуазии и помещиков», он одновременно боролся против диктатуры пролетариата как «диктатуры одного класса», не верил в освободительную миссию рабочего класса, не давал простора организации самостоятельных, независимых профсоюзов рабочего класса, опекал их с помощью мелкобуржуазных дельцов из госаппарата. Госаппарат не был перестроен, оставался засоренным представителями буржуазной интеллигенции и обновлялся за счет представителей новой городской буржуазии и отпрысков кулачества, развивающегося в деревне после аграрной реформы. Сама земельная реформа проводилась сверху, без привлечения масс снизу, что извращало реформу в интересах помещиков и кулачества. А в деревне росли кулацкие элементы, монопольно пользовавшиеся государственными кредитами для создания рентабельных ферм. В городах выростала новая буржуазия из маклеров и посредников между госсектором и потребительским рынком, разлагающая руководство госпредприятий, ведущая его на путь стяжательства и превращающая его в бюрократическую буржуазию. Ввиду аморфности программы АСС, его руководство на местах засорялось сыновьями кулачества, а центральный аппарат — представителями новой буржуазии — нуворишей и прозападной интеллигенции, которым всегда были чужды насеровские лозунги социальных преобразований.

Авангардная социалистическая партия из представителей революционной молодежи и марксистов, о необходимости создания которой неоднократно говорил сам Насер, так и не была создана благодаря саботажу со стороны госаппарата и руководящего ядра самого АСС, где также преобладали представители новой бюрократической буржуазии и кулачества. Сама классовая стратегия АСС не была ясной и четкой, поскольку нигде не было зафиксировано, какой же из классов «Союза трудовых сил народа» является ведущим: рабочий класс или национальная буржуазия? Все это сразу после смерти Насера привело к быстрым изменениям. Новый президент — Анвар Садат — вскоре стал выразителем интересов самой реакционной части египетской буржуазии, а именно — новых капиталистов, выросших в контрактных операциях между госсектором и потребительским рынком, на спекуляциях с остродефицитными товарами и сырьем, на небольших, но допущенных операциях с международным рынком. При этом путем пол-

купа и сговора с буржуазным аппаратом госсектора эта новая буржуазия старалась разлагать госсектор, препятствовать налаживанию нормальных операций на внутреннем рынке и наживаться на спекуляции дефицитными товарами и сырьем.

Поражение Египта в результате навязанной Израилем войны в июне 1967 г. привело не только к экономическому кризису в стране, но и к оживлению надежд египетской буржуазии на провал насеровского курса прогрессивных преобразований и последующую ориентацию на капиталистический Запад, что, собственно говоря, было и целью израильского агрессора и стоящего за его спиной империализма.

Закрытие Суэцкого канала и его блокада, потеря Синая и его нефтяных ресурсов и ряд сопутствующих причин вызвали затяжной экономический кризис, несколько затормозили поступательный ход социально-экономических преобразований в стране. Июньское поражение 1967 г. обострило классовую борьбу между поднимающей голову египетской буржуазией, поддержанной духовенством и прозападной либеральной интеллигенцией, с одной стороны, и рабочим классом, феллахами и прогрессивной интеллигенцией — с другой. Маклеры, посредники, спекулянты и новое кулачество, поддержанное бюрократическим госаппаратом, пришли в движение и стали выступать за сворачивание социалистической ориентации, говорить и писать о «нерентабельности» предприятий госсектора, о необходимости поощрения частного сектора и оживления рыночных отношений в стране. Представители буржуазной идеологии стали открыто критиковать генеральный курс страны, распространяться о «вреде односторонней ориентации» на страны социализма, приведшей якобы к конфронтации с «сильным» Израилем, за спиной которого стоят США, а причину июньского поражения стали искать в самой социалистической ориентации еще при жизни Насера.

Наступление буржуазной реакции в области экономической, политической и идеологической после июньского поражения 1967 г. вызвало решительные протесты со стороны марксистов и прогрессивной общественности на страницах левых журналов «Ат-Талла» и «Аль-Катиб». Они еще при жизни Насера предупреждали египетское руководство о необходимости опоры на массы и профсоюзные организации в обуздании возросшей активности буржуазной реакции. Марксисты предупреждали, что новая буржуазия и бюрократия используют госсектор для грабежа государственного достояния и его разложения, что деревенская буржуазия захватывает в свои руки не только местные органы власти, но и аппарат АСС. При попустительстве министерства просвещения в средних учебных заведениях преподавали буржуазную философию, а

из учебных пособий было изъято все, что относится к марксизму, научному социализму, к истории достижений Советского Союза. Буржуазные идеологи под предлогом «требований национального единства», под флагом «реализма» и «здоровой демократии» уже при жизни Насера стремились лишить рабочий класс его идеологии, требовали сближения с «западной демократией», ратовали за предоставление простора развитию частной инициативы и частного сектора, а госсектор хотели поставить на службу частному сектору¹.

Буржуазно-реакционные силы после поражения Египта в 1967 г., поощряемые извне империализмом и сионизмом, организовывали в прессе крестовые походы против левых, прогрессивных сил египетского общества, используя также религию и фанатизм масс в целях национального разлада и антикоммунистической, заодно и антисоветской пропаганды в массах. Автор книги «Корни поражения», некто С. Мунджид, писал тогда, что главным виновником поражения 1967 г. «являются социалисты и революционеры, а также принципы атеистического, разрушительного социализма». Буржуазная пропаганда в Египте уже при жизни Насера обвиняла его в том, что он «привлек внимание Советского Союза к этому региону, позволяет ему строить Высотные плотины, получает отсюда пшеницу», что-де раздражает США и Израиль (!), что «если бы не они», т. е. Насер, египетские левые и дружба с СССР, то «не было бы повода для израильской агрессии, мы жили бы себе преспокойно!»².

Таким образом, контрреволюционные силы в Египте росли и готовились к перевороту еще при жизни Насера. Как только умер вождь и пришел к власти Садат, буржуазная контрреволюция сразу же воспрянула. На передний план выдвинулась теперь не национально-патриотическая промышленная буржуазия, а компрадорская — торгово-посредническая и паразитическая буржуазия из лавочников и купцов-спекулянтов, готовая на добровольное сотрудничество с иностранными монополиями и на сдачу позиций перед империализмом по всей линии. Ее представители заняли ключевые позиции в печати. С молчаливого согласия властей правые журналисты повели атаку против левых сил, против госсектора и опоры на дружбу с Советским Союзом. Последствия известны: этапы сползания на рельсы «демократии», поощрения частного капитала в ущерб госсектору, приглашение иностранных монополий, с таким трудом изгнанных Насером после революции 1952 г., майская «исправительная революция» 1971 г., совершен-

¹ «Ат-Тална», Каир, февраль, 1968.

² «Аль-Катиб», Каир, 5. VII. 1969.

ная Садатом для устранения верных Насеру соратников, сепаратное соглашение с Израилем под эгидой США о «разводе войск» на Синае в конце войны 1973 г. и т. д. Затем, по докладу президента Садата от 18 апреля 1974 г., послушным парламентом был принят так называемый «Октябрьский рабочий документ». В нем исподволь подвергались критике декреты Насера о социально-революционных преобразованиях в стране. В документе объявлялся принцип открытых дверей («инфитах») перед иностранным капиталом, чьи интересы при Насере якобы «ущемлялись под предлогом защиты социализма». Перед местным частным капиталом была открыта дорога для свободной деятельности вплоть до валютно-финансовых операций за границей и махинаций вне контроля госсектора.

Во внешней политике провозгласился курс на союз и дружбу с силами империализма, в первую очередь американского.

Все это привело к односторонней денонсации договора о дружбе и сотрудничестве с СССР, к сдаче позиций Египта в вопросе о путях урегулирования арабо-израильского конфликта, к сепаратному соглашению и договору с израильским агрессором под эгидой США и предательству интересов арабских стран и арабского населения Палестины в первую очередь. Подобные акты президента Садата вызвали ответную реакцию арабского мира и изоляцию Египта.

Политика попустительства и готовности услужить целям империализма была выражена в том, что Египет взамен обещания поднять жизненный уровень голодающего египетского народа был готов принять план маршаллизации страны, который якобы был призван укрепить экономику Египта и обеспечить во всем регионе осуществление политических целей империализма и арабской реакции по «борьбе с коммунизмом». В результате, египетское руководство постепенно становится союзником сионистского Израиля по несению жандармских функций на Ближнем Востоке и Африке против прогрессивных национально-освободительных сил, в угоду американскому империализму.

Внешняя же политика А. Садата отвечает целям и интересам египетской контрреволюции — компрадорской буржуазии. Эта группа буржуазии совершенно не заинтересована в индустриализации страны и борьбе против империализма. Наоборот, она боится масс и готова броситься против интересов народа, а потому бросается в объятия империализма и агрессивного сионизма, поскольку только таким образом она может удержаться у власти, избежать заслуженной народной мести. Такая власть не может быть популярной и долговечной, о чем свидетельствуют политические брожения в Египте.

IV. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ СТРАН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Ю. С. АЗИЗОВА

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Сам по себе процесс формирования рабочего класса есть явление принципиально новое для саудовского общества. Для того, чтобы правильно понять и объяснить особенности этого процесса, необходимо дифференцированно подходить к анализу специфики этого государства, учитывая всю совокупность своеобразных условий его развития.

Известно, что благодаря нефти, открытой в 1938 г., Саудовская Аравия из чрезвычайно отсталого экономически и политически, изолированного от внешнего мира теократического королевства превратилась в страну с реальной экономической и прежде всего финансовой мощью, имеющей значительное влияние как в межарабской, так и в мировой политике, что говорит о ее прочном статусе на мировой арене.

Интенсивное увеличение добычи нефти не только укрепило роль и престиж Саудовской Аравии в мире, но и привело к значительным сдвигам внутри саудовского общества. Одним из них явилось создание нового для него класса — класса рабочих, становление и рост которого происходит в глубоко специфических исторических, политических, экономических и социальных условиях.

Если в 20-е гг. саудовская промышленность была представлена мелкими ремесленно-кустарными мастерскими, где работало по 2—3 человека, то сейчас только на нефтепромыслах и связанных с ними предприятиях занято около 30 тысяч рабочих, составляющих ядро кадрового промышленного пролетариата Саудовской Аравии. Кроме того, возрастание доходов от нефти послужило толчком для развития саудовской экономики, в том числе и для таких ее отраслей, как электроэнергетика, транспорт, металлургическая, химическая, горнорудная, легкая, пищевая, деревообрабатывающая промышленность. Это, в свою очередь, вызывало приток рабочей силы и способствовало формированию рабочего класса. К сожалению, получить последние и притом достаточно точные статистические данные не только по отдельным категори-

ям, но и о численности рабочего класса Саудовской Аравии в целом довольно трудно. Сказывается не только слабость национальной статистики, но и существование в ней двух полярных тенденций: одна из них относит к рабочему классу все самостоятельное население (включая мелких буржуа, работающих женщин и детей, однако не пользующихся статусом наемных работников, и ряд других), вторая — лишь промышленный пролетариат (в этом случае за бортом остаются лица, занятые в сфере услуг, на мелких ремесленных предприятиях и т. п.)¹.

Тем не менее, можно отметить, что если по данным конца 50-х гг. в Саудовской Аравии насчитывалось около 80 тысяч лиц наемного труда, то в 1976 г. эта цифра колеблется от 1 млн. 286 тысяч до 1,5 млн.² (Последняя цифра, на наш взгляд, несколько завышена).

Саудийский рабочий класс социально неоднороден. Кризис кочевого животноводства, процесс разорения обезземелившихся крестьян, обнищание бедуинов вызвало приток в города свободных рабочих рук, за счет которых шло создание и пополнение саудийского рабочего класса. Однако, несмотря на то, что саудовское государство предпринимает ряд мер по ликвидации неграмотности, этой острейшей социальной болезни, тем не менее, именно по причине сплошной неграмотности и крайне низкой квалификации формировавшихся на этой основе отрядов национального рабочего класса при относительной многочисленности свободных рук, все это не избавляло от необходимости импорта квалифицированной рабочей силы из соседних арабских стран, а также из Индии, Пакистана, Ирана, Судана и даже стран Юго-Восточной Азии. По данным 1973 г. рабочих-эмигрантов насчитывается в Саудовской Аравии до 700 тысяч, а к 1980 г. предполагается увеличение этого числа до 1,5 миллионов³. Высокий процент рабочих-иностранцев — одна из особенностей рабочего класса Саудовской Аравии.

Если в социальном плане саудийский рабочий класс уже оформлен, то процесс идейно-политического формирования далеко не завершен, поскольку свою роль и место в системе общественных отношений саудийские рабочие осознают еще слабо.

Правда, рабочее движение, зародившееся в восточных провинциях страны, внесло известный вклад в решение задач анти-

¹ См. Абдель Монеим аль-Газали. Арабское профсоюзное движение, его структура и цели в нынешнюю эпоху, «Всемирное профсоюзное движение», 1975. № 9. стр. 16.

² См. "The Times", London, September 23, 1976, p. 1; "The Economist", London, 1975, vol. 255, № 6873, p. 6.

³ См. R. Graham, From Slumber to Riches: an Arabian Dream.— "New Middle East", L. 1973, № 52/53, p. 16.

империалистической борьбы, борьбы за социальный прогресс, смогло стимулировать ряд прогрессивных политических актов правительства и серьезно заявило о себе, встав на активную борьбу против господства американских монополий, против тяжелых условий труда на нефтепромыслах АРАМКО. Английский журнал «Экономист» отмечал, что по сравнению с рабочими-американцами, чьи дома в Дахране мало чем отличались от пригородных вилл в Калифорнии, рабочие-саудийцы жили «в крайней бедности и нужде» и «контраст этот поразителен»⁴.

Рабочий класс Саудовской Аравии смог подняться на самоотверженную борьбу за свои права. Однако на первом этапе их борьба носила стихийный и малоорганизованный характер. Но к середине 50-х гг. положение меняется, поскольку борьба приобретает все более явную политическую окраску. Значительно возросло забастовочное движение и первая крупная забастовка рабочих и служащих АРАМКО 17 октября 1953 г. была направлена против американского империализма. Это выступление рабочего класса Саудовской Аравии встретило всемерную поддержку трудящихся арабских стран и ознаменовало собой начало нового этапа борьбы народа за свои права, поскольку эта борьба уже не ограничивалась исключительно экономическими требованиями. О росте политического самосознания в стране свидетельствуют и такие факты как выдвижение требования об аннулировании соглашения об американской военной базе в Дахране, солидарность с египетским народом в период англо-франко-израильской агрессии в 1956 г., сопротивление «доктрине Эйзенхауэра». Рабочий класс показал себя силой, способной идти в первых рядах общенационального движения против империалистического гнета, эксплуатации, а также против внутренней и внешней политики своего правительства. Руководство национальными силами, выступающими за радикальные социально-политические изменения, за демократизацию внутривнутриполитической жизни, за изменение внешнеполитического курса, осуществляла нелегальная партия «Фронт национальных реформ», созданная в октябре 1953 г. в ходе забастовки на нефтепромыслах АРАМКО. Это была первая в истории Саудовской Аравии организационно оформленная партия, имеющая свою программу и устав. Возглавляли ее молодые образованные саудийцы: представители мелкой буржуазии, чиновники, офицеры. Свою деятельность ФНР рассматривал как составную часть национально-освободительной борьбы всех арабских народов за независимость. Объединив все антимонархические и антиимпериалистические силы, ФНР последовательно выступал за проведение национальной политики, направленной против англо-

⁴ „The Economist“, 1963, June 10, vol. 199, №61166, p. 1120.

американского империализма, за удовлетворение требований рабочего класса, выработку демократической конституции, создание парламента, за политику позитивного нейтралитета. Находясь в подполье, ФНР неоднократно опубликовывал документы, разоблачающие АРАМКО и монархический строй: «Монополистическая политика АРАМКО не преуспела в своем плане создания атмосферы подозрения и распространения вредной пропаганды среди рабочих. Наши рабочие стали более сознательными и организованными в понимании своей исторической роли в национальной борьбе»⁵.

В 1958 г. на базе этой организации была создана другая партия — Фронт национального освобождения Саудовской Аравии, которая ставила перед собой те же задачи и продолжала последовательную борьбу за достижение своих целей. Член исполнительного Комитета ФНОСА Абдулла Мухаммед заявил, что их партия борется «за создание государственного строя, выражающего народные интересы, который будет проводить политику, направленную против империализма, социализма и реакции. Мы требуем принятия демократической конституции, обеспечивающей гражданам основные свободы и гарантирующей им право на создание политических партий, профессиональных союзов, массовых общественных организаций, а также право на забастовки, демонстрации, собрания и т. д.»⁶.

Совместная борьба саудийского рабочего класса с демократическими и патриотическими силами страны безусловно расширяет феодально-теократические устои существующего строя. И тем не менее, на наш взгляд, к оценке революционной потенции саудийского пролетариата надо подходить с реалистических позиций.

Изучение различных аспектов экономического и социально-политического развития Саудовской Аравии дает основание сказать, что на данном этапе, несмотря на целый ряд антиимпериалистических и демократических выступлений рабочего класса Саудовской Аравии, на определенный рост организованности и сознательности, он еще не достиг той степени консолидации, сплочения, классового самосознания и зрелости, позволяющей ему занять роль лидера в движении за национально-демократические и революционные преобразования в стране. Это объясняется целым рядом причин.

В результате целенаправленной, продуманной политики правящие круги Саудовской Аравии, используя все рычаги воздействия.

⁵ «Аль-Джабха. Лисан джабха ат-тахарури аль-ватани аль-саудия», 1962. № 3, стр. 41.

⁶ «Проблемы мира и социализма», 1974, № 11, стр. 83—84.

все возможные силы и способы, смогли значительно снизить революционную активность масс.

Все вышеперечисленные выступления саудийских рабочих проходили в условиях жесточайшего террора, поскольку государство имеет в своем распоряжении мощный аппарат подавления. Достаточно сравнить две такие цифры: по данным на 1973 г. на образование и здравоохранение саудовские власти выделяли 3% государственного бюджета, в то время как на защиту существующего режима и военные нужды — 28%⁷. Кроме того, в тесном контакте с саудовской полицией действовали агенты Скотланд-ярда и ЦРУ, также щедро оплачиваемые Саудовской Аравией.

Государство с сильной централизованной властью взяло также под свой контроль все средства информации и национальную печать. Все 8 газет Саудовской Аравии отражают лишь официальную линию правительства, а неудобные властям органы печати закрываются.

Как отмечал ФНОСА в своем органе «Джабха», «власти закрыли журнал «Аль-Ишаа», газету «Аль-фаджр аль-джадид», «Ахбар ад-Дахран», а их владельцев бросили в тюрьмы. Такие национальные газеты, как «Аль-Касым», «Аль-халидж аль-арабийя», были переданы в руки реакционеров, при этом есть указания на то, что немалую роль в этом сыграла АРАМКО»⁸.

Далее, известно, что для выработки классового самосознания у трудящихся и его дальнейшего направления нужна огромная организаторская работа по политической подготовке, а также воспитательная работа профсоюзов. Однако господствующий в стране авторитарный режим полностью запретил деятельность каких-либо партий и профсоюзов, хотя Саудовская Аравия является членом МОТ и АОТ. Международная конфедерация арабских профсоюзов, созданная в 1956 г., сегодня объединяет все национальные профцентры арабских стран, за исключением Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

ФНР, затем ФНОСА действовали в условиях подполья. Многие его деятели были уничтожены или брошены в тюрьмы. Однако хочется отметить, что в 1975 г. на базе ФНОСА была создана Коммунистическая партия Саудовской Аравии, которая в своей программе провозгласила себя «партией рабочих, крестьян, бедняков и революционной интеллигенции»⁹.

---

⁷ «Ан-Нида», Бейрут, 12.VIII.1973.

⁸ «Аль-Джабха», № 3, 1963, стр. 24—27.

⁹ «Программа и устав Коммунистической партии Саудовской Аравии», 1975, стр. 8.

В своих действиях, согласно программе, Компартия Саудовской Аравии будет руководствоваться теорией марксизма-ленинизма. Сам по себе факт появления в столь специфических условиях коммунистической партии — есть явление принципиально новое и знаменательное. Однако на данном этапе, находясь вне закона, она поставлена в такие условия, которые не дают ей возможности осуществлять действенное руководство борьбой рабочего класса.

Другими причинами замедленного процесса повышения классового самосознания, слабой организованности и сплоченности рабочего класса Саудовской Аравии являются также отрицательное воздействие традиционных патриархальных и религиозных институтов, молодость рабочего класса (основная часть рабочих — рабочие первого поколения) и его малочисленность, а также существенное влияние политики самого государства и нефтяных монополий. Целью этой политики есть стремление искусственного сглаживания социальных противоречий, что достигается прежде всего путем завышения зарплаты определенной части рабочих. Если в 40—50-е гг. АРАМКО использовала саудийцев лишь в качестве неквалифицированной силы с соответствующей низкой оплатой труда, то после активных выступлений рабочих в 1953—1956 гг. «компания резко изменила политику, сделав ставку на создание кадров квалифицированных и полуквалифицированных рабочих-саудийцев с весьма высокой по местным условиям заработной платой. В сущности эта программа имела своей целью превращение наиболее организованного отряда нарождающегося рабочего класса в прослойку своеобразной рабочей аристократии...»¹⁰.

Кроме того, определенная часть привлекается к сотрудничеству с предпринимателями в качестве подрядчиков с соответствующей финансовой поддержкой. Если к этой цепочке прибавить также и меры по улучшению жизненных условий саудийских рабочих-нефтяников по сравнению с другими категориями лиц наемного труда и иммигрантами¹¹, предоставление им всевозможных льгот, то получим налицо яркую картину комплекса по созданию рабочей аристократии, который искусно направляется правящими

---

¹⁰ М. А. Хрусталева. Социальная структура саудийского общества, «Народы Азии и Африки», № 4, 1973, стр. 32.

¹¹ В нефтяной промышленности занята лишь небольшая часть саудовских рабочих. ... 36 тыс. человек работают также более чем на 9000 других объектах, в основном текстильной, легкой, мебельной и пищевой промышленности, а также на крупных индустриальных объектах в Рас-Тануре, Эр-Рияде, Джидде, Джубейле («The Times», 23.IX.1976, № 59816, р. 1).

кругами страны и АРАМКО на то, чтобы создать искусственные барьеры в деле сплочения рабочего класса и объединения усилий, снизить революционную активность, затруднить процесс укрепления классового самосознания трудящихся.

Таким образом, в условиях застойности традиционного общества, цепкости архаических социальных структур, которые неизбежно влекут за собой и консерватизм социального мышления, в условиях замаскированности реального характера классовых противоречий осознание рабочим классом Саудовской Аравии того, что доходы распределяются крайне неравномерно и что именно он является прямым объектом эксплуатации, происходит очень медленно.

Таким образом, на сегодняшний день формирование саудийского рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя» еще не завершен, о чем свидетельствует конкретная социально-политическая ситуация в Саудовской Аравии.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ В СУДАНЕ В 70-е гг.

Подавление в июле 1971 г. левых сил в Судане ускорило поворот режима с прогрессивного антиимпериалистического курса к военно-бюрократической диктатуре, ориентацию на военную реакцию. Президент Нимейри сосредоточил в своих руках верховную законодательную, исполнительную, судебную и военную власть, закрепленную в конституции 1973 г. и чрезвычайных законах. Взамен распущенных политических партий была создана общенациональная организация — Суданский Социалистический Союз (ССС) по типу Арабского Социалистического Союза в Египте. Этому руководящему органу подчинены подвергшиеся реорганизации профсоюзы, союзы крестьян, молодежи и женщин. Главные посты в парламенте, правительстве, армии, полиции, СССР и массовых организациях заняли ставленники президента. Режим личной власти опирается на крупную суданскую буржуазию, связанную с неокOLONIALИЗМОМ, на бюрократию, армию и полицию, а во вне ориентируется на правые арабские режимы и империализм.

За 9 лет существования нынешнего режима Судан мало продвинулся в экономическом и социальном развитии и по-прежнему числится среди 25 самых отсталых и бедных стран мира. Среднегодовой доход на душу населения составил в 1976 г. 175 долл. в ценах 1970 г., а на Юге и других окраинах значительно меньше. Правительство стало на путь сотрудничества с крупной национальной буржуазией и неокOLONIALИЗМОМ, затормозило отношения с социалистическими странами. Конфискованные ранее предприятия возвращены их прежним владельцам, объявлена политика «открытых дверей», приняты законы о гарантиях частных капиталовложений в суданскую экономику от конфискации и национализации, об их репатриации, освобождении их от налогообложения и т. д. Остро нуждаясь в современной технологии и вооружении, а также в денежных средствах для их приобретения и реализа-

ции, суданское правительство, вопреки решению Лиги арабских стран, восстановило в декабре 1971 г. дипломатические отношения с ФРГ, в июле 1972 г. с США¹, а в 1973 г. деловое сотрудничество с Великобританией и другими западными государствами.

Западные державы и контролируемые США международные банки (МБРР, МВФ) заключили с Суданом кабальные договоры о займах и кредитах (из расчета 6% годовых), соглашения о «помощи» и торговые договоры, внедрили в суданскую экономику, получили экономические и политические привилегии. Две американские компании получили концессии на разведку нефти на территории общей площадью равной половине территории Судана. Миллиардер Рокфеллер открыл в Хартуме филиал банка «Чейз Манхэттен»². Суданское правительство согласилось выплатить Великобритании компенсацию за национализированные в 1970 г. банки и компании в сумме 20 млн. суданских фунтов, что превышало «помощь» с ее стороны Судану в сумме 15,7 млн. суданских фунтов³. В благодарность ФРГ за «помощь» президент Судана помиловал и освободил из заключения западногерманского наемника, нациста Штайнера, приговоренного к смертной казни за участие в войне на стороне южносуданских сепаратистов. Подобной политической уступкой за признание и помощь Саудовской Аравии заплатило хартумское правительство, выпустив на свободу в 1974 г. и разрешив выезд из страны лидеру оппозиции председателю партии Аль-Умма Садыку аль-Махди и его сторонникам. Король Фейсал предоставил Судану гарантии займов арабских и западных стран на сумму 200 млн. долл. Гарантии не распространялись на займы социалистических стран. Для реализации займов, получаемых под гарантии Саудовской Аравии, в Хартуме обосновалась «Организация суданского развития», которая стимулировала проникновение саудовского капитала в страну. Саудовские миллионеры финансируют ряд крупныхстроек в Судане, осуществляемых западными фирмами: нефтеперерабатывающий завод в Порт-Судане, проводку кабеля по дну Красного моря из Саудовской Аравии в Судан, концессии на создание животноводческих и полеводческих комплексов общей площадью в четверть миллиона га и другие. В 1977 г. в Хартуме открыт «Исламский банк Фейсал», его главным акционером стал эмир Мохаммед Фейсал ас-Сауд. Суданскому правительству принадлежит 40% акций⁴. Саудовская Аравия стала главным кредитором Судана.

¹ «Ас-Сахафа», Хартум, 2.VII.1972.

² «Аль-Айям», Хартум, 21.I.1975.

³ „The Times“, London, 4.V.1973.

⁴ «Аль-Айям», 10.V. 1977.

В 1977 г. суданское правительство приняло амбициозный шестилетний план экономического и социального развития страны на 1977/78—1982/83 гг. Общий объем капиталовложений определен в 2,7 млрд. ф. ст. (7,8 млрд. долл.), из которых 52% предстояло получить извне. В первый год шестилетки удалось привлечь извне лишь 97 млн. суданских фунтов вместо планируемых 234 млн., что свидетельствовало о шаткости финансовой базы плана⁵. В план были включены экономические и социальные проекты, осуществляемые и планируемые. Основное внимание уделялось инфраструктуре, в том числе гидрокомплексу на р. Рахад, финансируемому Арабским фондом экономического развития, МБРР и правительством США, судано-египетскому проекту канала Джонгли-Малакаль в Южном Судане, а также строительству сахарных и текстильных предприятий. Частные и национальные иностранные компании строили и эксплуатировали сотни мелких предприятий обрабатывающей промышленности.

Интегрирование Судана в мировое капиталистическое хозяйство пагубно влияет на его экономику. Переживаемый с 1974 г. капитализмом экономический и финансовый кризис, повышение цен на промышленные товары Запада при сохранении низких цен на сельскохозяйственное сырье, инфляция, непомерно большие расходы на престижные стройки, превышающие доходы от государственных предприятий Судана — все это вместе дезорганизовало экономику и финансы страны. Дефицит платежного баланса увеличился с 87 млн. долл. в 1976/77 г. до 319 млн. в 1977/78 г. Задолженность правительства Банку Судана в 1977/78 г. составила 1,7 млрд. долл. Внешняя задолженность на июль 1976 г. достигла 1,1 млрд. долл. (в том числе арабским странам — 408 млн., США и Западной Европе — 335 млн., международным организациям — 237 млн.) и продолжает расти. Сумма невыплаченных долгов возросла с 492 млн. долл. в 1974 г. до 600 млн. долл. в 1978 г., на их погашение затрачивалось 30—40% стоимости суданского экспорта⁶. Кредиторы оказывали нажим на Судан, требуя выплаты долгов, Великобритания сократила выдачу лицензий на краткосрочное кредитование, МВФ и Саудовская Аравия вынудили суданское правительство объявить в июле 1978 г. девальвацию суданского фунта на 13%, с 2,98 до 2,5 долл. за фунт, а также заморозить крупные проекты развития. Выполнение шестилетнего плана было сорвано.

Выход из финансового кризиса правительство стремится осуществить за счет народных масс: сокращает импорт, расходы на

---

⁵ „The Financial Times“, London, 13.VII.1978.

⁶ БИКИ, Москва, 24.VI.1978.

социальные нужды, повышает прямые и косвенные налоги, замораживает зарплаты рабочих и мелких служащих. Растет армия безработных, сотни тысяч суданцев в поисках заработка эмигрируют в нефтедобывающие арабские страны. Жизненный уровень населения снижается. От недоедания ежегодно умирает 30—40% новорожденных детей. Обостряются социальные противоречия в стране.

Для внутривнутриполитической обстановки в Судане характерна хроническая нестабильность. Правительство подвергается атакам слева — со стороны прогрессивных сил и справа — со стороны религиозно-общинных организаций. Не удалось правительству и замирить окончательно Юг и другие национальные окраины, хотя в этом плане было предпринято немало усилий. Вначале предоставление в 1972 г. формальной автономии Югу, допуск здесь к власти лидеров сепаратистского движения и включение партизан из отрядов сепаратистов «Ань-Нья» в армию и полицию способствовали затуханию гражданской войны на Юге, возвращению к мирному труду миллиона беженцев-южносуданцев, восстановлению разоренного войной региона. Распространение на Юг политики «открытых дверей», проникновение арабского и западного капитала, восстановление и строительство ряда предприятий обрабатывающей промышленности, создание сельскохозяйственных плантаций, строительство дорог — все эти факторы ускоряют разложение феодально-племенных отношений, развитие капитализма, формирование рабочего класса, а вместе с тем — закабаление Юга неокOLONиализмом, усиление эксплуатации трудящихся и ограбление страны.

Соглашение 1972 г. между хартумским режимом и южносуданскими сепаратистами носит тактический, а не стратегический характер. Сепаратисты согласились на прекращение военных действий ввиду их бесперспективности и получили реальную власть на Юге, но не оставили надежды на отделение Юга и создание самостоятельного государства. Хартумское правительство при поддержке правых арабских режимов, в свою очередь, стремится свести на нет автономию Юга, исламизировать и арабизировать его население, что вызывает рецидивы сепаратистских выступлений южносуданцев, подогреваемые извне агентурой Израиля и других врагов арабов. Так, в октябре 1974 г. происходили антиарабские выступления учащихся Джубы в связи с подписанием судано-египетского соглашения о строительстве на Юге канала Джонгли-Малакаль. В марте 1975 г. восстали солдаты-южносуданцы в гарнизоне г. Акоба, 10 тысяч южносуданцев ушло в Эфиопию. В феврале 1976 г. были подавлены аналогичные восстания в Вау и других местах, а в марте того же года, в этой связи арестованы два депутата южносуданского парламента руководители

сепаратистского заговора. В феврале 1977 г. была пресечена попытка государственного переворота в столице южного Судана — Джубе.

Хартумское правительство произвело перетряску парламента и правительства автономного Юга, заменив некоторых бывших сепаратистов другими, но это не меняет остроты проблемы. Суданская компартия осудила блокирование правительства Судана с сепаратистами Юга; она требует создания на Юге автономного правительства, члены которого поддерживали бы идеи независимости и единства Судана⁷.

Несмотря на террор, СКП устояла и вместе с другими прогрессивными силами борется за создание Национально-демократического фронта, объединяющего рабочих, крестьян, революционную интеллигенцию и всех патриотов страны. Возглавляемые СКП антиправительственные выступления трудящихся: митинги, демонстрации, забастовки вовлекают широкие массы в активное политическое движение за демократизацию государственного строя, ликвидацию неокolonизма и решение других актуальных задач.

С другой стороны, борьбу против режима вели традиционалистские круги, объединившиеся в «Национальный фронт». Они использовали авантюристические методы заговоров и путчей, в которых бессмысленно погибли тысячи суданцев. СКП отвергла эти методы борьбы, отмежевалась от «Национального фронта», разъясняла массам, что его лидеры остаются приверженцами исламской конституции, неограниченной власти президента, направленной на подавление трудящихся, проведение буржуазных реформ, укрепление позиций иностранного капитала в Судане.

Правительство раскрыло и подавило до полутора десятков заговоров и восстаний в суданской армии, на Юге и в других районах страны, организованных «Национальным фронтом» и сепаратистами, но оказавшись не в силах стабилизировать положение в стране, пошло на сближение с Египтом. В 1974—1977 гг. правительства Судана и Египта подписали и начали осуществлять ряд соглашений и совместных проектов по экономической, политической и культурной интеграции двух стран. В июле 1976 г. после подавления в Судане опасного восстания, организованного «Национальным фронтом», был заключен судано-египетский договор о совместной обороне. В соответствии с договором было создано объединенное судано-египетское командование, в Судане дислоцировались египетские войска⁸.

⁷ «Национальные проблемы современного Востока», М., 1977, стр. 67—80.

⁸ «Ас-Сахафа», 16.III.1977.

Под нажимом Саудовской Аравии хартумское правительство пошло на примирение с правой оппозицией в июле 1977 г. В Судан возвратились 1,5 тыс. политэмигрантов из Эфиопии и 3 тыс. из Ливии во главе с их лидерами Садыком аль-Махди и Шарифом аль-Хинди, ранее заочно приговоренными суданским трибуналом к смертной казни. «Национальный фронт» был распущен, его сторонники в Судане амнистированы и освобождены из тюрем и концлагерей. Многим деятелям секты Аль-Ансар и партии Аль-Умма их собственность, конфискованная ранее, была возвращена или компенсирована участками земли и деньгами. Некоторые лидеры правой оппозиции вошли в состав правительственных органов, в том числе в политбюро ССС (Садык аль-Махди, Ахмед аль-Махди, Хасан ат-Тураби). Однако «Национальное примирение» остается шатким; борьба за власть между двумя правыми группировками продолжается. Особенно острые противоречия и критика в адрес правительства развернулись в связи с внешнеполитическим курсом Судана.

Под нажимом империализма США и правых арабских режимов Судан стал младшим партнером Египта в подавлении национально-освободительных движений на Ближнем Востоке и в Африке⁹. Суданские войска участвовали в подавлении патристических сил и палестинских отрядов в Ливане. Правительство вмешалось в гражданскую войну в Омане на стороне султана Кабуса, отправив ему оружие для подавления патристических сил в Дофаре. Судан поддержал империалистическую интервенцию в Анголе, а также инспирированную империализмом интервенцию Египта и Марокко в Заире. Суданские войска присоединились к агрессивным акциям Египта против арабского государства — Ливии, правительство которой разоблачало капитулянтскую политику президента Садата. Суданское правительство прилагало немало усилий для осуществления американо-суданского плана сколачивания агрессивного Красноморского блока и с этой целью оказывало большую помощь эритрейским сепаратистам и сомалийским агрессорам в их войне против Эфиопии с целью расчленения страны и свержения революционного правительства¹⁰.

Лидеры правой оппозиции требовали проведения Суданом нейтралистского курса, восстановления отношений с Ливией и Эфиопией, расширения сотрудничества с социалистическими государствами, ослабления зависимости Судана от Египта. Пренебрегая требованиями оппозиции, президент Нимейри продолжал поддерживать капитулянтский курс Садата и подписанные им в

⁹ „Guardian“, London, 29. 7. 1977.

¹⁰ «Аль-Мустакбаль», Париж, ноябрь, 1978.

Кэмп-Дэвиде соглашения с Израилем под контролем США. В Судане разразился политический кризис. Парламентские комиссии по иностранным делам и юридическим вопросам рекомендовали категорически отвергнуть Кэмп-Дэвидские соглашения. Видные деятели ССС, ряд депутатов парламента и министров подали в отставку в знак протеста против позиции президента в арабо-израильских отношениях. В городах и селах страны проходили массовые народные демонстрации. Лидеры распущенного «Национального фронта» организовали серию новых заговоров и восстаний. Лишь с 20 марта по 10 апреля 1979 г. были подавлены египетскими войсками три восстания частей суданской армии: в Хартуме, Омдурмане и Эль-Обейде¹¹. Власть фактически временно перешла к вице-президенту Мухаммеду Ибрагиму. Встревоженный за судьбу хартумского режима президент Садат послал в Судан вице-президента Египта Хусни Мубарака. Туда же прибыли американская и египетская военные миссии, а в Порт-Судан с «дружеским визитом» — французские и египетские миноносцы.

Вскоре после этого, накануне конференции министров экономики и иностранных дел в Багдаде, президент Нимейри вылетел в Лондон дабы избежать участия Судана в обсуждении вопроса египетско-израильской сепаратной сделки. Переговоры президента Нимейри в Лондоне с лидерами суданской правой оппозиции и в Ливерпуле — с лидерами левой не принесли ему успеха. И правые и левые выступили против его внешнеполитического курса и поддержки президента Садата. Вынужденный маневрировать президент Нимейри по возвращении в Судан в ряде интервью высказывался и в поддержку общеарабской позиции (за возвращение арабам Иерусалима, вывод израильских войск с оккупированных территорий, обеспечение законных прав народа Палестины)¹², и в защиту президента Садата¹³.

Экономическое, социальное и политическое положение в Судане наглядно иллюстрирует несостоятельность антинародного прозападного курса нынешнего режима.

---

¹¹ «Ар-Рай аль-Ам», Кувейт, 15.IV.1979.

¹² «Аль-Ватан», Кувейт, 10.IV.1979.

¹³ «Аль-Айям», 19.V.1979.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУНИСА В 70-е гг.

Тунис со времени завоевания политической независимости прошел сложный и противоречивый путь развития. Политика Социалистической дестуровской партии и тунисского правительства характеризовалась непоследовательностью, резкими сменами курса, компромиссами и колебаниями, свойственными мелкой буржуазии. «Мелкая буржуазия,— писал секретарь Тунисской коммунистической партии Мохаммед Хармель, оценивая политику СДП,—мечется в поисках путей экономического развития отсталой страны, лавирует и маневрирует в условиях нарастания классовой активности основных социальных классов и слоев, пытается сохранить при этом руководящую роль и не может преодолеть тяготения к капиталистическому пути развития¹.

В первые годы после независимости Тунис проводил политику, получившую название «экономического либерализма», которая выражалась в полной свободе частного предпринимательства. В этот период делалась ставка на национальный частный капитал в надежде на то, что свобода частного предпринимательства при условии создания соответствующих таможенных барьеров обеспечит необходимые для преодоления отсталости темпы роста производства.

Однако невозможность разрешить кардинальные проблемы социально-экономического развития страны на путях частного предпринимательства, а также давление низовых партийных и профсоюзных организаций, выступавших против этого курса, заставили правительство в начале 60-х гг. отказаться от политики «экономического либерализма». К тому же революционные сдвиги в арабском мире, особенно в Алжире и Египте, еще более усилили недовольство масс уступками капитализму.

1962—1969 гг.—это новый этап социально-экономического

¹ «Проблемы мира и социализма», 1968, № 8, стр. 56.

развития Туниса, получивший в советской и зарубежной печати название «эксперимента Бен Салаха». В этот период под руководством Бен Салаха, который возглавлял 6 министерств и являлся фактически правой рукой президента Бургибы, были осуществлены прогрессивные мероприятия, направленные на становление независимой экономики: введено планирование, взят курс на ускоренную индустриализацию, производственную кооперацию в сельском хозяйстве, этатизацию промышленности и торговли. Характерно, что переход к политике планирования и государственного регулирования сопровождался заметным спадом забастовочного движения. В 1956 г. было 252 забастовки, в 1966 г. — 5. Рабочий класс в целом поддерживал курс Бен Салаха.

Тунисская коммунистическая партия положительно оценивала деятельность Бен Салаха. По мнению коммунистов, его заслуга заключалась в том, что он сумел выйти за рамки мелкобуржуазного реформизма, осознав необходимость более глубоких экономических и социальных преобразований².

Реформы Бен Салаха при всей своей умеренности вызвали недовольство не только крупных, но и мелких предпринимателей, торгово-земельной буржуазии, зажиточного крестьянства. Умеренное крыло СДП, умело используя объективные трудности, при поддержке международных финансовых кругов, сумело покончить с экспериментом Бен Салаха и изменить курс правительства вправо.

С сентября 1969 г. начался новый, третий этап в социально-экономической политике тунисского государства — этап постепенного отхода от политики прогрессивных социально-экономических преобразований. Один из экономических тезисов «дестуровского социализма» о существовании в тунисской экономике государственного, кооперативного и частного секторов стал трактоваться в пользу последнего. Кооперативное движение в сельском хозяйстве было прекращено. Вслед за сельским хозяйством стала осуществляться широкая реприватизация во всех остальных сферах экономической деятельности. Начался роспуск торговых кооперативов и разрешена свобода оптовой торговли. Управление промышленностью стало перестраиваться на основе свободных рыночных отношений.

Несмотря на формальное сохранение лозунга «равных прав и возможностей трех секторов», фактически поощрялась частнокапиталистическая форма хозяйствования. В страну стал интенсивно поступать частный иностранный капитал. Для частных вложений предоставлялся широкий выбор. За центральной властью

² „Pour une nouvelle alternative progressiste et democratique en Tunisie“, (6. м.), 1974, p. 7.

сохранились исключительные полномочия на развитие лишь нескольких наиболее важных отраслей (например, черная металлургия).

В период проведения так называемой «новой экономической политики» исключительно удачно сложилась экономическая конъюнктура, благодаря чему были выполнены или близки к выполнению все плановые наметки. Однако успехи хозяйственного развития не означали повышения жизненного уровня народных масс. Отдельные меры правительства по стабилизации цен, по повышению гарантированного минимума заработной платы в контексте более широкой социальной политики следует расценивать как весьма умеренные, так как они по существу не затрагивали первопричины имущественного неравенства. В Тунисе наблюдается большой разрыв в доходах основной массы населения и группы, занимающей вершину социальной пирамиды. В начале 70-х гг. 5% населения, представляющих наиболее зажиточные слои, сосредоточивали в своих руках 22% всех индивидуальных доходов³. С 1973 г. по 1976 г. зарплата потеряла 22% своей покупательной способности. Безработица возрастала в год на 11%. Усилилось разорение крестьян и миграция их в города. Трудовая эмиграция за границу, в частности во Францию, увеличилась за 4 года (с 1973 по 1976 гг.) на 50%⁴.

Новый курс правительства сопровождался усилением репрессий против прогрессивных сил и еще большим ущемлением демократических свобод. Как отмечала в 1977 г. в своем заявлении Международная ассоциация юристов-демократов, за истекшее десятилетие в Тунисе прошло 22 политических процесса.

На новом этапе развития значительно обострились противоречия как внутри самой правящей верхушки, так и вне ее. В середине 70-х гг. однопартийный режим стал всего лишь официальным фасадом, поскольку в стране заявили о себе около десятка более или менее организованных оппозиционных движений.

Значительно активизировалась деятельность руководимого из-за рубежа Движения народного единства (ДНЕ), лидером которого является Бен Салах, в феврале 1973 г. бежавший из тюрьмы. Идеологическая платформа ДНЕ весьма распылчата. К его сторонникам относят представителей технократии, высшей прослойки служащих, а также университетских кругов. Слабость движения предопределяется отсутствием сколько-нибудь широкой массовой базы и, прежде всего, недоверием со стороны крестьянства.

³ «Тунис. Справочник», М., 1978, стр. 163.

⁴ „France nouvelle“, Paris, 3. VII. 1978.

Усилили свою деятельность так называемые «либералы», объединившиеся в организацию «Движение социалистов-демократов». «Либералы» — это типичные представители имущих классов и национальной буржуазии. Мало чем отличаясь от стоящей у власти группировки, они не выступают, да и не могут выступать с конкретной программой коренных преобразований в интересах широких народных масс или даже с какими-либо самостоятельными идеями о развитии страны. Признавая однопартийную систему, они вместе с тем ратуют за легализацию оппозиции. Их политическое кредо — ограничение режима личной власти. Однако их требование демократизации общественной жизни создает основу для наведения мостов между этим движением и левыми организациями и поддерживается коммунистами.

Недовольство мелкобуржуазных слоев, особенно малообеспеченной части интеллигенции и студенчества, нашло свое отражение в студенческих беспорядках и активизации деятельности различных экстремистских групп. Существовавшая с 1963 г. группа «Перспектив» распалась на две подпольные гошнестские организации — Союз марксистско-ленинской борьбы в Тунисе и Тунисскую марксистско-ленинскую группу. В середине 60-х гг. образовалось тунисское региональное руководство партии Баас, которое в 1966 г., после событий в Сирии, раскололось на две части.

Подлинным организатором рабочих и пролетарских масс является Тунисская коммунистическая партия, которая расценила смещение Бен Салаха как «переворот», развязанный в пользу всех прокапиталистических сил». В трудных условиях политических репрессий коммунисты не сложили оружия. Проанализировав сущность существующего в стране положения, характеризующегося усилением прокапиталистических сил и растущим сопротивлением этим силам со стороны трудящихся, ТКП выступила в 1974 г. с программным заявлением «За новую и демократическую альтернативу», обосновывающим ее политическую линию на данном этапе. ТКП отмечает, что борьба за данную альтернативу неотделима от борьбы за демократизацию внутривластной жизни, сохранение конституционных гарантий и гражданских свобод.

После 1968 и 1969 гг., когда статистика зарегистрировала лишь по одной забастовке в год, начался новый подъем рабочего движения. Забастовочное движение охватывало все новые и новые отрасли. Оно перекинулось и на государственные предприятия. В 1976 г. по стране прокатилась мощная волна забастовок. Профсоюзные лидеры, поддерживая пресловутый дестуровский тезис о «социальном мире», старались тормозить стихийно растущее рабочее движение. В подавляющем большинстве случаев руководство профсоюзов объявляло забастовки нелегальными.

Для борьбы с рабочим движением власти решили вновь опереться на профсоюзный центр, предложив политику «социального компромисса». В январе 1977 г. на совместном заседании правительства, политбюро СДП, Исполнительного бюро Всеобщего тунического объединения труда (ВТОТ) и ряда других профсоюзных организаций был выработан так называемый «социальный пакт». Социальные партнеры, т. е. с одной стороны правительство, с другой — профсоюзные организации, подписали на период 5-летнего плана развития (1977—1981) договор, в соответствии с которым они взяли на себя обязательства по сохранению социального мира, увеличению производства, а также по улучшению покупательной способности, условий труда и жизни трудящихся. Одновременно была достигнута договоренность о том, что заработная плата будет пересматриваться каждый раз, когда уровень цен возрастет более чем на 5% и установится на этом уровне в течение шести месяцев. Профсоюзное руководство, со своей стороны, должно было препятствовать росту рабочего движения⁵.

Однако забастовочное движение в конце 1977—начале 1978 гг. приняло такие размеры (452 забастовки), что лидер профсоюзов Хабиб Ашур, в течение долгих лет придерживавшийся соглашения с политической властью, счел для себя политически невыгодным игнорировать этот фактор. Он решил включиться в политическую борьбу за власть в стране, используя свое влияние на рабочие массы. Руководство профсоюзов поддержало ряд забастовок в конце 1977 г., вступив тем самым в открытую конфронтацию с правительственными кругами. В январе 1978 г. Хабиб Ашур вышел из состава политбюро СДП в знак протеста против политической, экономической и социальной политики правительства.

Обострение классовой борьбы привело к неизбежному в таких случаях ускорению размежевания политических сил. Столкновение различных группировок в самой дестуровской партии по вопросу об отношении к рабочему движению вызвало беспрецедентный в истории страны правительственный кризис. Правящая группа разделилась на «жесткое» течение, ратующее за твердость в отношении профсоюзов, и «умеренное», высказывавшееся в пользу «примирения и диалога» для разрешения социальных конфликтов. Сторонниками жесткого течения были премьер-министр Хеди Нуира и директор Социалистической дестуровской партии Мохаммед Сайях. В этой внутриполитической борьбе их поддержал Бургиба. Министр внутренних дел Тахар Бельходжа, публично осуждавший использование армии для разгона забастовок, 23 декабря 1977 г. был уволен в отставку. Из солидарности с ним ушло в отставку еще 6 министров. Ожидали, что Бургиба

⁵ „Jeune Afrique“, 4. II. 1977, p. 26.

проявил более гибкую тактику. Однако он принял отставки и назначил 7 новых министров, тем самым укрепив позиции Нунра. По словам комментатора тунисского телевидения, Бургиба, таким образом, «положил конец маневрам тех, кто хотел создать вакуум вокруг премьер-министра»⁶.

Обострение социально-политической обстановки достигло своего апогея в событиях 26 января 1978 г. В этот день Всеобщее тунисское объединение труда решило объявить 24-часовую забастовку в знак протеста против давления на профсоюзы, против беспорядков и столкновений в штабах региональных союзов труда, на которые совершали погромные набеги сторонники дестуровской партии.

Забастовка началась 26 января и охватила все отрасли национальной экономики. Власти сразу же объявили ее нелегальной. В город были введены армейские части, которые совместно с усиленными нарядами полицейских использовались для разгона демонстрантов. Войска блокировали штаб-квартиру ВТОТ и профсоюзные руководители не имели возможности вмешаться в ход забастовки. В результате произошел неконтролируемый взрыв, был разгромлен ряд учреждений. В своем заявлении по поводу событий 26 января руководители ТКП отмечали, что забастовку, проводимую трудящимися, не следует прямо отождествлять с уличными демонстрациями и актами насилия, совершенными подростками и молодыми людьми в результате анархического взрыва.

В результате столкновений с демонстрантами, было убито и ранено свыше 300 человек⁷. 27 января в стране было введено осадное положение, продолжавшееся месяц. Руководители профсоюзов, в том числе Халиб Ашур и профсоюзные активисты — всего 400 человек — были арестованы.

Завершающим актом в столкновении правительства с профсоюзами стал 15 чрезвычайный съезд профсоюзов, который прошел по заранее подготовленному сценарию 25 февраля 1978 г. На нем были избраны новые руководящие органы ВТОТ, генеральным секретарем ВТОТ стал Тихани Абид. Съезд заверил правительство и Политбюро СДП в своей преданности и подтвердил готовность следовать правительственному курсу в социальной политике. Профсоюзная организация вновь стала придатком партийно-государственного аппарата.

Итак, социально-политическая ситуация нынешнего Туниса характеризуется следующими чертами.

---

⁶ „Le Monde“, Paris, 10.1.1978.

⁷ «За рубежом», 1978. № 7, стр. 10.

После 1969 г. Тунис вступил в третий этап своего социально-экономического развития. Политический переворот 1969 г. и «новая экономическая политика» означали по существу отказ от попыток найти свой тот или иной «дестуровский» путь развития. Как отмечали тунисские коммунисты, «социалистические лозунги» после 1969 г. полностью утратили свое содержание. Капиталистический путь развития, на который прочно встал Тунис, позволит стране достигнуть лишь ограниченных результатов и, прежде всего потому, что сложившиеся ныне в международной капиталистической системе условия исключают возможность разностороннего развития страны; кроме того, любая ориентация на капитализм вызывает внутренние противоречия.

Крен в сторону частногохозяйственного капитализма сопровождался обострением социальных противоречий и ухудшением положения народных масс, усилением репрессий против трудящихся, обострением политической борьбы.

Тунисская компартия, поддерживавшая до 1969 г. прогрессивные аспекты курса Бен Салаха, выступает с критикой нового экономического курса и с позитивной программой экономического развития страны.

В Тунисе, несмотря на официальный тезис о национальном единстве, об отсутствии в стране классовой и политической борьбы, в настоящее время существует несколько оппозиционных течений. Их противоречия с властями не носят абсолютного характера и программы их весьма расплывчаты. Но все они высказываются за демократизацию общественной жизни, поэтому встречают поддержку со стороны коммунистов. Все они не имеют сколько-нибудь серьезной социально-классовой базы. Кроме того, позиция отдельных группировок, судя по их заявлениям, определяется тем, что они откладывают выяснение своих основных разногласий на период после Бургибы, когда эти разногласия и их концепции выявятся более четко. Однако следует ожидать, что в будущем на политической арене Туниса выступят новые силы, вместе с ними появятся и новые противоречия, а следовательно, общественному развитию будут присущи иные черты.

Одной из этих сил, бесспорно, явится рабочее движение. Рабочее движение в Тунисе на протяжении последнего времени развивалось стихийно. Руководство профсоюзами находилось в руках правящей партии. Поэтому нельзя отождествлять рабочее движение и профсоюзную организацию. Разногласия между правительством и лидерами ВТОТ были не чем иным как верхушечной борьбой за власть.

Однако, несмотря на отсутствие профорганизации, способной возглавить рабочее движение и отстаивать классовые интересы

трудящихся, пролетариат Туниса в классовых боях 1977—1978 гг. продемонстрировал свою сознательность и организованность.

Правящей верхушке удалось одержать временную победу над рабочим движением, поставить во главе профсоюзов послушное руководство, склонное вернуться в рамки социального компромисса. Однако отмеченный XXV съездом КПСС сложный процесс размежевания социально-классовых сил, нарастания борьбы в освободившихся странах не может не привести к новому социальному взрыву.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ СТРАН АРАВИИ

Капиталистическое развитие нефтедобывающих стран Аравии создало к настоящему времени ситуацию, в которой государственный феодально-монополистический сектор занял господствующие позиции в этих странах, стал фактором, определяющим и направляющим капиталистическое развитие. Феодальная элита, полностью контролирующая этот сектор, находится в настоящее время в процессе капитализации, в целом, весьма далеко от завершения. Поэтому она все еще рассматривает развитие капитализма как явление, принесшее колоссальные перемены в материальной сфере, но, одновременно, грозящее разрушить привычный строй жизни, традиции и обычаи, на которых держится вся архаическая феодальная надстройка. Это дает основание сделать вывод, что государственный феодально-монополистический сектор этих стран, став капиталистическим по содержанию, все еще остается не совсем буржуазным по форме.

Одной из главных особенностей развития этих стран, на наш взгляд, стало всемерное ограничение процесса капиталистического развития исключительно сферой экономики. Правящая элита аравийских монархий пытается искусственно изолировать все прочие области жизни общества от воздействия быстро растущих капиталистических производственных отношений, не допустить проникновения буржуазных идей в сферу социальных отношений и идеологии. Она пытается изолировать экономический рост от социального развития, ведущего к глубоким классовым сдвигам, сохранить старую феодальную надстройку при капиталистической трансформации базиса.

Одним из важнейших элементов стратегии экономического развития этих стран стала идея «партнерства» с иностранным капиталом. Речь идет о стремлении правящей феодальной элиты сохранить и расширить прямые связи между местным (государ-

ственным и частным) и иностранным капиталом, изначально определяющие развитие капитализма во всех нефтедобывающих странах Аравии. Это придает местной буржуазии, особенно ее верхушке, компрадорский характер, определяет ее, в целом, подчиненное положение, тормозит и частично нейтрализует естественное в капиталистических странах стремление буржуазии к самостоятельности, контролю над политической властью, уменьшению зависимости от иностранного капитала.

Государственно-монополистический капитализм в его особой «аравийской» форме не только опирается в области экономического развития на западную модель, современную технологию и средства производства, но и сознательно стремится к прямому участию иностранного капитала в экономическом развитии этих стран. «Партнерство» должно обеспечивать, таким образом, интеграцию развивающейся экономики страны в мировое капиталистическое хозяйство, стать основой процесса сращивания новой феодально-монополистической элиты с мировым финансовым капиталом.

Анализ стратегии социального развития монархий Аравии приводит нас к выводу, что одной из основных ее особенностей стало стремление к достижению «социального мира» внутри общества в национальном масштабе, превращение граждан этих стран в привилегированную элиту, часто составляющую меньшинство всего населения или фактически занятых¹.

В отличие от прочих развивающихся стран, страдающих от огромного избытка трудовых ресурсов, нефтедобывающие страны Аравии вынуждены импортировать рабочую силу в постоянно растущих масштабах как для производительных отраслей экономики, так и для сферы услуг. В этой связи в них возник целый ряд острых и чрезвычайно для них актуальных экономических, социальных и демографических проблем. Общей чертой в их подходе к иностранной рабочей силе стало ограничение прав иностранных рабочих в сравнении с гражданами аравийских монархий. На иностранцев повсеместно не распространяется целый ряд положений трудового законодательства, они не могут вступить в профсоюзы там, где они вообще имеются.

---

¹ Население—до или в начале нефтяной эры и сейчас: Бахрейн: 1941 г.—90 тыс. чел., 1978 г.—341 тыс. чел. (в 3,8 раза); Кувейт: 1937 г.—75 тыс. чел., 1976 г.—1.055 тыс. чел. (в 14 раз); Катар: 1945 г.—от 25 до 50 тыс. чел., 1975 г.—202 тыс. чел. (в 5 раз); ОАЭ: 40-е гг.—50 тыс. чел., 1977 г.—862 тыс. чел. (в 17 раз); Саудовская Аравия: в 40-х гг.—3—3,5 млн. чел., 1974 г.—свыше 7 млн. чел. (в 2 раза); Оман: нет данных, в середине 70-х гг. 400—500 тыс. чел.

В то же время есть и существенные различия в подходе этих стран к проблеме иностранной рабочей силы — в частности, к вопросу о ее национальном составе.

Саудовская Аравия, исходя из своей общей политической линии на завоевание ведущих позиций в арабском мире, опирается, главным образом, на арабскую рабочую силу, составляющую, по оценкам, около 70—75% от приблизительно двух миллионов иностранцев, занятых во всех сферах экономики и культуры. Рабочая сила из числа саудовских граждан составляла в 1975 г. 1286 тыс. чел., т. е. около 39% всех занятых (в том числе 860 тыс. в сельскохозяйственном секторе и 426 тыс. в сельскохозяйственном секторе).

Иное положение в остальных странах, избравших в последние годы линию на расширение азиатской неарабской иммиграции, в значительной части даже немусульманской (из Южной Кореи, Филиппин, Таиланда, Тайваня). В этих странах на 1975 г. сложилось следующее соотношение основных национальных групп: граждане Кувейта, Бахрейна, ОАЭ и Катара составляли в целом 25,4, арабы-иммигранты — 31,3, прочие иммигранты, главным образом из стран Азии — 42,3% из общего числа занятых (739,7 тыс. чел.). Для сравнения, в 1970 г. эти группы составляли, соответственно, 31,2; 35,1; 33,7%.

Однако проблемы, связанные с арабской и неарабской рабочей силой, импортируемой аравийскими монархиями, остаются второстепенными в сравнении с главной социальной границей, делящей общество этих стран на коренных жителей и иностранцев. Анализ тех социально-политических процессов, которые происходят в нефтяных монархиях в настоящее время, и тенденции их развития в обозримой перспективе позволяют сделать вывод, что общество этих стран все в большей степени будет приобретать черты скрытой внутренней сегрегации между местными и иностранцами. Сфера деятельности тех и других все более четко ограничивается уже сейчас определенными рамками. Это позволяет предположить, что в ближайшем будущем аравийские монархии будут единственными в мире странами, где практически вся производительная сфера и сектор услуг будут функционировать почти исключительно с помощью законтрактованных на различные сроки иностранных рабочих. Местные кадры будут заняты главным образом в госаппарате, управленческом аппарате всевозможных учреждений и компаний госкапиталистического сектора, в предпринимательской деятельности, сфере просвещения, армейских формированиях, национальной гвардии, полиции.

Создается ситуация, когда местное население превращается, в результате осуществления перечисленных мер, в некую привиле-

гированную социальную прослойку, обладающую несомненными преимуществами в области выбора работы, оплаты труда, обеспечения социальными благами, правового положения и во многих других отношениях. Создание такого очевидного социального, имущественного и правового контраста между местными и иностранцами — один из элементов социальной стратегии этих стран, позволяющий им затушевывать, сглаживать внутренние социальные противоречия между классами, достигать некоего подобия «классового мира» между гражданами этих стран.

Разумеется, социальные противоречия в этих условиях не ликвидируются, а переводятся в значительной своей части в область отношений между местными и иностранцами, в плоскость трудовых и политических конфликтов между обществом этих стран и рабочей силой, имеющей временный статус и находящейся, по сути дела, вне этого общества. В последние годы проявляется заметная тенденция к всемерному затруднению процесса натурализации или хотя бы длительного оседания иностранных рабочих в монархиях Аравии. Все шире применяется практика контрактации рабочих только на срок выполнения конкретного проекта с обязательной их репатриацией по окончании работ под ответственность компании-подрядчика.

Углублению контраста между местным населением и иностранцами способствует также и своеобразная попытка ликвидировать в этих странах неискоренимый порок капитализма — бедность, распространяемую, естественно, только на коренное население. Наличие громадных свободных средств в сочетании с сохранившимся племенным патернализмом, воздействием религиозных норм и обычаев позволило приблизиться к решению проблемы бедности среди граждан нефтяных монархий путем благотворительности, основанной на традиционных нормах.

Такая социальная политика неизбежно ведет не только к постоянному обострению общего противоречия между базисом, трансформирующимся в капиталистический, и традиционной феодальной надстройкой, но и обострению частных противоречий — в том числе внутри производительных сил общества, которые в специфических условиях аравийских монархий представлены главным образом иностранной рабочей силой, чувствующей себя вне общества, эксплуатирующей ее, и местным населением, все в большей степени паразитирующем на разработке уникальных природных богатств с помощью иностранных рабочих рук и в будущем на ренте с капиталов, размещенных по всему свету.

РОЛЬ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В СОЗДАНИИ ВСЕМИРНОЙ ИСЛАМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

Королевство Саудовская Аравия, в силу исторически сложившихся причин, с момента своего образования было совершенно изолировано от остального мира. Открытие богатейших нефтяных месторождений и связанный с этим бурный технический и экономический прогресс страны способствовали уничтожению географических барьеров и преодолению культурной изоляции государства. В то же время отсталые вековые традиции мусульманского бедуинского общества все еще оказывают тормозящее воздействие на дальнейшее развитие страны.

Экономическую мощь Саудовской Аравии середины 70-х гг. красноречиво характеризует то, что по золото-валютным резервам (около 40 млрд. долл.) страна занимает второе место в капиталистическом мире (после ФРГ), опережая США; она располагает третьей частью мировых нефтяных запасов, не считая стран социализма; занимает третье место в мире по нефтедобыче. Богатство страны и расположение в ней священных городов ислама (Мекки и Медины) обеспечивают саудовскому королевству особую роль на Ближнем Востоке.

На международной арене Саудовская Аравия предоставляет значительные субсидии реакционным режимам не только в арабских странах, но также в Африке и даже Западной Европе. (За саудовский счет велась война с повстанцами в Заире в 1977 г., Саудовская Аравия активно поддерживала Сомали, поощряя его агрессию против революционной Эфиопии в 1978 г. Королевство оказывало финансовую поддержку марионеточному режиму Южного Вьетнама, выступало в защиту мусульман в Бирме и т. д.).

Крах колониальной системы поставил перед ведущими западными странами трудноразрешимые проблемы как экономического, так и политического характера. Сырьевой и энергетический кри-

зисы потрясли весь капиталистический мир. Со своей стороны, молодые развивающиеся страны ведут упорную борьбу за завоевание экономической независимости, за коренную перестройку международных экономических отношений. В ходе становления независимости разворачивается борьба вокруг вопроса о путях дальнейшего развития.

Характерной чертой политического курса ведущих западных держав нынешнего периода является упор на идеологические факторы, постепенный перевод политики на «идеологическую основу».

Процесс национального освобождения ускорил политическое объединение молодых государств против господства иностранного капитала. «Мы,— как указывал Л. И. Брежнев,—живем в эпоху коренных социальных перемен, продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. Победы национального освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против эксплуататорских порядков. Приобретает все большую силу революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса»¹.

В связи с этим проблемы идеологического характера приобретают все большее значение.

Гегемонистские устремления отличают правящие круги Саудовской Аравии, которая считает себя истинной хранительницей исламской веры. Религиозная доктрина ваххабитов явилась идеологическим знаменем, объединившим арабов Аравийского полуострова под эгидой династии Саудинов. Иден ваххабизма использовались в борьбе против местных верований и в то же время против отуреченного ислама. Но главное—призывы к возрождению истинной веры, использовались для решения важных социальных, политических проблем и отвечали интересам правящих кругов саудовского государства.

В конце мая 1965 г. король Фейсал выступил с предложением провести конференцию мусульманских государств в целях укрепления их единства. Он стремился использовать «исламский союз», чтобы овладеть политической инициативой на Арабском Востоке, а если возможно, и в Африке. Данная идея была выдвинута США, идеологические интересы которых по многим вопросам совпадают с интересами Саудовской Аравии, хотя последние события показали, что мусульманскую солидарность Саудовская Аравия ставит во главе своей внешней политики.

---

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976. стр. 27.

В марте 1970 г. в Джидде (Саудовская Аравия) была созвана I конференция министров иностранных дел 22 мусульманских государств. Она состоялась сразу же после конгресса мусульманских стран в Рабате (1969). Приветствуя собравшихся гостей, король Фейсал произнес торжественную речь: «Наша родина — это родина для каждого мусульманина... Мы должны прежде всего стремиться к достижению единства исламской нации и сотрудничества во имя достижения общей цели — отражению израильской агрессии... Да поможет нам в этом деле аллах, да укрепит он нашу веру, даст нам возможность защитить нашу честь, святыню (Иерусалим.—Р. Л.)»².

III конференция министров иностранных дел мусульманских стран состоялась в 1972 г. снова в Джидде. Число участников на этой конференции увеличилось уже до 30 стран. Отсутствовали представители мусульманских стран: Южного Йемена, Ирака, Бангладеш. Первые два государства выступают противниками объединения стран на религиозной основе. На этой конференции король Фейсал вновь призвал всех мусульман к единству: «На сегодня враг добился многого, натравливая друг на друга правительства арабских стран и восстанавливая их друг против друга. Необходимо ликвидировать эти разногласия, добиться взаимодействия, сотрудничества на основе нашей веры, нашего шариата, нашей родины, нашей нации»³. III конференция приняла проект устава Всемирной исламской организации, одобрила проект учреждения Исламского международного информационного агентства (центр — Джидда), утвердила решение об образовании при Генеральном секретариате отделения по вопросам культуры и финансово-экономического агентства (Исламского банка), которое в будущем станет «банком мусульманских стран». Тем самым, были заложены организационные основы международного союза, деятельность которого началась после ратификации устава странами-участниками.

Главная цель, которую преследует Всемирная исламская организация мусульманских государств всего мира, изложена в тексте статуса организации, а именно: пропаганда и распространение идей ислама, противостояние идеологии сионизма и коммунизма, сплочение мусульман всего мира для достижения и осуществления этих целей. Всемирная исламская организация должна воплотить в жизнь идею солидарности мусульман «...давнюю мечту и цель, которую старался претворить в жизнь король Фейсал, а сейчас во имя которой борются король Халед и наследный принц Фахд»⁴.

² Журн. «Аль-Манхал», т. 2, 1970, стр. 148.

³ Там же, т. 38, 1977, стр. 1292.

⁴ Там же, т. 33, 1972, стр. 24.

Роль организации заключается в созыве и в организации всемирных мусульманских конференций, конгрессов, в координации и финансовой поддержке деятельности мусульманских организаций мира. Организация имеет свой финансовый фонд, который базируется на широких возможностях, чтобы поддержать материально идеи ислама и работу всеобщего секретариата.

Штаб-квартира Всемирной исламской организации расположена в «священной» Мекке, где в 1974 г. был созван Всемирный конгресс мусульманских организаций, цель которого — направить в единое русло их деятельность.

Результатом работы конгресса было единодушное решение о необходимости создания исполнительного комитета Исламской организации, который открыл бы свои филиалы, советы в различных регионах и координировал работу всех мусульманских организаций. Для осуществления этих решений организация созывала несколько конференций в различных странах Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии. Всеобщий секретариат Всемирной исламской организации издает два журнала на арабском и английском языках, свою ежедневную газету, в период паломничества в Мекку использует телевидение. В это время года сюда съезжаются видные мусульманские государственные деятели, главы мусульманских государств, ученые — богословы, члены организации. Всеобщий секретариат публикует и раздает брошюры, лекции, доклады об исламе. Телевидение через спутник связи ведет передачи о паломничестве во все страны мира.

Наиболее внушительным результатом этой деятельности явился созыв исламской африканской конференции, состоявшейся в Нуакшоте, столице Мавритании, в 1976 г. На этой конференции было принято коммюнике по следующим вопросам: составление планов деятельности исполнительных комитетов этой организации в африканских странах и приведение всех их в полное соответствие с планами Всеобщего секретариата; распределение обязанностей между ними, создание четырех филиалов в Северной, Южной, Восточной и Западной Африке; создание африканских мусульманских центров по исследованию учения ислама; утверждение идеологического плана. За короткий период Всемирная исламская организация создала свои постоянные представительства во многих странах, а именно: Франции, США, Индонезии, Габоне, Мавритании, Танзании, Гвинее, а в Бельгии функционирует крупный культурный и научный центр со своей мечетью, в Швейцарии открыто постоянное бюро.

Недавно между правительствами Саудовской Аравии и Швейцарии достигнуто соглашение о создании исламского центра по научным исследованиям, строительству и финансированию которо-

го будет осуществляться правительством Саудовской Аравии и будет закончено в ближайшее время. Предполагается создание постоянных центров в Японии, Малазии, а также Канаде.

Генеральный секретарь Всемирной исламской организации Мухаммед Али аль-Харкан ведет бурную деятельность, разъезжая по странам всего мира, встречаясь с главами правительств, с видными государственными деятелями, с представителями мусульманских организаций. В 1978 г. он совершил турне по Северной и Южной Америке. В Нью-Йорке он провел Первую американскую конференцию мусульманских организаций Северной Америки, был создан исполнительный комитет всех мусульманских организаций на этом континенте. Мухаммед Али аль-Харкан встречался с президентом США Картером, генеральным секретарем ООН Вальдхаймом, посетил Гарвардский университет, где прочел цикл лекций об исламе.

Всемирная исламская организация ведет большую пропагандистскую работу в области распространения арабского языка и мусульманской культуры. В вузах Саудовской Аравии создаются благоприятные условия для преподавания арабского языка студентам-иностранцам. Всемирная исламская организация совместно с Исламским университетом в Медине и с университетом им. короля Абд аль-Азиза прилагает усилия по созданию сети школ, кружков по изучению Корана и арабского языка для лиц, не владеющих им.

Основой образования в стране как на уровне университета, так и на всех остальных уровнях, является ислам. Исламская идеология и культура являются обязательными дисциплинами. Студент обязан изучать исламскую идеологию не только для того, чтобы постичь свою религию, но и для того, чтобы ее распространять. Это было основной причиной создания обоих университетов. Они были учреждены с целью подготовки молодых людей, специализирующихся в исламском шариате — юриспруденции, администрировании и научных исследованиях.

Как заявил министр высшего образования шейх Хассан: «Саудовская Аравия должна взять на себя ответственность за подготовку просвещенных людей в области исламского шариата. Саудовская Аравия все это делает во имя исполнения своих обязанностей перед исламом»⁵.

Саудовская Аравия постоянно получает запросы от мусульманских стран на преподавателей исламского шариата и арабского языка. Исламские университеты страны в основном удовлетворяют эти требования. Окончивших эти университеты посылают

---

⁵ „Impact International“. London, 1977, vol. 7, № 6, p. 9.

в страны Африки, арабские страны, Европу и Америку. Они вносят большой вклад в создание и поддержку исламских и арабских центров Всемирной исламской организации, а также при университетах различных стран. При этом лица, окончившие исламские колледжи и университеты, занимают более привилегированные положения в странах Азии и Африки, чем окончившие любой другой университет. Главное, как считает шейх Хасан, необходимо прививать глубокую веру каждому мусульманину в свою религию и цивилизацию. Задача заключается в том, чтобы довести до сознания каждого, что сохранение ислама и исламской культуры важнее, чем все сокровища мира. «Настоящее богатство Саудовской Аравии — это не нефть, а стойкая приверженность вере». В то же время верность исламу должна, по замыслу правительства королевства, сочетаться с развитием науки, не противоречащей, однако, исламу и исламскому образу жизни.

Важным аспектом такой программы является прежде всего выбор учителей. Большое количество преподавателей приглашается не только из арабских стран, но и многих других, а именно из Пакистана, Индии. Поскольку влияние преподавателей на образ мышления студента имеет огромное значение, то преподаватели выбираются тщательно, отдается предпочтение тем, кто обладает широкими познаниями в области богословских наук, а также тем, кто отличается «стойкой приверженностью исламу». Саудовские правители считают, что «в будущем удастся получить выгоду от подобной регистрации умов при подборе преподавательских кадров»⁶.

Проявляется также особая забота о студентах, которые обучаются за границей. Им оказывается всяческая помощь, их стараются оградить от влияния чуждой идеологии, политики и культуры. В последние годы несколько сократилось количество посылаемых за границу студентов, поскольку правительство считает, что в стране достаточно своих вузов. Посылают на учебу исключительно тех, кто не может получить должного образования по определенным техническим специальностям у себя в стране.

При этом организовываются специальные центры для студентов из Саудовской Аравии, обучающихся за границей. Эти центры объединяют студентов по их специальностям, снабжают их исламской литературой. Центры непосредственно связаны в своей деятельности с Всемирной исламской организацией, с одной стороны, и сотрудничают с Ассоциацией мусульманских студентов Африки, Северной Америки и Азии. Делается все для того, чтобы и у себя на родине и вне ее студенты не забыли своей религии и были ей верны.

⁶ Там же, стр. 10.

В Исламском университете обучаются в основном студенты-иностранцы (90%). Саудовская Аравия прилагает все усилия, чтобы молодежь мусульманских стран получала образование в ее вузах. Именно с этой целью были созданы Всемирная ассамблея мусульманской молодежи и Всемирная исламская федерация студенческих организаций. Они существуют в помощь Всемирной исламской организации солидарности мусульманских стран и полностью координируют с ней свою деятельность. Генеральный секретарь Всемирной исламской организации Мухаммед Али аль-Харкан заявил в интервью: «Наша организация представляет все исламские народы, защищает интересы преследуемых братьев-мусульман, привлекает внимание общественности к насущным проблемам исламской идеологии, устраивая ежегодно конференции, сессии и т. д.»⁷.

Саудовская Аравия тратит огромные средства на пропаганду идей ислама, стараясь создать авторитет в арабском и мусульманском мире. Однако деятельность Всемирной исламской организации, внешне носящая религиозный характер, не может скрыть антикоммунистической направленности идеологии правящих кругов Саудовской Аравии.

---

⁷ «Аль-Манхал», т. 39, 1978, стр. 441.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЙЕМЕНА

Решение сложной задачи выбора пути исторического развития после получения страной независимости связано с объективными трудностями, вытекающими из многообразия конкретной исторической ситуации на Востоке. Здесь, наряду с общими закономерностями общественного развития, мы встречаем множество специфических особенностей, связанных с уровнем развития производительных сил и производственных отношений, особенностями борьбы против неокOLONнализма или идущих в их фарватере реакционных режимов, наличием племенных пережитков и глубоких религиозных традиций.

В течение последних 15 лет события в йеменском регионе — в ЙАР и НДРЙ — привлекли к себе внимание политических деятелей и ученых, пытающихся осмыслить конкретный исторический материал освободительного движения в этом регионе. Как известно, в сентябре 1962 г. группа офицеров йеменской армии в союзе с другими антимонархическими силами свергла монархический режим в Северном Йемене и с помощью насеровского Египта повела борьбу за укрепление республиканского строя. Сентябрьская революция в Северном Йемене послужила толчком для вооруженного выступления патриотов Южного Йемена, объединивших в 1963 г. свои усилия в рамках Национального фронта и начавших борьбу против англичан и сотрудничавших с ними местных феодалов и компрадорской буржуазии.

Анализ политических проблем двух йеменских государств с 1962 по 1975 гг. позволяет нам сделать важные теоретические и практические выводы.

Недостаточная развитость и самоопределенность пролетариата и крестьянства, обусловленная социальной отсталостью йеменского региона, слабость организационных и политических форм классовых движений трудящихся слоев и национальной буржуазии привели к проявлению характерной для развивающихся стран

активности средних слоев, т. е. наиболее подготовленных и образованных общественных групп интеллигенции, офицерства, студенчества и др., обычно связанных с разными отрядами мелкой буржуазии. Совершив революцию 1962 г. на севере Йемена, группа офицеров, однако, не смогла предложить долговременную программу социально-экономических преобразований, которая привлекла бы на их сторону широкие слои йеменского народа и тем самым расширила бы социальную базу революционного выступления против монархического режима.

Основным орудием политической борьбы за сохранение республиканского режима в ЙАР, как и в других многоукладных странах, стали классовые союзы. Не имея выхода на народные массы, офицеры йеменской армии были вынуждены обратиться к племенным вождям, которые выступили фактически посредниками между подавляющим большинством трудящихся масс и республиканским режимом. В этой коалиции каждая сторона, естественно, преследовала свои цели, но среди них была одна общая — ликвидация монархии и государственных институтов монархического строя. В целом успешная деятельность в этом направлении расчищала дорогу для представителей традиционной оппозиции, сложившейся еще в монархический период и выступавшей под лозунгами возрождения исламских традиций, а также формировавшейся национальной буржуазии. Отсутствие четких идеологических ориентиров, опыта работы в массах и единой политической организации, слабость и разношерстность республиканского руководства помешали офицерам, совершившим революцию 1962 г., до конца довести свою роль руководителя антимонархического движения. Высказанная В. И. Лениным и теоретически обоснованная советскими учеными идея о волнообразной неравномерности политической революции проявилась в ЙАР, по нашему мнению, в том, что социалистические лозунги первых дней революции 1962 г. выдвигались без учета реальной йеменской действительности и впоследствии привели к исторически объяснимому откату политической революции и попятному движению, усилению влияния шейхов и феодальной верхушки.

В Южном Йемене проявилась так называемая ситуация «наложения эпох», когда проблемы и противоречия более передового уровня досрочно, с точки зрения внутреннего положения, формируются в стране с более низким уровнем и накладываются на уже существующие в ней противоречия. Руководство ИДРЙ, взяв курс на социалистическую ориентацию, одновременно решало задачи ликвидации феодально-племенных пережитков и колониального наследия. Вместе с тем оно смогло использовать революционное движение для форсированного перехода к решению задач

более высокого уровня, сделав такое опережение исходным моментом для перерастания революции одного типа в революцию другого более высокого порядка.

Успешному решению задач, связанных с изменением характера революции в Южном Йемене, способствовали, на наш взгляд, некоторые особенности развития политической ситуации в Южном Йемене.

Южнойеменские патриоты, выступавшие против империалистического господства Великобритании и их феодальных пособников, имели безусловно более значительный опыт политической борьбы, чем северойеменские республиканцы. Отсутствие признанных религиозных лидеров, компрометация национальной буржуазии этого района Йемена сотрудничеством с колонизаторами и соглашательская политика правонационалистических деятелей привели к тому, что с самого начала лидерство в антиимпериалистическом, антифеодальном движении захватили молодые по возрасту деятели, ориентировавшиеся вначале на идеологию левого крыла арабского национализма, не отягченные традиционными племенными и религиозными представлениями, более восприимчивые к прогрессивным веяниям современного мира.

Анализ революционных событий в Южном Йемене дает основание утверждать, что продолжительная национально-освободительная война против английских колонизаторов явилась важным фактором, способствовавшим переходу революционных демократов Южного Йемена на прогрессивные идеологические и политические позиции. В Южном Йемене вооруженная борьба была нацелена против английских колонизаторов и их пособников из числа феодальных элементов, компрадорской буржуазии и правых националистов и соглашателей. Южнойеменские патриоты, опиравшиеся на крестьянские массы в силу логики политической борьбы, совмещали задачи достижения политической независимости с целями социального освобождения. Именно такое социальное наполнение революционного движения и вооруженный характер борьбы за реализацию программных установок способствовали более последовательному прогрессивному курсу. Вооруженная же борьба северойеменских республиканцев носила характер гражданской войны. Участие в ней на стороне республиканцев племенных вождей, без поддержки которых первые не могли бы успешно отстаивать и решать внутренние проблемы, снижало социальную нагрузку их движения, вынуждало учитывать настроения и позиции племенной верхушки и местной буржуазии, ограничиваться лишь такими мероприятиями социально-экономического характера, которые вытекали из смены режима.

Важный фактор, способствовавший консолидации сил рево-

люционных демократов Южного Йемена, связан с деятельностью группировки йеменских марксистов во главе с Абдаллой Баазибом. Деятельность этой группы по популяризации идей научного социализма и опыта КПСС, Советского Союза и стран социализма и восприимчивость молодых руководителей антимонархистической борьбы к марксистским идеям явились важным моментом, определившим идеологическую ориентацию партийно-государственного руководства НДРЙ и эволюцию влево политической надстройки и характера социально-экономических преобразований.

Острая политическая борьба в Северном и Южном Йемене в 1962—1975 гг. протекала в условиях поляризации сил в арабском мире. Насеровский Египет, выступивший в защиту йеменской революции, оказал помощь и поддержку североийеменским республиканцам и южнийеменским патриотам, в то время как Саудовская Аравия и другие монархические арабские режимы в союзе с империалистическими державами оказывали помощь и содействие монархическим элементам. Признавая роль Египта как сторонника республиканцев в ЙАР и патриотического движения на юге Йемена, вместе с тем нельзя не отметить, что стремление Каира обеспечить выгодный для себя ход развития политических событий в регионе, привело к ряду негативных последствий для йеменской революции. Египтяне препятствовали консолидации патриотических сил ЙАР в рамках единой организации, пытались поставить под свой контроль революционное движение на юге Аравии, грубо вмешивались во внутренние дела ЙАР, вызвав тем самым сопротивление даже тех сил, которые по своей социально-политической характеристике объективно могли бы быть их союзниками. Эта линия египтян осложнялась действиями египетских политиков типа А. Садата и представителей реакционного командования египетского экспедиционного корпуса, которые часто дезинформировали Насера и проводили свою линию в йеменском вопросе, шедшую вразрез с политикой поддержки йеменской революции. Негативные последствия имели и межарабские противоречия в арабском мире, соперничество между насеристами, баасистами и сторонниками Движения арабских националистов, осложнявшие политическую ситуацию и в йеменском регионе.

Слабость республиканского режима, отсутствие политически зрелых патриотических сил, могущих возглавить антимонархическое движение, возросшее влияние племенных вождей и национальной буржуазии логически привели к эволюции вправо политической системы ЙАР, восстановлению сотрудничества с монархическими элементами внутри страны, с Саудовской Аравией и ведущи-

ми капиталистическими державами на международной арене. Оказавшиеся на севере Йемена монархические элементы Южного Йемена не только содействовали общему поправлению североиеменского режима, но способствовали обострению отношений с Южным Йеменом, где к власти в 1969 г. пришло левое крыло Национального фронта. Племенные вожди ИАР и монархические элементы Южного Йемена, пользуясь слабостью центральной власти, выступали в этот период инициаторами постоянных провокаций, осложнивших не только обстановку между двумя йеменскими государствами, но и внутривнутриполитическое положение в каждом из этих государств.

Под влиянием острой внутривнутриполитической борьбы революционная демократия Южного Йемена постепенно освобождалась от мелкобуржуазных предрассудков и националистических шатаний, и ее представители все больше становились на позиции научного социализма. Они стали проводить последовательную прогрессивную политику внутри страны и на международной арене. Это привело в свою очередь к объединению в 1975 г. Национального фронта, Народно-демократического союза и Партии народного авангарда в единую политическую организацию. В 1978 г. была создана Йеменская социалистическая партия марксистско-ленинской ориентации.

Эволюция политической системы ИАР вправо, его движение по капиталистическому пути развития с наличием сильных племенных пережитков, ориентация руководства страны на правые силы внутри страны и на международной арене (засилье Саудовской Аравии) объясняют сложную политическую ситуацию в ИАР и глубокие внутривнутриполитические потрясения, выразившиеся в убийстве двух президентов ИАР в 1974 и 1977 гг. и вооруженном выступлении патриотических сил в 1978 г. Йеменским республиканцам в отличие от революционных демократов Южного Йемена не удалось решить даже задачи буржуазно-демократической революции и обеспечить полностью независимое развитие своего государства. Поэтому отсутствие политической стабильности в ИАР, по-видимому, станет доминирующим фактором внутривнутриполитической ситуации в Северном Йемене на протяжении, по крайней мере, ближайших лет.

Практические выводы из проведенного краткого обзора проблем, стоящих перед руководством двух йеменских государств, сводятся также к тому, что следовало бы более активно пропагандировать среди развивающихся стран опыт южноиеменских демократов, сумевших на базе идеологии научного социализма в течение исторически короткого отрезка времени завоевать политическую независимость, решить задачи буржуазно-демократи-

ческой революции и сделать первые шаги по пути переустройства общества на социалистических началах. Как указывал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС: «В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»¹.

---

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1977, стр. 12.

Г. Дж. АЛИБЕЙЛИ

ПОЛИТИКА МОНАРХИЧЕСКОГО ИРАНА В ЗОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Находясь на стыке важных международных коммуникационных линий, район Персидского залива своим стратегическим расположением и богатством природных ресурсов занимает важное место в системе международных отношений империалистических держав. По ориентировочным оценкам в нефтеносных пластах этого района сконцентрированы две трети разведанных запасов нефти капиталистического мира. Значение этого региона в глобальных стратегических планах империализма определяется его расположением на удобных международных торговых путях и в непосредственной близости от Советского Союза и других стран социализма. В бассейне Персидского залива переплетаются политико-экономические интересы международных монополистических кругов, ведущих борьбу за укрепление своих позиций и расширение сферы влияния в данном районе. В настоящее время около тридцати компаний, представляющих международный монополистический капитал, ежегодно получают миллиарды долларов прибыли от добычи, переработки и перевозки нефти из этого региона. Удобные природные условия, наличие запасов нефти, дешевой рабочей силы и выгодное географическое расположение вблизи от рынков потребления делают район Персидского залива постоянным объектом империалистической дипломатии.

Иран, являясь по людским ресурсам, природным богатствам и военной силе самой мощной державой зоны, также имеет в районе Персидского залива свои интересы, которые и определяют его внешнеполитический курс в данном регионе. Стратегическое значение этого залива для Ирана определяется главным образом тем, что он служит основной водной магистралью для перевозки внешнеторговых грузов, особенно нефти и нефтепродуктов. Представляя более развитую державу в экономическом и военном отношении, чем остальные страны зоны Персидского залива, иран-

ские правящие круги за последние годы стремились взять на себя главенствующую роль в политико-экономических делах этого района. Контуры подобной политики шахского режима стали вырисовываться еще с первой половины 60-х гг., когда в истории национально-освободительного и антиимпериалистического движения народов Персидского залива и Аравийского полуострова начался качественно новый этап. В то время шахская дипломатия ставила перед собой глобальные планы, предусматривавшие укрепление позиции шахского режима в данном районе путем систематических территориальных аннексий, политической экспансии и экономического проникновения в дела других стран. Этот курс отвечал интересам и американского империализма, и международных монополистических кругов, имеющих в то время широкие политико-экономические связи с шахским правительством.

Этим целям была посвящена, в частности, первая конференция деловых и экономических кругов Ирана, состоявшаяся в декабре 1963 г. На конференции были приняты конкретные меры, предусматривающие льготные условия для расширения торгово-экономических связей со странами Персидского залива. В частности были организованы передвижные и постоянные торгово-экономические выставки, разработаны меры по упорядочению морских и других перевозок, открыты отделения различных банков Ирана в странах этой зоны, установлены прямые телефонные связи и пр.

За ширмой этих, казалось бы, чисто экономических мер скрывалось стремление шахского правительства расширить и свое военно-политическое влияние в регионе. Эти вопросы были неоднократно обсуждены и на других совещаниях Высшего экономического совета Ирана, в работе которых обычно принимал участие сам иранский монарх.

Вопросы политики Ирана в районе Персидского залива были подробно рассмотрены на конференции работников МИД Ирана, состоявшейся в марте 1977 г. на о. Киш.

Вынужденный уход английских колониальных войск к концу 1971 г. из зоны Персидского залива привел к новой расстановке сил и международной активности всех заинтересованных государств, имеющих свои политико-экономические интересы в данном районе. В новых условиях, вызванных ликвидацией английского колониального аппарата в районе Персидского залива, в решении проблемы этого региона перед иранской дипломатией встали довольно сложные задачи, в осуществлении которых она стала опираться, главным образом, на военно-политическую поддержку США, давно стремившихся вытеснить Англию и занять ее позиции в этом регионе.

Чрезвычайная активность иранской дипломатии в конце 60-х — начале 70-х гг. обуславливалась стремлением найти «респектабельную» формулу для решения проблемы статуса Бахрейнского архипелага, урегулировать вопросы континентального шельфа с прибрежными арабскими государствами залива, решить юрисдикцию островов в заливе, в том числе трех островов — Большой и Малой Томбы и Абу Муса, расположенных в горловине Ормузского пролива, урегулировать с Ираком вопросы сухопутных границ, использования ресурсов реки Шатт аль-Араб в целях навигации и статус лиц иранского происхождения, проживающих на территории Ирака. В решении этих сложных внешнеполитических вопросов, правительство шахского режима опиралось, главным образом, на поддержку империалистических сил, с одной стороны, и с другой — стремилось расширить политико-экономические отношения с феодально-теократическими государствами залива. Однако наличие разногласий по поводу определения линий границ между Ираном и некоторыми арабскими странами мешало развитию ирано-арабских связей в данном регионе. В этих условиях империалистическая дипломатия, преследующая в зоне Персидского залива особые интересы, стала оказывать давление на режим шаха и на консервативные арабские государства с целью создания условий для их сближения. В примирении монархических режимов империалистические круги Запада видели «надежный бастион», стоящий на страже не только классовых интересов и средневековых социально-экономических институтов стран данного региона, но и интересов международного монополистического капитала. Новые принципы, утвердившиеся во внешнеполитическом курсе шахского режима с начала 70-х гг., создали возможность для разработки новой линии, предусматривавшей установление и углубление всесторонних политико-экономических связей с Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Оманом, Бахрейном и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Приток нефтедолларов в начале 70-х гг., увеличение масштабов интеграции крупной иранской буржуазии с международным монополистическим капиталом, с одной стороны, и завершение процесса превращения шахского режима в важный политико-экономический и военно-стратегический форпост мирового империализма в районе Ближнего и Среднего Востока, с другой — привели к окончательному утверждению во внешней политике Ирана проимпериалистической направленности; подобная линия не могла не отразиться и на позиции шахского режима в районе Персидского залива.

При этом основное место во внутренней и внешней политике правящих кругов шахского режима отводилось борьбе против на-

ционально-патриотических и прогрессивных сил в самом Иране и национально-освободительного антиимпериалистического движения арабских народов бассейна Персидского залива. Основные цели шахской политики на том этапе по отношению к другим странам региона заключались в том, чтобы не допустить усиления революционного процесса в этом районе, ликвидировать вероятную возможность перехода к социалистической ориентации, удержать страны Персидского залива на уровне средневекового уклада и в орбите капиталистического хозяйственного развития.

Такая реакционная политика проявилась, в частности, в том, что шахский режим путем прямой военной интервенции принимал участие в подавлении национально-освободительного движения народа Дофара (Оман) в 1973—1976 гг.

В условиях сильной оппозиции шахскому режиму в самом Иране, в целях ликвидации национально-освободительных и революционных процессов в районе Ближнего и Среднего Востока, правящие круги Ирана стали уделять большое внимание укреплению вооруженных сил и оснащению их новейшим современным видом вооружений. Армейская верхушка, воспитанная в духе панисламизма, превратилась в важную опору гнилого шахского режима в деле сохранения его стабильности в самом Иране и превращения в орудие для проведения политики «локального жандарма» в районе Персидского залива. В этой области были установлены широкие связи между шахским режимом и военно-промышленным комплексом США. Со своей стороны, проникновение в иранскую армию считалось одной из основных задач стратегов Пентагона, поскольку армия эта, особенно в послевоенные годы, стала играть решающую роль в политической жизни развивающихся стран. Помимо этого, оснащение иранской армии новейшими дорогостоящими американскими вооружениями являлось одним из важных каналов получения огромных прибылей.

Таким образом, шахский режим, выступающий в роли «локального жандарма» в районе Персидского залива, предпринял беспрецедентную по масштабам кампанию по усилению и оснащению вооруженных сил. С этой целью в 1971 г. была выработана программа модернизации иранской армии сроком на 5 лет, а в 1972 г. Белый дом официально уведомил правительство Ирана о принятом решении по оснащению шахской армии новейшей боевой техникой. В частности этот вопрос был согласован с бывшим президентом США Р. Никсоном во время его визита в Тегеран в 1972 г. А в начале 1973 г. уже была осуществлена первая крупнейшая сделка по закупке вооружений в США стоимостью около 3 млрд. долларов. Уместно напомнить, что с 1954 по 1970 гг. Ираном было израсходовано на закупку военной техники лишь 1,5 млрд. долларов.

Таким образом, реакционный шахский режим постепенно превратился в главного покупателя продукции военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов. По сообщению западной прессы, только в 1974 г. Иран купил у США военных снаряжений на сумму 4 млрд. долларов. А за период с 1973 по 1977 гг. закупки военной техники только у США составили примерно 15 млрд. долларов, к концу же 1978 г. эта цифра достигла 20 млрд. долларов.

Огромные по своим масштабам закупки вооружения и боевой военной техники, предпринятые в последние годы режимом шаха, намного превысили оборонные нужды страны, что в значительной мере увеличило гонку вооружений и вероятность военной конфронтации в районе Персидского залива.

Усиление армии и ее оснащения новейшей боевой техникой осуществлялось как для сохранения «порядка и стабильности» в самом Иране, так и для обеспечения гегемонистских великодержавных устремлений шахского режима в районе Ближнего и Среднего Востока.

После вынужденного ухода английских оккупационных войск из зоны Персидского залива к концу 1971 г., режим шаха намеревался взять на себя роль, которую раньше играла Великобритания по подавлению в зародыше революционных выступлений и национально-освободительных, антиимпериалистических движений в этом регионе. Чтобы создать юридическую основу для проведения подобной политики, шахский режим должен был иметь широкие политико-экономические связи со странами региона. Тогда в случае возникновения ситуации, угрожающей «тронам средневековых монархов» и интересам империалистических держав, он мог бы поспешить на «помощь», конечно «по просьбе» того или иного арабского султана, шейха или иного правителя. В этом плане, как уже отмечалось, иранские правящие круги поддерживали широкие связи со многими государствами региона, а если подобные связи отсутствовали, то принимались меры к их установлению. Так, в осуществление этого курса, посол Ирана в Кувейте 21 августа 1971 г. посетил с особой миссией Оман, который не имел дипломатических отношений с Ираном. 26 августа стороны обменялись письмами об установлении дипломатических отношений на уровне послов¹. Столь быстрое решение этого вопроса объяснялось тем, что реакционные режимы шаха и султана Омана Кабуса быстро нашли общий язык на базе совпадения интересов по борьбе против национально-освободительного движения в районе Дофара, развернувшегося с особой силой с конца

---

¹ «Везарат-е омур-е харедже, Равабет-е доулат-е шаханшахи ба кешвар-ха-йе хоуз-йе масулият-е едаре-йе похом-е сеяси», Тегеран, 2535, стр. 35.

1971 г. Теперь реакционные правители Омана вместе с английскими колонизаторами стали опираться на шаха в подавлении выступлений патриотических сил Дофара.

В июле 1972 г., в результате секретного соглашения, достигнутого между шахом Ирана и правителем Омана султаном Кабусом, практически вся крайняя северная часть Омана и полуостров Умаль-Ганам были переданы под контроль шахской морской пехоты. А в конце 1973 г., шахский режим осуществил открытую военную интервенцию в Омане с целью подавления национально-освободительного, антиимпериалистического движения в Дофаре. Прямая военная интервенция в Дофаре явилась продолжением той агрессивной политики реакционного шахского режима, которая была начата против республиканского строя в Ираке после июльской революции 1958 г. и вооруженной помощи сторонникам свергнутого короля Йемена — аль-Бадра в 1962 г.

Особый размах действия шахских войск в Дофаре приобрели после визита султана Кабуса в Тегеран в сентябре 1975 г. Сразу же после отъезда Кабуса из Тегерана, подразделения иранских войск численностью в порядке 30 тыс. человек приступили к проведению широкой военной операции в районе Дофара, примыкающем к границам Народно-Демократической Республики Йемен. Основной задачей иранского экспедиционного корпуса было открытие стратегической дороги Салала-Маскат, расчленение очагов сопротивления дофарских партизан в глубине провинции.

Эта ярко выраженная агрессивная политика шахского режима в Дофаре на деле расходилась с широко разрекламированными внешнеполитическими концепциями монархического Ирана, декларирующими соблюдение Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела других стран.

Логическим продолжением подобной реакционно-агрессивной политики явилось то, что иранский монарх был одним из инициаторов сближения египетского президента Садата с Бегнином. Шах с одобрением относился к сепаратным переговорам между Египтом и Израилем. Он приложил много усилий к тому, чтобы убедить Саудовского короля Халеда благосклонно отнестись к сепаратным переговорам, проходившим в Кэмп Дэвиде. В последние годы шахский режим развернул широкую антипалестинскую деятельность против Организации Освобождения Палестины и ее руководства.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что цели шахской дипломатии в районе Ближнего и Среднего Востока совпадали с позицией империалистических держав, израильского сионизма и местных реакционных режимов.

Что касается прогрессивных слоев иранского общества, то

они неизменно выступали против агрессивной политики шахского режима в районе Персидского залива. Народная партия Ирана (Туде) в своих неоднократных заявлениях клеймила проимпериалистическую позицию шаха по отношению к народам этого региона.

Ход мирового общественного развития на современном этапе свидетельствует о том, что империализм и всякие изжившие свои дни средневековые режимы переживают глубокий кризис и потрясения, с каждым годом укрепляются позиции мира, демократии и социализма на мировой арене. Национально-освободительное движение народов Ближнего и Среднего Востока теперь слилось в мощный единый поток, которому никакие империалистические силы и реакции не в состоянии противостоять. И на сей раз могучая волна национально-освободительного движения перекинулась в Иран, считавшийся бастионом и опорным пунктом империалистических держав. Лицом к лицу с объединенным фронтом империализма, внутренней реакции, сионизма, стоял на смерть оставший иранский народ, полный решимости покончить с деспотическим шахским режимом, господством чужеземцев в стране, стать хозяином своей судьбы и природных богатств. Несмотря на все усилия, американскому империализму и другим реакционным силам не удалось спасти прогнивший шахский режим от народного гнева и февральская национально-демократическая, антиимпериалистическая революция завершилась победой иранского народа. Перед новым, республиканским Ираном открылась широкая возможность для проведения независимой внешней политики в национальных интересах страны.

Руководители Исламской Республики Иран объявили и о новом курсе в районе Персидского залива, в соответствии с которым иранские войска отозваны из Омана, и о том, что республиканский Иран не выступит в качестве «локального жандарма» в этом регионе.

Революционные власти заявили о своей политике поддержки народов, борющихся против империализма. Практическим шагом в этом направлении явилось официальное открытие представительства Организации Освобождения Палестины в Тегеране, полная поддержка республиканским Ираном национально-освободительного движения арабского народа Палестины против израильских агрессоров.

Другим важным шагом явилось заявление о решительном осуждении египетско-израильской сепаратной сделки, заключенной в ущерб национальным интересам арабских народов в целом и прежде всего арабского народа Палестины. Первого мая было объявлено и о разрыве дипломатических отношений с режимом

Садата. «Подписанный недавно сепаратный мирный договор с Израилем не учитывает законных чаяний палестинского народа, говорится в заявлении МИД Ирана в связи с разрывом дипломатических отношений с Египтом.— Он еще раз подтверждает агрессивность международного сионизма, служит оплотом империалистической политики в регионе»².

Победа февральской революции в Иране нанесла ощутимый удар по планам империализма в районе Ближнего и Среднего Востока. После установления республиканского строя в международных отношениях Ирана произошли позитивные изменения. Его внешнеполитический курс, основанный на принципах нейтралитета и неучастия в военно-политических группировках империалистических держав, объективно способствует укреплению суверенитета страны, создает благоприятные предпосылки для установления политико-экономических связей и с государствами Персидского залива. Политика, основанная на принципах добрососедства, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга, отвечает национальным интересам всех народов Персидского залива, в том числе иранского.

---

² «Правда», 5. V. 1979.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Проблемы социально-политического и экономического развития арабских стран на современном этапе заслуженно занимают центральное место в исследованиях советских арабистов. Отечественным востоковедением проделана работа также по разработке проблемы отношений арабских стран с социалистическими странами и прежде всего с СССР.

Наряду с этим следует отметить, что вопросы отношений арабских стран друг с другом и соседними по региону остаются пока малонизученными.

Желая в какой-то степени восполнить этот пробел, мы, будучи не специалистами-арабистами, а туркологами, пытались осветить некоторые аспекты турецко-арабских отношений в период 60—70-х гг.

Именно Турция после крушения 600-летней Османской империи, в которую входили почти все арабские страны, впервые среди стран этого региона подняла национальную борьбу против засилья западных империалистов.

Учитывая это, можно было бы думать, что ближневосточная политика Турции будет проарабской и направленной против проникновений неокolonизма в этом регионе. Однако внешняя политика Турции в послевоенный период вовсе не оправдала эту надежду. В течение долгих лет после окончания второй мировой войны Турция выступала в качестве проводника ближневосточной политики западных держав, в первую очередь США. С принятием «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» Турция включается в орбиту американской внешней политики, превратившись в основную базу США в этом регионе. Такая политика Турции носила наиболее реакционный характер в 50-х гг., в период 10-летнего правления Демократической партии Баяра — Мендереса. В этом отношении весьма примечательна оценка газеты «Нью-Йорк Таймс», данная деятельности тогдашнего премьер-министра Турции Мендереса о том, что он, считая себя эмиссаром Запада, дей-

ствует гораздо активнее любого представителя Вашингтона или Лондона¹.

В 1952—1955 гг. Турция наряду с США, Англией и Францией выступала с многочисленными предложениями о создании якобы оборонительного, в действительности же агрессивного военно-политического блока на Ближнем Востоке. Турция играла в этом деле сложную дипломатическую партию с тем, чтобы склонить арабские страны к вступлению в запланированный блок. Однако в так называемый Багдадский пакт, созданный в 1955 г., удалось включить только одну арабскую страну — Ирак, который очень скоро, в результате революции 1958 г., вышел из этого пакта.

Турецкая политика в 50-х гг. на Арабском Востоке находилась в полном противоречии с национально-освободительным движением арабских народов.

Турция была единственной восточной страной, которая не осудила англо-франко-израильскую агрессию против Египта в 1956 г. и фактически поддержала действия агрессоров. В связи с Суэцким кризисом президент Джалал Баяр, выступая в меджлисе, заявил, что «при сложившейся критической ситуации правительство воздерживается дать категорические оценки и принять соответствующие меры»². Правда, когда срочно созванное Тегеранское совещание глав 4-х азиатских членов пакта осудило агрессию, Турция была вынуждена примкнуть к ним. Когда другие члены пакта — Иран, Ирак и Пакистан полностью порвали дипломатические отношения с Израилем, Турция ограничилась тем, что отозвала своего посла и оставила там поверенного в делах. Она отнеслась с одобрением к военной провокации империалистов против Сирии в 1957 г., интервенции в Ливане и Иордании в 1958 г. На основе «доктрины Эйзенхауэра» турецкое правительство стремилось использовать эти акции как средство для оказания давления на арабские страны с тем, чтобы заставить их присоединиться к Багдадскому пакту. Мендерес откровенно заявил, что его правительство приветствует «доктрину Эйзенхауэра», призванную якобы сохранить стабильность в районе Среднего Востока³.

Все это привело к подрыву престижа Турции в глазах общественности не только арабских стран, но и самой Турции, к ее изоляции на международной арене. Касаясь этого, журнал «Ким» с горечью отмечал, что «арабы не без основания презируют нас. Они недовольны тем, что мы, вместо того чтобы присоединиться

¹ "The New York Times", 14. XII. 1959.

² "Vatan", 2. XI. 1956.

³ "Zafer", 7. II. 1957.

к голосу справедливости и хотя бы морально поддержать арабов, встали на сторону их врагов»⁴.

После переворота 27 мая 1960 г. наблюдается некоторое смягчение напряженности в турецко-арабских отношениях. Общественность Турции стала выдвигать против свергнутого правительства Баяра — Мендереса в числе других и обвинение в односторонней ориентации на международной арене, самонзоляции на Ближнем Востоке, где, как отмечала тогда газета «Ватан», «традиционная близость сменилась отчужденностью»⁵.

В 60-е гг. изменению турецкой политики в отношении арабских стран значительно способствовало обострение кипрского кризиса, в котором США заняли прогрессивную позицию.

Арабские страны не поддержали ее в кипрском вопросе и голосовали в ООН против притязаний Турции на Кипр. Так, президент Египта Г. А. Насер прямо заявил, что в случае оккупации Кипра Турцией как Египет, так и многие арабские страны окажут Кипру всевозможную военную помощь⁶.

Таким образом, к середине 60-х гг. в Турции остро встал вопрос о нормализации отношений с арабскими странами. В конце 1964 — начале 1965 гг. турецкое правительство послало в ряд арабских стран — Египет, Сирию, Ирак, Алжир, Ливан, Кувейт — так называемую «миссию доброй воли», за которой последовали ответные визиты в Турцию государственных деятелей этих стран. Значительные изменения произошли в турецко-арабских взаимоотношениях после арабо-израильской войны 1967 г. На этот раз турецкое правительство Партии справедливости открыто заявило о своем непризнании итогов этой войны — захвата арабских земель — и стало настаивать на выполнении Израилем резолюции № 242 ООН от 22 ноября 1967 г. При этом Турция опять же была непоследовательной и не пошла на разрыв отношений с Израилем.

Во время последней арабо-израильской войны 1973 г. Турция держала благосклонную к арабам позицию нейтралитета.

Отношение Турции к арабским странам претерпело значительную эволюцию в результате военного конфликта на Кипре летом 1974 г., вследствие которого резко ухудшились связи Турции с его главным империалистическим союзником — США.

Как известно, в связи с военными действиями Турции на Кипре, США наложили эмбарго на поставки американского оружия в Турцию, от которых сильно зависит вся военная система этой страны. В качестве ответной меры турецкое правительство приостановило действие соглашения о совместной обороне с США,

⁴ „Kim“, 6. XII. 1958.

⁵ „Vatan“, 18. XI. 1960.

⁶ „Middle East Economic Digest“, 9. X. 1964., p. 16.

закрыло 26 американских баз в Турции и установило свой контроль на этих базах. В этих условиях правящие круги Турции старались наладить свои отношения со всеми соседними странами, в том числе с нефтедобывающими арабскими странами. Еще правительство «националистического фронта» во главе с Сулейманом Демирелем заверяло, что отныне правительство Турции не будет принимать участие в какой-либо встрече или организации, которые могли бы вызвать раскол среди арабов.

В последние годы турецкие руководители все чаще выражают поддержку «всем законным правам палестинских арабов», включая право на создание собственного палестинского государства.

Турецкое правительство пытается развивать свои отношения со странами Ближнего Востока и Магриба, где оно рассчитывает найти рынки сбыта и дополнительные источники снабжения, в частности нефтью и удобрениями.

Поворот в политике Турции в отношении арабских стран в немалой степени обусловлен энергетическим кризисом, переживаемым всем капиталистическим миром, в том числе и Турцией.

Для покрытия своей нужды в нефти Турция обращается к Саудовской Аравии, Ливии и Ираку, которым Турция намерена поставлять взамен не только сельскохозяйственные продукты и промышленные товары, но и технические знания и технологию.

Следует отметить, что значительную часть потребляемой нефти Турции поставляет Ливия, причем по льготным ценам.

Премьер-министр Ливии Джеллуд заявил представителю издающегося во Франции журнала «аль-Ватан аль-Араби», касаясь турецко-ливийских отношений, что сотрудничество между двумя дружественными странами уже приносит свои плоды. Джеллуд отметил развитие отношений в политической, экономической и торговой областях, начиная с 1960 г., и сказал, что Ливия полна решимости сделать все, чтобы эти отношения расширялись и далее. Он назвал Эджевита «своим близким другом». Касаясь кипрской проблемы, Джеллуд высказался за «независимый, неприсоединившийся Кипр, свободный от английских баз». Он предложил свое посредничество между Турцией и Грецией в этом вопросе⁷.

Значительно расширились экономические связи между двумя соседними странами. 31 июля 1978 г. в Стамбуле открылся так называемый арабо-турецкий банк, основной капитал которого принадлежит Ливии. Спустя несколько дней после этого, т. е. 17 августа того же года, было подписано ливийско-турецкое соглашение о кредите в 100 млн. долл. Председатель Центрального

⁷ „Politika“, 19. VI. 1978.

банка Турции Т. Садыхлар охарактеризовал этот кредит как «самый выгодный из тех, которые представлялись Турции до сих пор, с точки зрения количества и условий погашения»⁸.

При этом следует отметить, что ливийские руководители обуславливают дальнейшее развитие турецко-ливийских отношений выходом Турции из НАТО и вступлением ее, как выразился М. Каддафи, в лагерь стран «третьего мира». Каддафи отметил, как пишет газета «Дюнья», что Турция и Ливия подошли к той точке в своих взаимоотношениях, когда они могут объединиться в борьбе против империализма⁹.

По мнению М. Каддафи, после того как Турция покинет Атлантическое сообщество, обе страны могут приступить к созданию совместной военной промышленности с использованием «ливийского капитала, турецкой рабочей силы и советской технологии»¹⁰. По сообщению той же газеты «Дюнья», по этому вопросу в сентябре 1978 г. в Триполи шли переговоры между М. Каддафи и начальником генштаба турецкой армии генералом Кенаном Эвренем. В дальнейшем, как видно из сообщений печати, эти переговоры прекратились из-за возобновления деятельности части американских баз на территории Турции.

В 20-х числах августа 1978 г. в Анкаре велись переговоры между министром иностранных дел Турции Г. Очкуном и министром планирования Ирака Х. аль-Хамдани. Было достигнуто соглашение о возобновлении поставок нефти по совместно построенному нефтепроводу из Ирака, которые были прекращены из-за невыплаты Турцией долга в 300 млн. долл. Ежегодно, в силу соглашения, Ирак будет поставлять Турции 5 млн. т нефти. Кроме того, соглашение предусматривает поставку Турцией в счет ее долга Ираку различных товаров на сумму около 300 млн. долл., в том числе 400 тыс. т пшеницы и 400 автобусов¹¹.

По мнению газеты «Дипломат», всестороннее развитие отношений между Турцией и Ираком явилось существенным прорывом в международных экономических связях Турции и позволяет ей несколько уменьшить напряжение, существующее в ее экономике.

Однако для обеих стран наиболее важным аспектом сотрудничества является, как это явствует из комментариев турецкой и иракской печати, политическая подоплека этого сотрудничества, выражающаяся в совместных акциях Ирака и Турции против так называемой «расколынической и подрывной деятельности курдов».

⁸ „Jerusalem“, 18. VIII. 1978.

⁹ „Dunya“, 12. X. 1978.

¹⁰ Там же.

¹¹ „Milliyet“, 25. VIII. 1978.

Диалог по этому вопросу между руководителями обеих государств продолжался и во время визита премьер-министра Б. Эджевита в Багдад в начале декабря 1978 г., где он вел переговоры с заместителем председателя Совета революционного командования Ирака Саддамом Хусейном.

Турция и Ирак, опасаящиеся, что волнения курдов в Иране могут перекинуться на их страны, договорились о сотрудничестве в пограничных районах.

Эта договоренность была детализирована в Багдаде во время переговоров между турецкими и иракскими военными руководителями. Вышеуказанные переговоры руководителей правительств двух стран, как впоследствии отметил министр иностранных дел Ирака С. Хаммади, показали совпадение взглядов обеих сторон по многим проблемам международной жизни, в частности, по ближневосточной проблеме. В опубликованном совместном коммюнике было подчеркнуто, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только при условии полного вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. Стороны, отмечается в коммюнике, выразили твердую поддержку справедливой борьбы арабского народа Палестины за свои национальные права¹².

В этой связи следует отметить, что в интервью, выходящему в Париже на арабском языке журналу «аль-Ватан», Б. Эджевит вновь заявил о необходимости освобождения в соответствии с решением ООН всех захваченных арабских территорий¹³.

Попытку установить между собой более тесные связи предпринимают в последние годы Турция и Египет. Как известно, долгие годы отношения между этими странами оставались холодными, порою и враждебными.

Изолированность Египта, особенно после капитулянтской поездки Садата в Израиль в ноябре 1977 г., а также заметные изменения в турецкой ближневосточной политике привели, хотя и весьма медленно, к пересмотру взаимоотношений этих стран. Так, 23 октября 1978 г., возвращаясь из Ирана, краткую остановку в Анкаре сделал вице-президент Египта Хусни аль-Мубарак. В ходе беседы аль-Мубарак информировал министра иностранных дел Турции Окчуна о результатах встречи в Кемп-Дэвиде. Однако тогда турецкий министр воздержался от изложения взглядов Турции в отношении упомянутой встречи. Такая сдержанность Окчуна, по мнению турецкой прессы, была вызвана тем, что как

---

¹² „Diplomat“, 30. VIII. 1978.

¹³ Там же.

раз в эти дни премьер-министр Б. Эджевит и дал уже упоминавшееся интервью журналу «аль-Ватан».

В дальнейшем в связи с заключением израильско-египетского сенаратного договора МИД Турции выступило с заявлением. Однако, как отмечает турецкая газета «Джумхурнет», эта мера носит половинчатый характер и вряд ли будет достаточной для того, чтобы обеспечить настоящее сближение с арабскими странами, которые в подавляющем большинстве порвали дипломатические отношения с Египтом. Маневрирование турецкого правительства вызывает недовольство не только в арабских странах, но и в самой Турции. Турецкая общественность и даже официальные круги опасаются ухудшения отношений с нефтедобывающими арабскими странами и, видимо, Турции придется занять более определенную позицию.

Именно в этом следует рассматривать причины согласия Турции с арабскими странами, решившими на Рабатском форуме мусульманских стран применить против Египта санкции, ранее определенные на Багдадском совещании арабских государств.

Итак, подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что за последние пятнадцать лет внешняя политика Турции вообще и в частности в отношении арабских стран претерпела определенные изменения. Причины для этого несколько: 1) Усиление влияния мирной политики СССР и других социалистических стран, приведшей к разрядке международной напряженности; 2) Экономические факторы заставили Турцию пересмотреть свою прежнюю одностороннюю ориентацию на Запад, главным образом на США, и сменить ее многоплановой политикой, в которой значительное место отводится отношению с арабскими странами; 3) Безусловно, новые влияния в турецкой ближневосточной политике в немалой степени обуславливаются событиями в регионе, в частности победой революций в Афганистане и Иране, процессом консолидации антимпериалистических сил как в странах арабского Востока, так и в самой Турции.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИРИЙСКО-ИРАКСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1961—1967 гг.)

Проблема межарабских отношений на современном этапе является одной из основных задач, поставленных перед советскими арабистами. Изучение этого важного вопроса в целом даст возможность ознакомиться с характерными чертами и особенностями развития арабских стран.

Настоящая статья посвящена сирийско-иракским взаимоотношениям, которые составляют важнейшую часть межарабских отношений, и трем основным этапам в их развитии (1961—1967).

Как известно, 28 сентября 1961 г. Сирия вышла из состава Объединенной Арабской Республики, и была создана Сирийская Арабская Республика.

Ирак, который в географическом плане является соседней с Сирией страной, с удовлетворением воспринял это событие.

Целью иракского правительства было восстановить с Сирией дипломатические отношения, прерванные со времен сирийско-египетского союза (1958—1961).

В новых условиях правительство Ирака пыталось любой ценой укрепить и улучшить свои контакты с Сирией с целью ослабления влияния Египта—этого крупнейшего государства арабского региона.

С другой стороны, вследствие непримиримой позиции, занятой правящими кругами Египта по отношению к Сирии, после провала единства, вновь образованное правительство Сирии было склонно к укреплению своих отношений с Ираком во избежание изоляции.

Эти обстоятельства и создали реальные условия для сближения двух соседних стран и развития их взаимоотношений.

В середине октября 1961 г., с восстановлением дипломатических отношений, начался первый этап развития сирийско-иракских связей.

В начале 1962 г. империалистические государства, в частности Англия и США, начали развивать активную деятельность на Арабском Востоке. Руководствуясь давнишними планами, они стремились восстановить свои утерянные экономические и политические позиции в Сирии и Ираке. Империалисты задались целью оказать давление на Сирию и Ирак экономически и политически, затормозить их поступательное развитие и, по возможности, удержать эти страны в зависимости от себя.

Устремления англо-американских империалистов стали очевидны, когда правительство Ирака решило ограничить в стране сферу деятельности нефтяного общества «Ирак Петролеум Компани». Это решение дало повод империалистам сосредоточить в Персидском заливе военные силы под предлогом защиты своих «прав».

В условиях создавшейся ситуации Сирия и Ирак начали сотрудничать с целью устранения империалистической военной опасности в этом районе. В связи с этим 21 января 1962 г. в Дамаске впервые было созвано сирийско-иракское совещание, во время которого обе стороны пришли к взаимному согласию — с помощью совместных усилий укрепить свою независимость и установить дружеские отношения с другими арабскими странами на основе общего сотрудничества.

Сирия и Ирак решили вести длительную борьбу против империализма и оказывать поддержку народам арабских стран, находившимся в сфере империалистического влияния. Они пришли к соглашению начать переговоры относительно установления военного сотрудничества между обоими странами. По мнению руководителей Ирака и Сирии, такое сотрудничество «должно было обеспечить безопасность и свободу как им, так и арабским странам»¹.

Это означало, что Сирия и Ирак стремились создать объединенный фронт и взять на себя инициативу ведения борьбы в этом районе против империализма и его планов.

Дамасское соглашение получило положительную оценку со стороны ряда арабских стран. Так, ливанская печать сочла его «не только сирийско-иракским сотрудничеством, но и сотрудничеством между всеми освобожденными арабскими странами против империализма»².

В середине марта 1962 г. в небольшом городке Рутба на сирийско-иракской границе состоялось новое совещание между двумя странами, во время которого иракскую сторону возглавлял

---

¹ „The Iraq Times“, Baghdad, 28. I. 1962.

² „Ал-Нида“, Бейрут, 30 I. 1962.

премьер-министр Абдель Керим Касем, а сирийскую делегацию представляли президент Назим аль-Кудси и премьер-министр Маруф ад-Давалиби.

В ходе совещания руководители Сирии и Ирака подвергли острой критике старые империалистические планы «Великая Сирия» и «Благодатный полумесяц», отмечая, что стоящий за подобными опасными планами империализм, преследуя экономические и политические цели, стремится нарушить историческое поступательное движение арабского народа и нанести удар его интересам³.

Сирия и Ирак решили установить военно-политическое сотрудничество между арабскими странами. Они пришли к соглашению заключить военный союз между освобожденными арабскими странами и создать общее командование. После чего «ставилась задача организовать объединенные комитеты, которые скорейшим образом разработали бы пути к осуществлению этого соглашения, с целью создания объединенных военных сил стран, вступивших в него»⁴.

Что же касается политической стороны, то было достигнуто соглашение создать такой политический орган, который смог бы объединить внешнюю политику стран — членов военного союза. Решения органа в равной степени должны были распространиться на все эти арабские страны и определить практические пути для координации их внешней политики.

Из всего этого видно, что Сирия и Ирак, взяв на себя инициативу установления сотрудничества между арабскими странами в различных сферах деятельности, пытались постепенно осуществить арабское единство.

За этот период параллельно с военно-политическим сотрудничеством между Сирией и Ираком были заключены также и торгово-экономические соглашения. Так, в соответствии с экономическим соглашением, подписанным в ноябре 1961 г., предусматривалось снизить и даже отменить таможенные пошлины, а также режим виз между двумя странами и всячески поощрять перевод капитала и совместное его внедрение.

Однако военно-политическое сотрудничество, заключенное между Сирией и Ираком, не осуществилось, поскольку 28 марта 1962 г. в Сирии произошел военный переворот, и новое правительство, сформированное Бешир аль-Аземом, проявило определенную осторожность в области внешней политики. Тем не менее, действия, предпринятые обеими странами в 1961—1962 гг., способствовали их сближению.

³ Там же. 17.III.1962.

⁴ Там же.

Важность этого этапа заключилась в том, что между Сирией и Ираком были восстановлены межгосударственные отношения и сделаны первые шаги к взаимному сотрудничеству как в политической и военной, так и в торгово-экономической сферах.

В феврале 1963 г. в Ираке и в марте того же года в Сирии произошли государственные перевороты, и власть в обеих странах впервые перешла в руки Партии арабского социалистического возрождения (Баас).

Установление и в Сирии, и в Ираке власти одной и той же партии создало новые условия для дальнейшего развития и расширения взаимоотношений этих стран.

Начался второй этап развития сирийско-иракских отношений. Став руководящей одновременно в двух странах партия Баас, основной лозунг которой — единство, свобода и социализм, немедленно поставила задачу объединения арабских стран.

В марте 1963 г. в Дамаске во время первого совещания между баасистами Сирии и Ирака обе стороны пришли к соглашению: установить военно-политическое сотрудничество между пятью арабскими республиками — Сирийской, Иракской, Египетской, Алжирской и Йеменской.

В соответствии с этим соглашением вооруженные силы вышеуказанных стран получили право на вмешательство без предупреждения в случае, «если одна из пяти стран будет подвергнута нападению извне или же заговору, замысленному при содействии империализма и стремящемуся свергнуть прогрессивный режим страны»⁵. Помимо этого ставилась задача создать политическое руководство, которое приняло бы на себя обязательство координировать политику этих стран.

Баасисты Сирии и Ирака заявили, что «необходимо объединить политику этих стран, как в сфере национальной, так и международной, на благо арабского единства и осуществления его целей»⁶.

Из упомянутого соглашения становится ясно, что руководящие круги партии Баас, как Сирии, так и Ирака, стремились не только укрепить свою власть в двух странах, но и распространить свое влияние на ряд арабских стран.

После того, как правительства Египта, Алжира и Йемена категорически отказались установить военно-политическое сотрудничество с баасистами, последние подняли вопрос о создании федерального союза между тремя странами — Сирией, Ираком и Египтом.

---

⁵ «Арарат», Бейрут. 12.III.1963.

⁶ «Аль-васанк аль-арабия», Бейрут. 1963. стр. 51.

В середине марта 1963 г. в Каире начались переговоры между руководителями Сирии, Ирака и Египта. Следует отметить, что баасисты Сирии и Ирака не имели соответствующего и предварительно разработанного плана по организации федерального союза. Это и было причиной того, что с самого начала переговоров возникли разногласия и противоречия. Египет стремился объединиться сперва с Сирией, а затем — с Ираком.

По нашему мнению, это предложение Египта вытекало из того, что в случае одновременного объединения Сирии и Ирака с Египтом, позиции последнего в федерации ослабли бы. И следовательно, не случайно высказывание Насера о том, что «сам он стремится прежде объединиться с Сирией, и, если после четырехмесячного испытательного периода все бы шло нормально, то в федерацию будет вовлечен и Ирак в качестве третьего участника»⁷.

Однако Сирия отвергла это предложение Египта, и последний был вынужден пойти на уступки и согласиться с образованием федерации в составе трех государств.

Интересно то, что баасисты Сирии и Ирака за время переговоров прилагали все усилия для создания такого объединения, где влияние Насера распространялось бы только на Египет, чтобы партия Баас могла сохранить свои господствующие позиции как в Сирии, так и в Ираке.

Делегаты Сирии и Ирака стремились убедить представителей Египта основать такое федеральное государство, в котором «каждая страна сохранит свою внутреннюю независимость, будет создан президентский совет, который примет на себя обязанности верховной власти, и будет состоять из шести членов — по два представителя из каждой страны»⁸.

Руководство Египта не приняло это предложение, так как баасистские правительства Сирии и Ирака приобрели бы в подобном союзе большинство и сосредоточили бы всю власть в своих руках.

Во время переговоров фактически был создан сирийско-иракский объединенный фронт.

После долгих переговоров и взаимных уступок стороны 17 апреля того же года в Каире подписали соглашение, по которому Сирия, Ирак и Египет объединялись в федеральное государство — Объединенную Арабскую Республику. Столицей ее становился Каир. В компетенцию этого государства входили вопросы внешней политики, обороны, национальной безопасности, финансов и др.

⁷ M. Kerr, *The Arab Cold War. 1958--1964*. London, 1965, p. 73.

⁸ «Аль-Ахбар», Бейрут, 24.3.1963.

Страны, входящие в состав федерального союза, должны были иметь свой парламент, правительство и сохраняли самостоятельность в некоторых вопросах внутренней политики.

Едва соглашение от 17 апреля 1963 г. было подписано, как возникли сильные противоречия между баасистами Сирии и Ирака, с одной стороны, и руководящими кругами Египта — с другой. Эти противоречия приняли такой острый характер, что, в итоге, явились причиной провала тройственного федерального государства.

После очередной неудачи, баасисты Сирии и Ирака сразу же решили создать тесный союз между обеими странами. В августе 1963 г. Ирак и Сирия пришли к согласию относительно установления между обеими странами экономического единства, а в октябре подписали конвенцию о создании военного союза. По этой конвенции предусматривалось: объединить все вооруженные силы Сирии и Ирака, создать верховный совет обороны, состоящий из главнокомандующего объединенными вооруженными силами и трех членов, которые назначались со стороны Национального совета революционного командования каждой страны.

В октябре 1963 г. в Дамаске был созван VI общearабский съезд партии Баас, который, обсудив вопрос объединения Сирии и Ирака, принял особую резолюцию о немедленном объединении этих двух стран.

Однако 18 ноября 1963 г. в Ираке произошел государственный переворот, вследствие чего была свергнута власть партии Баас.

Так был завершён второй этап сирийско-иракских взаимоотношений. Особенность этого этапа состоит в том, что Баас, будучи руководящей партией в Сирии и Ираке, создала возможность для развития тесных взаимоотношений между обеими странами и попыталась на деле осуществить арабское единство.

После ноябрьского переворота 1963 г. начался третий этап сирийско-иракских межгосударственных отношений, который, в отличие от предыдущих двух, имел напряженный характер, полный противоречий и разногласий.

Новый президент Ирака Абдель Салам Ареф начал постепенно выводить из государственного аппарата всех баасистов, занимавших руководящие посты. Многие активные члены Баас, в том числе и ее руководящие деятели, были вынуждены покинуть страну и искать убежище в соседней Сирии.

Свержение иракской партии Баас тяжело отразилось на Сирии. Если до переворота баасистское правительство Ирака выступало в роли защитника Сирии, то уже в новых условиях правительство Сирии, изолировавшись, было вынуждено приложить все усилия для сохранения своей власти.

В 1964 г. между Сирией и Ираком все более и более усиливается напряженность в политических взаимоотношениях. В этом отрезке времени баасисты Сирии подвергались острым пропагандистским нападкам со стороны руководящих кругов Ирака.

Отношения между Сирией и Ираком особенно обострились в конце 1964 г., когда правительство Ирака раскрыло в стране крупный антиправительственный заговор, организованный баасистами.

После того как попытка заговора потерпела неудачу, правительство Ирака выступило с инициативой окончательно ликвидировать нелегальную партию Баас. За короткий промежуток времени тюрьмы Ирака переполнились тысячами баасистов.

Правительство Сирии не могло пройти равнодушно мимо насилия, которому подвергались баасисты со стороны руководящих кругов Ирака. В начале октября того же года в Дамаске было опубликовано заявление национального руководства партии Баас, которое подвергло арафский режим открытой критике. В заявлении говорилось, что «вопрос защиты иракских баасистов и предоставления им свободы есть национальная обязанность, и поэтому необходимо поддерживать их и решительным образом встать бок о бок с ними»⁹.

В защиту иракских баасистов в Дамаске, Алеппо, Кунейтре и ряде других городов Сирии были организованы крупные народные демонстрации.

Сирийско-иракские межгосударственные отношения продолжали оставаться напряженными вплоть до 1966 г.

Как известно, в феврале 1966 г. в Сирии произошел государственный переворот, вследствие которого власть перешла в руки левого крыла партии Баас. Этим переворотом в истории Сирии открылась новая страница, в стране был установлен прогрессивный революционно-демократический режим.

Новое правительство Сирии, выступая против империализма и реакции, поставило перед собой задачу укрепить свои отношения со всеми арабскими странами.

В сирийско-иракских отношениях этого периода постепенно начала проявляться тенденция к взаимному сближению, появились признаки сотрудничества, которые следует объяснить усилением, в данном промежутке времени, все возрастающей опасности сионистской империалистической агрессии против прогрессивного режима Сирии.

В июле того же года, когда на сирийско-израильских пограничных поясах создалось напряженное положение, правительство

---

⁹ «Аль-Баас». Дамаск, 4.X.1964.

Ирак выразило Сирии свою солидарность, призывая создать союз между Сирией, Ираком и Египтом на основе декларации 17 апреля 1963 г. Предлагая внести в эту декларацию некоторые изменения, правительство Ирака ставило задачей создание между тремя странами объединенного военного командования и проведение единой внешней политики.

В октябре правительство Ирака, выступая против военной угрозы Израиля, опубликовало официальное заявление, согласно которому оно предоставляло в распоряжение Сирии все свои вооруженные силы в том случае, если будет предпринята какая-либо агрессия извне.

Политика антиимпериалистической борьбы Сирии и Ирака и определенные положительные сдвиги в их взаимоотношениях стали очевидными в конце 1966 г. во время конфликта, возникшего между правительством Сирии и «Ирак Петролеум Компани», когда правительство Ирака оказало поддержку Сирии, защищая ее справедливые требования.

Наилучшим доказательством укрепления межгосударственных отношений двух стран явилась позиция правительства Ирака по отношению к Сирии во время израильской агрессии 1967 г. По соглашению о координации действий сирийско-иракских военных сил, правительство Ирака в разгар войны направило свои военные соединения в Сирию для отражения израильского наступления.

После июльской войны важность укрепления межарабских отношений стала еще более необходимой.

Таким образом, 1961—1967 гг. являются важным периодом в истории развития сирийско-иракских межгосударственных отношений.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТРАН БАССЕЙНА КРАСНОГО МОРЯ

К 80-м гг. текущего столетия взаимоотношения стран бассейна Красного моря составили важное звено в системе современных международных отношений. Мировое сообщество пристально следит за тем, как развиваются события в этом регионе, какая складывается там социально-политическая обстановка, как осуществляются межгосударственные сношения в регионе (т. е. региональные отношения). Страны бассейна Красного моря, в совокупности представляющие специфический политико-географический регион, играют важную роль в мировой политике, и особенно в Юго-Западной Азии и Африке.

Красноморский регион включает небольшую группу освободившихся государств Азии (Саудовская Аравия, Иордания, ЙАР, НДРЙ) и Африки (Египет, Судан, Эфиопия, Джибути, Сомали) с общим населением немногим более 130 млн. чел. В соответствии с характером социально-экономического развития они подразделяются на государства социалистической (Эфиопия, НДРЙ) и капиталистической (все остальные) ориентации. Путь развития этих афро-азиатских стран определяет их внешнеполитические позиции.

Все развивающиеся страны региона, за исключением Эфиопии, входят в Лигу арабских стран (ЛАС). Красноморским государствам — членам ЛАС свойственны в той или иной социально-политической окраске общерабские проблемы, многие из которых носят глобальный международный характер. В свою очередь ряд региональных (красноморских) проблем в силу определенных обстоятельств стал узловым для всего Ближнего и Среднего Востока и даже мира в целом.

Часть государств Красноморского региона входит в Организацию африканского единства (ОАЕ). Это, разумеется, накладывает на них известные обязательства по отношению друг к другу и вынуждает их в той или иной степени согласовывать свои действия в регионе с общеафриканской ситуацией и Уставом ОАЕ.

Когда же некоторыми из них предпринимаются шаги, идущие в разрез с решениями и принципами ОАЕ, то последние пытаются принять участие в благоприятном для мира и национальной независимости исходе возникшего конфликта.

Для понимания взаимоотношений в регионе важно учитывать, что арабские страны заинтересованы в формировании реалистической позиции всей Африки к ближневосточной проблеме. Вот почему они прилагают немало усилий (предоставление безвозмездной помощи, займов, кредитов, обеспечение нефтью и т. д.) по привлечению на свою сторону африканских государств.

Таким образом, многие общеафриканские и общееарабские проблемы тесно переплетены и так или иначе проявляются в региональных отношениях в бассейне Красного моря.

С географической точки зрения Израиль в результате экспансионистской политики превратился тоже в красноморскую державу (залив Акаба, на берегу которого находится израильский порт Эйлат — Тиранский пролив — Красное море). Это придает особый характер ряду общих проблем в рассматриваемом регионе, а также деформирует суть и направление некоторых внешне- и внутривосточных событий по обоим берегам Красного моря. Арабо-израильские противоречия, обусловленные агрессивным курсом правящих кругов Тель-Авива, непосредственно присутствуют и в Красноморском регионе.

В орбиту этих связей — противоречий включены, по существу, все страны региона, в том числе и неарабские. Доказательством тому могут служить, например, интенсивные контакты Израиля с императорским режимом в Эфиопии в 60-е — начале 70-х гг., имевшие в своей основе, по замыслам Тель-Авива, антиарабскую направленность. В свою очередь императорский режим рассчитывал с помощью Израиля подавить сепаратистское движение в северной провинции Эритрея, поддерживавшееся и поныне поддерживаемое многими арабскими странами. После победы антифеодальной, антиимпериалистической революции в 1974 г. Эфиопия, избравшая социалистическую ориентацию, прекратила связи с Израилем, установила добрососедские отношения с рядом арабских государств, заявив о принципиальной поддержке их освободительной борьбы, признала ООП и открыла ее представительство в Аддис-Абебе. Тогда Израиль выступил против эфиопской революции. Основное кредо, которого придерживаются при этом в Израиле, было высказано премьер-министром М. Бегинном в сентябре 1978 г.: «Мы, — многозначительно заявил он, — обращаясь к членам одной из комиссий палаты представителей конгресса США, — не должны забывать об Анголе, Мозамбике, Эфиопии,

Южном Йемене и некоторых других странах»¹, т. е. странах, где произошли национально-демократические революции, открывшие социалистическую перспективу.

Противодействие Израиля социально-освободительному движению в Азии и Африке совпало с соответствующей реакционной позицией Каира, Хартума и некоторых других консервативных стран региона и нашло широкое понимание и помощь Вашингтона. Дело в том, что Красноморский регион представляет собой особую сферу интересов мирового империализма, и прежде всего американского.

В США и других западных державах возлагают большие надежды на Саудовскую Аравию, располагающую богатейшими запасами нефти (почти 20 млрд. т), как главного поставщика нефти на мировом капиталистическом рынке; Вашингтон даже стремится побудить Эр-Рияд довести добычу нефти до 1 млрд. т в год (в 1978 г. — около 400 млн. т, второе место в капиталистическом мире), чтобы решить энергетические проблемы Запада.

Но не только нефтью богат Красноморский регион. Большое мирохозяйственное значение имеют запасы калийных солей в Израиле и Иордании, газа в Саудовской Аравии (1,4 трлн. куб. м), урана в Сомали, а также агро-сырьевые ресурсы: кофе в Эфиопии, хлопок в Египте и Судане, живой скот в Саудовской Аравии, Сомали и ЙАР и др.

Более того, Саудовская Аравия, занимающая одно из первых мест в капиталистическом мире по объему золотовалютных резервов, стала в 70-е гг. крупным инвестором в экономику Запада и кредитором ряда империалистических держав.

В недалеком будущем огромное минерально- и биоресурсное значение приобретает само Красное море, в глубоководной части которого обнаружены горячие рассолы и илы с богатым содержанием металлов (железа, марганца, цинка, свинца, меди, серебра, золота). Велик также энергопотенциал Красного моря. Уже имеются проекты (технически осуществимые) сооружения Суэцкой и Баб аль-Мандебской плотин, которые в результате искусственного создания перепада воды обеспечат снижение уровня Красного моря и дадут через пару десятков лет энергию в 31 млн. квт. Такое использование энергопотенциала Красного моря в условиях энергетического кризиса капиталистической системы не может не привлечь к этому региону западные страны.

Говоря об интересах мирового империализма, следует иметь в виду не только хозяйственное значение Красноморского региона для экономики Запада. Во-первых, регион важен для империали-

¹ «Правда», 30.IX.1978.

стических держав с военно-стратегической точки зрения, ибо находится по соседству от границ социалистического содружества. Во-вторых, мировой империализм стремится удержать страны Красноморского региона в русле капиталистической ориентации. В-третьих, осуществляя неоколониальную политику в регионе, мировой империализм пытается обеспечить позиции Израиля, сохранив одновременно прочные связи с арабскими консервативными режимами. В-четвертых, Запад не оставляет помыслов об установлении господства над южными подходами к Суэцкому каналу, значение которого в мировом судоходстве в 80-е гг. резко возрастет после ввода в эксплуатацию системы Рейн—Майн—Дунай, соединяющей Северную Европу с Черным и Средиземным морями. В этой связи особая роль отводится Африканскому Рогу, на котором расположены Эфиопия, Джибути, Сомали. «Африканский Рог,—заявил помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский,—имеет большое значение ввиду своего местоположения, ввиду размера населения Эфиопии, ввиду его стратегической значимости для доступа к Суэцу, ввиду его политического значения для Саудовской Аравии...»². К тому же США стремятся в соответствии с неоколониальной стратегией создать своеобразный мост для обеспечения бесперебойной поставки нефти из стран Персидского залива, который, по замыслам Вашингтона, должен поддерживаться и государствами бассейна Красного моря. В Пентагоне вынашивают даже планы военного вмешательства США в дела всего этого обширного нефтеэкспортирующего региона под предлогом «обеспечения снабжения нефтью Запада»³.

Еще в 1977 г. США выступили с предложением создать военно-политический блок — так называемый «пакт безопасности Красного моря», с участием Саудовской Аравии, ЙАР, Судана, Египта и Сомали⁴. Ставку Вашингтон при этом делал на королевский режим Саудовской Аравии, для которого США, несмотря на известные противоречия (например, в отдельные годы в вопросе о цене на нефть или в 1979 г. в отказе Эр-Рияда поддержать египетско-израильский «мирный» договор), являются основной внешнеполитической опорой.

Роль Саудовской Аравии на международной арене двойственна: с одной стороны, она следует в фарватере американской поли-

² Цит. по: Ю. Алимов. Рецидивы колониализма, «Коммунист», 1978, № 9, стр. 110.

³ «Правда», 7.VI.1979. В 1979 г. в США приступили к созданию 5-го американского флота, который будет дислоцироваться в Индийском океане и, следовательно, включит в сферу своей деятельности Красноморский бассейн.

⁴ «Правда», 12.V.1978.

тики, а с другой — пытается добиться собственных целей, и прежде всего в Юго-Западной Азии, в Красноморском регионе и Африке в целом, вступая при этом порой в противоречие с концепциями США (например, противодействие египетско-израильскому договору в 1979 г.). Однако, вследствие социально-политической природы власти в Эр-Рияде, многие саудовские внешнеполитические акции, преследующие, казалось бы, ее собственные интересы, совпадают с намерениями Вашингтона. Вот почему последний предоставляет Эр-Рияду широкий диапазон действий на Африканском континенте и в Юго-Западной Азии, активно их поддерживая. Показательно в этой связи признание парижской «Курье де политик этранжер», утверждавшей, что, «опираясь на нефтедоллары и «дружескую помощь» Соединенных Штатов, прибегая к содействию некоторых арабских режимов, Саудовская Аравия стремится занять место верховного арбитра в вопросах афро-арабского сотрудничества... Речь идет об определенной военно-политической доктрине, выдвинутой группой реакционных арабских стран во главе с Саудовской Аравией, которые рассматривают важные районы Африки в качестве «сферы особых арабских интересов». Никому, по всей видимости, не нужно указывать на совпадение этих интересов с устремлениями основных западных держав особенно в том, что касается противодействия так называемому «коммунистическому проникновению» на африканском континенте. Арабская реакция была и остается в этих районах подчиненным партнером западных держав...»⁵.

Гегемонизм Саудовской Аравии в Красноморском регионе совпал с американскими планами создания пакта Красного моря. Эр-Рияд в конце 70-х гг. вытаскил из архивов истории идею превращения Красного моря во «внутреннее арабское озеро» и, разумеется, усилил деятельность по ее реализации. «Арабизация» Красного моря под эгидой Саудовской Аравии означала бы появление нового военно-политического блока (что соответствовало планам США!), нарушение международного судоходства, а также попытку ликвидировать завоевания эфиопской революции. Но не только мировой империализм поддерживал идею «арабизации» Красного моря. С ней солидаризировались лидеры маоистского Китая. «Руководители Пекина,— говорил Председатель Временного военного административного совета Эфиопии Менгисту Хайле Марьям,— поддержали также заговор реакционных арабских режимов, нацеленный на превращение Красного моря в «арабское озеро» и подрыв эфиопской революции»⁶.

⁵ Цит. по: «За рубежом», 1978, № 38, стр. 14.

⁶ «Правда», 13.IX.1978.

Установление в Эфиопии революционного режима, объявившего о своей приверженности марксизму-ленинизму, явилось главной причиной устремлений Саудовской Аравии по организации красноморского блока. «...Идея превращения Красного моря в «арабское озеро»,— писал член Политбюро ЦК Иорданской компартии Наим Ашхаб,—усиленно поднимается на щит с момента рождения революционной Эфиопии, чтобы таким путем изолировать ее от внешнего мира, лишить выхода к морю, наконец, максимально ослабить, чему служило бы также отторжение северной провинции Эритрея»⁷.

Отношение к революционной Эфиопии стало со второй половины 70-х гг. одним из основополагающих факторов, определяющих ситуацию в Красноморском регионе. Арабские консервативные режимы Саудовской Аравии, Египта, Судана и др., а также лидеры Сомали выступили против прогрессивной власти в Аддис-Абебе. «В геополитическом плане,— писала французская газета «Монд»,— арабские соседи, и в частности Саудовская Аравия, весьма обеспокоены тем, что власть, заявляющая о своей приверженности марксизму, обоснуется в Асмаре и в стратегической зоне Баб аль-Мандебского пролива»⁸.

Эфиопская революция заметно изменила социально-политическую обстановку в Красноморском регионе, влияние ее идей и практических шагов оказалось значительным. Это не могло не вызывать беспокойства в правящих кругах Эр-Рияда, Каира и Хартума. При поддержке мирового империализма было предпринято несколько совместных акций против Эфиопии, вплоть до вооруженной агрессии Сомали и усиления военной, финансовой и дипломатической поддержки сепаратистским организациям в Эритрее⁹.

Захватническая война Сомали против Эфиопии в 1977—1978 гг., предпринятая под «флагом» реализации территориальных притязаний, обнажила истинные намерения реакционных режимов, а также империалистических держав в Красноморском регионе, на всем Ближнем и Среднем Востоке¹⁰. В течение нескольких месяцев 1977—1978 гг. Красноморский регион в целом и Африканский Рог особенно стали одной из самых горячих точек на

⁷ Н. Ашхаб, Потенциал эфиопской революции—«Проблемы мира и социализма», 1978, № 6, стр. 78.

⁸ «Le Monde», 28. II. 1978.

⁹ Подробнее см.: В. С. Ягья, Эфиопия в новейшее время. М., 1978.

¹⁰ См.: А. Хазанов, Проблема межгосударственных конфликтов в Африке и события на Африканском Роге, «Азия и Африка сегодня», 1978, № 7, стр. 22; *Его же*. В Сомали нарастает недовольство режимом, «За рубежом», 1978, № 42, стр. 6; А. Azad, The Horn of Africa. Defeat for Imperialism, «The African Communist», 1978, №74, 3rd Quarter, p. 47; и др.

Земном шаре. Пекин тогда вновь оказался на стороне сил империализма и реакции. Таким образом, политика Пекина в странах бассейна Красного моря характеризуется как фактор дестабилизации положения в регионе.

Опираясь на братскую помощь социалистического содружества, и прежде всего СССР и Кубы, эфиопский народ выдворил агрессора, защитив свои революционные завоевания и территориальную целостность. Вот эта-то интернациональная помощь, включающая отправку в Эфиопию кубинских военнослужащих¹¹, и стала с тех пор одним из важных внешнеполитических факторов развития Красноморского региона.

Несмотря на провал сомалийской агрессии, прочный мир на Африканском Роге и, следовательно, во всем Красноморском регионе еще не наступил из-за обструкционистской политики руководства Сомали, не отказавшегося от политики экспансионизма и заручившегося поддержкой Саудовской Аравии, Египта и Судана, а также мирового империализма¹². В связи с этим территориальные притязания Сомали к Эфиопии, содержащиеся в настоящее время и стремление к ликвидации прогрессивного режима, к 80-м гг. составили важную сторону региональных отношений в бассейне Красного моря.

Следует обратить внимание на синхронность агрессивных действий Сомали и эритрейских сепаратистов. Вопрос об Эритрее арабская реакция попыталась превратить из сугубо внутреннего дела Эфиопии в международную проблему. Показательно, что при царствовании Хайле Селассие I Саудовская Аравия по существу не поддерживала требования сепаратистов об отделении Эритреи. С изменением характера власти в Аддис-Абебе Саудовская Аравия тотчас выступила в поддержку сепаратистов Эритреи.

Саудовская Аравия и ее союзники со второй половины 70-х гг. неустанно разжигали тенденции сепарации в Эритрее, в своей основе направленные против эфиопской революции. После падения монархии в Эфиопии, как писал Н. Ашхаб, «действия эритрейских сепаратистов по существу сомкнулись с контрреволюционными действиями монархических кругов, многочисленных врагов прогрессивной власти. Противопоставив собственные интересы интересам подавляющего большинства населения и настаивая на обособлении Эритреи, сепаратистская верхушка наносила уже прямой вред революции...»¹³. Сепаратистские организации, опира-

¹¹ «Правда», 17.III.1978.

¹² «Правда», 18.XI.1978.

¹³ «Проблемы мира и социализма», 1978, № 6, стр. 79.

ющиеся, в частности, на финансовую и дипломатическую помощь некоторых красноморских стран, отвергают все предложения эфиопского революционного правительства о нормализации положения в Эритрее. Власти в Аддис-Абебе выдвинули реалистическую программу урегулирования эритрейской проблемы, признав в том числе право на самоопределение в форме региональной автономии¹⁴.

В заявлении состоявшегося в 1978 г. Совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран специальный раздел посвящен событиям в Эритрее. В нем говорится: «Высшие интересы арабского национально-освободительного движения состоят в том, чтобы.. преградить путь вмешательству империализма и реакции, защитить эфиопскую революцию, решить проблему Эритреи мирными средствами на основе права на самоопределение и в интересах совместной борьбы против империализма и реакции, на основе территориальной целостности эфиопского государства»¹⁵. Коммунисты арабских стран признают, таким образом, важность завоеваний эфиопской революции и проблем, связанных с Эритреей, для судеб всего Ближнего и Среднего Востока и Красноморского региона в частности.

Не вдаваясь в подробности положения в Эритрее и причины возникновения там центробежных тенденций, отметим, что Саудовская Аравия и ее фактические союзники стремятся добиться отделения Эритреи, сепаратистские лидеры которой объявили о принадлежности этой территории к арабо-мусульманскому миру, подчинить ее своему влиянию и тем самым облегчить создание Красноморского блока.

Планы его создания были резко осуждены СССР, всем социалистическим содружеством. Об этом, в частности, специально упоминалось в Совместном советско-эфиопском коммюнике, опубликованном в связи с официальным визитом в сентябре 1978 г. советской делегации во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым в Эфиопию. «Обе стороны, — подчеркивалось в Коммюнике, — рассмотрели положение в районе Красного моря. Они выступают за превращение этого района в зону мира, за развитие и укрепление отношений между прибрежными государствами Красного моря на основе добрососедства и невмешательства во внутренние дела друг друга. Они решительно осудили прокси империалистических и других реак-

---

¹⁴ „Ethiopia. Provisional Military Government. Ministry of Foreign Affairs. Eritrea Then and Now“, Addis Ababa, 1976, p. 29—31.

¹⁵ «Проблемы мира и социализма», 1978, № 6, стр. 80.

ционных сил по сколачиванию так называемого «пакта безопасности Красного моря» в ущерб правам и интересам всех прибрежных государств, и в особенности Эфиопии, а также интересам международного морского судоходства»¹⁶. В нем практически сформулирована программа мира и разрядки напряженности в бассейне Красного моря, которой Эфиопией и Советским Союзом отводится основополагающая роль в развитии региональных отношений.

К 80-м гг. в регионе четко обозначилась поляризация социально-политических сил, что нашло свое яркое выражение в формировании двух противоречивых тенденций: с одной стороны, укрепление взаимосвязей между консервативными режимами¹⁷, придание мировым империализмом некоторым из них (Саудовской Аравии и Египту в первую очередь) жандармских функций, а с другой — наметившееся сближение стран социалистической ориентации (Эфиопии и НДРГ). Для последних характерно уже совместное участие в защите революционных завоеваний. В этом — одна из причин того, что Саудовская Аравия, ее союзники (региональные и империалистические) усилили в 1978—1979 гг. подрывную деятельность против НДРГ, объявившей о своей приверженности научному социализму. Широко используются при этом центробежные и центростремительные тенденции во взаимоотношениях ИАР и НДРГ, анализ которых еще раз убеждает в необходимости комплексного подхода к исследованию всей системы Красноморских региональных связей и противоречий.

Предстоит еще немало сделать, чтобы обстоятельно изучить тенденции и перспективы развития региональной внешнеполитической деятельности Красноморских стран.

¹⁶ «Правда», 21.IX.1978.

¹⁷ Разумеется, саудовско-египетские противоречия из-за «мирного договора» Египта с Израилем осложнили в 1979 г. ситуацию в консервативном лагере Красноморского бассейна, заметно ослабив центростремительную тенденцию между Каиром и Эр-Риядом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Андреасян Р. Н.</i> —Социально-политические сдвиги в арабских нефтеэкспортных странах.	7
<i>Гусаров В. И.</i> —Влияние социально-политической ориентации режимов на процесс экономического развития арабских стран.	17
<i>Инджикян Р. О.</i> —Неравномерность развития освободившихся государств и страны ОПЕК.	25
<i>Лушикова Л. И.</i> —Арабские нефтедобывающие страны и «новая» стратегия США (70-е гг.).	33
<i>Мирский Г. И.</i> —Становление и развитие арабских стран социалистической ориентации.	39
<i>Оганесян Н. О.</i> —Неравномерное развитие арабских стран (50—70-е гг.).	42
<i>Сараджян П. А.</i> —Усиление правых тенденций в арабском национально-освободительном движении (конец 60-х начало 70-х гг.).	46
II. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ	
<i>Аширян Ш. Ч.</i> —Процесс внутренней миграции и урбанизации в Иракском Курдистане.	53
<i>Виравов А. Г.</i> —Некоторые вопросы социально-политического развития Алжира и роль ислама.	58
<i>Гаджаров Н.</i> —К вопросу изучения культурного наследия туркменского национального меньшинства в Иракской республике.	64
<i>Гасанов Т. Б.</i> —О некоторых вопросах социально-политического развития Ирака после 1968 г.	70
<i>Голубовская Е. К.</i> —Изменение социально-политического положения низших слоев городского и сельского населения НДРИ и ИАР в 50—70-е гг.	78
<i>Нужнов А. О.</i> —О некоторых аспектах политической мобилизации и организации сирийского крестьянства.	84
<i>Самвелян К. Х.</i> —Роль рабочего класса Ирака в социально-экономических преобразованиях республики.	91
<i>Турдалиев К.</i> —Некоторые вопросы практической деятельности мусульманского духовенства в современном Ираке.	97

III. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОТХОДА ЕГИПТА ОТ ПРОГРЕССИВНОГО КУРСА РАЗВИТИЯ

Абгарян Е. А.—Причины изменений внутренней и внешней политики Египта после Г. А. Насера.	111
Ализаде Э. М.—Общественное сознание и сдвиг вправо в Египте в 70-х гг.	117
Ефимов Э. С.—Социально-политические и экономические последствия политики «либерализации» и «открытых» дверей в АРЕ.	124
Султанов А. Ф.—Усиление правых тенденций в Египте: причины и последствия.	130

IV. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ СТРАН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Азизова Ю. С.—К вопросу о процессе формирования рабочего класса в Саудовской Аравии.	135
Вобликов Д. Р.—Характерные черты социально-политического положения в Судане в 70-е гг.	142
Ворончанина Н. Н.—Некоторые аспекты социально-экономического развития Туниса в 70-е гг.	149
Озолинг В. В.—Некоторые особенности социально-экономического развития нефтедобывающих стран Аравии.	157
Пашаева Р. М.—Роль Саудовской Аравии в создании Всемирной исламской организации солидарности мусульманских стран.	161
Пересыпкин О. Г.—Социально-экономические и политические проблемы современного Йемена.	168

V. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Алибейли Г. Дж.—Политика монархического Ирана в зоне Персидского залива	174
Алиев Г. З., Ахундов Н. А.—Об отношениях Турции с арабскими странами на современном этапе	182
Чалымян Н. Т.—Основные этапы и особенности развития сирийско-иракских взаимоотношений (1961—1967 гг.)	189
Ягья В. С.—Основные проблемы взаимоотношений стран бассейна Красного моря	197

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
АРАБСКИХ СТРАН В 1950—1970-е ГОДЫ

*Печатается по решению ученого
совета Института востоковедения
АН Армянской ССР*

Редактор издательства *И. Г. Анкарян*
Переплет *К. К. Кафидаряна*
Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *А. М. Манучарян*
Корректор *Л. С. Азатян*

ВФ 05359   Изд. 5224   Заказ 242   Тираж 1000
Сдано в набор 17.01.1980 г. Подписано к печати 25.08.1980 г. Печ. 13 л. Усл.
печ. л. 12,55. Изд. 13,5 л. Бумага № 1, 60×84^{1/16}. Гарнитура «литературная».
печать высокая. Цена 2 р. 20 к.
Издательство Академии наук Армянской ССР.
375019 Ереван, ул. Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Армянской ССР, г. Эчмиадзин.

CM

CM

ԳԱՍ Հիմնադրար Գիտ. Գրադ.

FL0343368

U " 45064